

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимирской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

пріятности своей распространяется. А отъ сего отъ великихъ принимая малые повсюдова онъ началъ являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для той же причины.

Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ божію и къ гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпство и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать и удовольствовать свои хотѣнія. Однако между множествомъ людей оставалось еще великое число, которые не бывъ толь близко у двора, сохранили древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, если не по склонности, но по крайней мѣрѣ, по страху казнѣй, исполняемое еще въ довольної равновѣсіи вѣсы свои сохранило. При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правлѣніи принцесы Анны, вмѣсто сына Іоанна Брауншвейскаго, именованнаго наслѣдникомъ имперіи умирающею императрицею Анною) принцеса Елизавета, дщерь Петра Великаго и императрицы Екатерины, взошла на россійскій престолъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

(Окончаніе второй части).

ПЕРИОДЪ VI.

Возвращеніе въ Новоспасское.—Пояздка въ Москву и Петербургъ.—Женитьба.—Первое представленіе оперы.

1834—1836 гг.

По возвращеніи въ Новоспасское, я подалъ прошеніе о паспортѣ за границу и получилъ его въ августѣ. Мое намѣреніе былоѣхать прямо въ Берлинъ, чтобы видѣть Марію, съ семействомъ которой и съ ней самой я былъ въ постоянной перепискѣ. Матушка уѣхала въ Петербургъ съ сестрой Елизаветой Ивановной, получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни брата Евгения Ивановича, который находился тогда въ Артиллерійскомъ училищѣ. Сестра Наталья Ивановна попросила меня довести Луизу до Берлина, на что я охотно согласился. Итакъ, я съ Луизой и человѣкомъ Яковомъ отправился въ Смоленскъ въ концѣ

августа; остановился у сестры Мары Ивановны и мужа ея Дмитрия Степановича Стуньева, и сейчас же взялъ подорожную до города Вильно, гдѣ Яковъ долженъ былъ меня оставить. Но тутъ вышло слѣдующее затрудненіе: паспортъ Луизы не былъ явленъ въ первомъ губернскомъ городѣ, по вѣзду ея въ Россію, а потому начальство въ Смоленскѣ не могло выдать ей паспорта на проѣздъ, и для получения такого надлежалоѣхать въ Петербургъ. мнѣ было досадно, но между тѣмъ не хотѣлось, давши слово, бросить Луизу, и не хотѣлось тожеѣхать въ Петербургъ.

Погода была превосходная, и Стуньевъ уговорилъ меня къ тому тѣмъ болѣе, что я надѣялся успѣть еще до зимы добраться до Берлина; но судьба опредѣлила иначе.

Прибывъ въ Петербургъ, я остановился у Алексія Степановича Стуньева; у него же остановилась и матушка съ сестрой. Брать уже скончался. Первый, попавшіяся мнѣ по приѣздѣ, лица были: Луиза, которая чесала волосы миловидной девушки. Это была Марья Петровна Иванова, сестра Софіи Петровны, жены Алексія Стуньева. Въ Берлинѣ сестра Nathalie и зять говорили, что покойный отецъ иногда въ шутку называлъ ее своей невѣсткой. Нечувствительно я началъ увлекаться миловидностю и нѣкоторою врожденной граціей Мары Петровны, и не спѣшилъ отѣзданіемъ, хотя матушка купила мнѣ карету для изѣженія осенней сырости въ пути. Нѣмка приревновала меня къ Марѣ Петровнѣ и все утверждала, что я кончу тѣмъ, что женюсь на ней.

Матушка съ сестрой отправились обратно въ деревню, а я остался у Стуньева, который отдалъ мнѣ свой кабинетъ.

Наконецъ 1-го октября ночью выпалъ снѣгъ; зимній путь установился и я рѣшительно остался въ Петербургѣ.

Все нужное для отправленія Луизы обратно въ Берлинъ, было устроено къ крайней ея досадѣ. Забавно только то, что собираясь въ путь, она во всемъ Петербургѣ не могла отыскать себѣ башмаковъ по ногѣ; всѣ были малы для ея огромной ноги.

У Алексія Стуньева была страсть прислуживаться докторами. Сперва отдалъ онъ меня на руки Вольскому, но удачи не было; тогда онъ повезъ меня къ генераль-штабъ-доктору Гаевскому, который нашелъ, что я въ магнитическомъ состояніи исовѣтовалъ употребленіе магнетизма, чтобы помочь этому со-

стоянію нервной системы (rouge démagnetiser). Избранный для сего докторъ Лихтенштедъ не охотно согласился, говоря, что онъ убѣдился, сколь ненадежно прибѣгать къ магнетизму. И дѣйствительно, во время магнетизированія я стональ отъ мучительныхъ ощущеній, а послѣ третьаго сеанса надо было прекратить опыты, потому что первы раздражились до жесточайшей степени. Я снова обратился къ гомеопатіи, и известный въ то время докторъ Германъ значительно помогъ мнѣ. Около двухъ лѣтъ продолжалъ я лечиться гемеопатически и строго соблюдалъ предписанную діету.

Алексѣй Стунѣевъ страстью любилъ музыку, въ особенности романсы. Жили мы въ домѣ, принадлежавшемъ къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, на Вознесенской улицѣ. Онъ теперь принадлежитъ ко дворцу е. и. в. Маріи Николаевны. Марья Петровна очень часто гостила у сестры своей Софьи Петровны. Когда бывало Алексѣй Стунѣевъ сядетъ въ свободный часъ за фортепьяно и возьмется за романсы, то и начнетъ пѣть одинъ за другимъ по порядку, не пропуская ни одного куплета, хотя бы ихъ было множество. Мы съ Марьей Петровной пользовались его увлеченіемъ и усердно шушукали сидя на софѣ, между тѣмъ, Стунѣевъ приходилъ болѣе и болѣе въ восторгъ. Я, признаюсь въ плутовствѣ своемъ, хотя онъ пѣлъ нещадно въ носъ и выговаривалъ слова топорнымъ образомъ, я не только поощрялъ его къ пѣнію, но даже и разучивалъ съ нимъ новые романсы. Софья Петровна порядочно пѣла приятнымъ альтовымъ голосомъ. Я началъ учить ее пѣть, а также и Марью Петровну, которая, не зная нотъ, пѣла впослѣдствіи довольно вѣрно и мило небольшіе романсы.

Мало-по-малу начали меня посѣщать любители пѣнія. Николай Степановичъ Волковъ (онъ теперь директоръ училища изящныхъ искусствъ въ Варшавѣ), былъ кадетомъ училища путей сообщенія въ 1824 году, и у Бахтуриныхъ, гдѣ онъ тогда часто бывалъ, мы его звали по просту Коша. Въ теченіи зимы съ 1834 на 1835 г., онъ былъ милымъ, образованнымъ и талантливымъ молодымъ человѣкомъ; пѣлъ весьма хорошо баритономъ и превосходно рисовалъ. Съ нимъ я постоянно занимался пѣніемъ, и въ ту же зиму онъ нарисовалъ акварелью мой портретъ необыкновенно удачно. Съ братомъ его Матвѣемъ Степанови-

чемъ Волковымъ, я также вскорѣ послѣ того познакомился; онъ учился пѣть у Беллоли; мы вмѣстѣ пѣвали у Демидовыхъ и дружескія съ ними отношенія до сихъ поръ сохранились. Въ теченіи той же зимы не рѣдко приходилъ пѣть со мной Иванъ Николаевичъ Андрющевъ; онъ теперь также въ Варшавѣ и до сихъ поръ владѣетъ превосходнымъ теноромъ. Тогда сочиненъ мною романсь «Инезилья», слова Пушкина и романсь «Только узналъ я тебя», сей послѣдній для Марьи Петровны.

Пріятель мой, огромнаго роста капитанъ (теперь генераль-маиръ и командиръ полоцкаго егерскаго полка въ дѣйствующей арміи) Копьевъ, любитель музыки, пѣвшій пріятно басомъ и сочинившій нѣсколько романсовъ, привелъ мнѣ однажды маленькаго человѣка *), который говорилъ пискливыми сопрано. Когда онъ сѣлъ за фортепьяно, то оказалось, что этотъ маленький человѣкъ, былъ очень бойкій фортепьяністъ, а впослѣдствіи весьма талантливый композиторъ Александръ Сергеевичъ Даргомыжскій.

Я жилъ тогда домосѣдой, и тѣмъ болѣе, что склонность къ Марье Петровнѣ нечувствительно усиливалась; несмотря на это, однакоже, я постоянно посѣщалъ вечера В. А. Жуковскаго. Онъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и вообще людей доступныхъ изящному. Назову здѣсь нѣкоторыхъ: А. С. Пушкинъ, князь Вяземскій, Гоголь, Плетневъ были постоянными посѣтителями. Гоголь при мнѣ читалъ свою «Женитьбу». Князья Одоевскій, Вельегорскій и другие бывали тоже не рѣдко **).

Когда я изъявилъ свое желаніе приняться за русскую оперу, Жуковскій искренно одобрилъ мое намѣреніе и предложилъ мнѣ сюжетъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я находилъ въ ней много оригинального, характерно-русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова, и для пробы сочинилъ извѣстные стихи: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» (изъ тріо съ хоромъ въ эпилогѣ).

*) Зачеркнуто и снова подчеркнуто: «въ голубомъ сюртукѣ и красномъ жилетѣ».

**) Зачеркнуто: «иногда вмѣсто чтенія пѣли, играли на фортепіано; бывали иногда и барыни, но которыхъ были доступны изящнымъ искусствамъ».

Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія, и онъ сдалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора изъ нѣмцевъ, бывшаго тогда секретаремъ е. и. в. Государя Цесаревича.

Мое воображеніе предупредило однакожъ прилежнаго нѣмца; какъ бы по волшебному дѣйствію вдругъ создался и планъ цѣлой оперы, и мысль противопоставить русской музыкѣ—польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей.

Я началъ работать, и совершенно наизворотъ, а именно началь тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ, т.-е. увертюрой, которую написалъ на 4 руки для фортепиано, съ означеніемъ инструментовки. Въ изданіи «Жизнь за Царя» увертюра въ 4 руки сохранена такъ, какъ я тогда написалъ ее, кромѣ adagio, которое измѣнено мною впослѣдствіи. Темы для разныхъ мѣстъ оперы и часто съ контрапунктическою разработкою, записывалъ я въ особенной тетрадкѣ по мѣрѣ ихъ изобрѣтенія.

Въ теченіи зимы съ 1834 г. на 1835 г., пѣль въ концертѣ Демидовой, въ финалѣ Пирата Белліни, партію Рубини. У графа Вельегорскаго исполнили величимъ постомъ 7-ю симфонію Бетховена необыкновенно удачно. Первые скрипки: Львовъ, Бемъ, Ранбергъ и Мауреръ играли съ неподдельнымъ увлечениемъ. Послѣ adagio профессоръ музыки въ театральномъ училищѣ Soliva, отличнѣйший теоретикъ, подпрыгнулъ воскликнувъ: «E una cosa che fa stupore!» а я былъ таѣь встревоженъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня этой непостижимо превосходной симфоніей, что когда приѣхалъ домой, то Марья Петровна спросила у меня съ видомъ участія: «Что съ тобою, Michel?» — «Бетховенъ!...» отвѣчалъ я.—«Что же онъ тебѣ сдѣлалъ?» продолжала она, и я долженъ былъ объяснить ей, что слышалъ превосходную музыку; она была плохая музыкантша.

Послѣ годовщины по отцѣ, я написалъ письмо къ матери съ просьбою о благословеніи на женитьбу, и, получивъ его, отозвался *). Невѣста моя, по причинѣ приготовленій къ сватѣбѣ, часто жила у матери на Пескахъ, а поэтъ мой Розенъ, въ сопѣдствіи съ ними, на Конной площади; такъ что посѣща Марью

*) Въ копіи пояснено: «посватался».

Петровну, я заходил и къ Розену. Въ теченіи весны, т.-е. апрѣля и марта, по моему плану онъ изготавилъ слова первого и второго акта. Ему предстояло не мало труда; большая часть не только темъ, но и разработки пьесы были сдѣланы, и ему надлежало поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Баронъ Розенъ былъ на это молодецъ; закажешь бывало столько-то стиховъ, такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ-сложного и даже небывалаго—ему все равно; придишь черезъ день, ужъ и готово. Жуковскій и другіе въ на-смѣшку говорили, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать—какого сорта, т.-е. размѣра, мнѣ нужно и сколько стиховъ, онъ вынималъ столько каждого сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особенного кармана.

Когда же размѣръ и мысль не^{*)} подходили къ музыкѣ и согласовались съ ходомъ драмы, тогда являлось въ моемъ піятѣ необыкновенное упрямство. Онъ каждый свой стихъ защищалъ стойческимъ геройствомъ; такъ, напримѣръ: мнѣ показались не совсѣмъ ловкими стихи изъ квартета:

Такъ ты для земнаго житья
Грядущая женка моя.

Меня какъ-то непріятно поражали слова: грядущая, славянское, библейское даже, и простонародное слово женка; долго, но тщетно бился я съ упорнымъ барономъ; убѣдить его въ справедливости моего замѣчанія возможности не было; онъ много говорилъ съ жаромъ, при чемъ тощее и блѣдное лицо его мало-по-малу всыхивало яркимъ румянцемъ. Преніе наше окончилось онъ слѣдующимъ образомъ: «Ви не понимаетъ, это сама лучшій поэзія».

Мысль извѣстнаго тріо, есть слѣдствіе моей безумной тогданией любви; минута безъ невѣсты моей казалась мнѣ невыносимою, и я дѣйствительно чувствовалъ высказанное въ adagio или andante: «Не томи родимый», которое написалъ уже гѣтомъ въ деревнѣ.

Въ концѣ апрѣля, около 25 или 26 числа, 1835 года я женился. Вѣнчалъ насъ, въ церкви инженерного училища, мой

^{*)} «Н е» — написано карандашомъ въ копії.

духовникъ и законоучитель въ пансионѣ, протоіерей Алексѣй Маловъ; посаженнымъ отцемъ былъ почтенный родственникъ мой, тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ, а шаферомъ моимъ капитанъ, теперь генераль-маіоръ, коман-диръ 3-го учебнаго карабинернаго полка, Петръ Александровичъ Степановъ. О нихъ буду еще писать послѣ.

Въ первой половинѣ мая, отправился я съ женою и тѣщею въ Новоспасское. Бѣхали мы на Москву для свиданья съ род-ственниками жены. Со мной были слова для двухъ актовъ, и я помню, что гдѣ-то за Новгородомъ, въ каретѣ, вдругъ я сочи-нилъ въ $\frac{5}{4}$ хоръ «Разлелѣялась».

Подробности деревенской жизни исчезли изъ памяти; знаю только, что я прилежно работалъ, т.-е. уписывалъ въ партитуры уже готовое и заготовляль впередъ. Ежедневно утромъ садился я за столъ въ большой и веселой залѣ, въ новоспас-скомъ нашемъ домѣ. Это была наша любимая комната; сестры, матушка, жена, однимъ словомъ вся семья тамъ же копошилась, и чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣе шла моя ра-бота. Время было прекрасное, и я часто работалъ отворивъ дверь въ садъ и впивая въ себя чистый бальзамическій воздухъ.

«Не томи родимый» сначала я написалъ-было въ $\frac{2}{4}$ и въ тонѣ A-moll, но разсчель, что въ первомъ актѣ, у меня много пárнаго дѣленія такта, а именно: Интродукція, арія Анто-ниды и речитативъ Сусанина съ хоромъ. Вспомнилъ тоже слова Дена, который однажды привелъ Шпора въ замѣшатель-ство, спросивъ у него: по какой причинѣ вся Гессонда его идетъ въ $\frac{3}{4}$ дѣленія такта? Не желая, чтобы и ко мнѣ могли придаться за единообразіе, я написалъ туже мелодію въ $\frac{6}{8}$ и въ B-moll, что безспорно лучше выражаетъ нѣжное томленіе любви.

Карлъ Федоровичъ Гемпель погостили у насъ не малое время; онъ искренно радовался успѣшному ходу труда моего, и кажется, въ хранящейся у В. П. Энгельгардта собственно-руч-ной партитурѣ, сцена G-dur, когда къ Сусанину въ хижину приходятъ поляки, переписана Карломъ Федоровичемъ *).

Въ августѣ, мы съ женою и тѣщею отправились обратно въ

*) Эта сцена составляетъ № 13-й партитуры. См. Отч. И. П. Б., стр. 36.

Петербургъ, гдѣ въ скоромъ времени я съ женою поселился на Конной площади, въ особенномъ, нами одними занимаемомъ домѣ. Вскорѣ къ намъ перебралась и тёща. Здѣсь я долженъ сказать, что Алексѣй Стунѣевъ не одобрялъ этого и не разъ говорилъ мнѣ: «Ей, Michel, не бери тёщи въ домъ». Вообще, онъ ни въ чёмъ непричастенъ былъ въ женитьбѣ моей и ея послѣдствіяхъ. Отчасти по самонадѣянности, отчасти по свойственной художнику лѣни заниматься хозяйственными дрягами, а также изъ угощенія женѣ, я впустилъ въ мое семейство бѣдовую тёщу.

Несмотря на это, все шло хорошо, и такъ хорошо, что пріятель мой Степановъ, нерѣдко навѣщавшій насъ, сказалъ мнѣ однажды: «Душа радуется, видя твое счастье; поздравляю тебя». — «Искренне скажу спасибо, отвѣчалъ я, когда ты черезъ десять лѣтъ поздравишь меня».

Съ Степановымъ (Петромъ) я встрѣчался будучи еще въ пансионѣ, у родственника нашего (мы были сами въ дальнемъ родствѣ), Федора Степановича Кашталинского, потомъ видались пріятельски у князя Хованского и у моего пансионского товарища Алексѣя Николаевича Астафьева, который теперь генераль-маиоромъ при свитѣ е. и. величества.

Работа шла успѣшно; всякое утро сидѣлъ я за столомъ и писалъ по шести страницѣ мелкой партитуры, той самой, чѣмъ у Энгельгардта. По вечерамъ, сидя на софѣ въ кругу семейства и иногда немногихъ искреннихъ пріятелей, я мало принималъ участія во всемъ меня окружавшемъ. Я весь былъ погруженъ въ трудъ, и хотя уже много было написано, оставалось еще многое соображать, а эти соображенія требовали не малаго вниманія, надлежало все пригонять такъ, чтобы вышло стройное цѣлое. Сцену Сусанина въ лѣсу съ поляками, я *) писалъ зимою; всю эту сцену, прежде чѣмъ я началъ писать, я часто читалъ съ чувствомъ вслухъ, и такъ живо переносился въ положеніе моего героя, что волосы у самого меня становились дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ.

Развитіе, по моему плану, этой сцены вполнѣ принадлежитъ барону Розену **).

*) Зачеркнуто: «помню какъ бы теперь».

**) Рукою Кукольника написано: «NB. О Розенѣ» — а рукою Глинки: «NB. Не понимаю. Ми моза».

Ломакинъ, съ которымъ я тогда познакомился, тоже содѣйствовалъ моему труду; онъ приводилъ пѣвчаго Бѣликова (сортано), чтобы пробовать арію: «Не о томъ скорблю подруженъки», ритурнель которой игралъ на флейтѣ Тихменевъ. Гавріилъ Екимовичъ Ломакинъ собственными и постоянными трудами и талантомъ, достигъ почетнаго мѣста между преподавателями музыки и искренно любимъ и уважаемъ всѣми его знающими.

Прасковья Арсеньевна Бартенева была въ Петербургѣ. Чрезъ нея или черезъ зятя ея Д. И. Нарышкина, устроили мнѣ оркестровую репетицію первого акта моей оперы, въ домѣ князя Юсупова.

Оркестръ, хотя плохой, исполнилъ однако довольно хорошо; управлялъ имъ Іоханинъ, который впослѣдствіи былъ театральнымъ капельмейстеромъ въ Москвѣ. Хоровъ не исполняли, а кое-гдѣ пѣль я, Бартенева и Волковъ. Несмотря на это, эффектъ инструментовки оказался удовлетворительнымъ. Это было великимъ постомъ 1836 года.

Въ ту же зиму, т.-е. съ 1835 на 1836 г., я познакомился актерами Петровымъ и Шемаевымъ, а потомъ и съ другими съ артистами русской оперы, и, мало-по-малу, началъ разучивать мою оперу. Гг. артисты проходили со мной свои партіи съ искреннимъ усердіемъ. Петрова (тогда еще Воробьевы), необыкновенно талантливая артистка, всегда просила меня пропѣть ей, каждую новую для нея музыку, раза два, въ третій—слова и музыку она уже хорошо пѣла и знала наизусть.

Несмотря на доброе расположение артистовъ, во время моихъ съ ними занятій, дѣло не обошлось безъ сплетень и неудовольствій. Директоръ театровъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ писалъ мнѣ письмо съ незаслуженными мною выговорами,—будто бы я заставляю артистовъ пѣть въ комнатахъ, гдѣ слишкомъ накурено табакомъ и что-де отъ этого ихъ голоса портятся. Я досадовалъ, но все-таки продолжалъ разучку партій.

Въ мартѣ 1836 года, графъ Михаиль Юрьевичъ Вельегорскій устроилъ у себя репетицію первого акта оперы *); партія пѣли артисты, а хоры не помню какіе имѣнно пѣвчіе, только

*.) «За что ему вѣчное спасибо».—Помѣта на полѣ копіи карандашемъ.

не придворные. На этой репетициі былъ Гедсоновъ, была также и матушка. Репетиція была очень удовлетворительна. Графъ Вельегорскій сдѣлалъ мнѣ два дѣльныхъ замѣчанія: въ интродукціи не было конца (*coda*), и по его совѣту я потомъ и придалъ коду. Въ № 3-мъ въ сценѣ Сусанина *) не было хора на сценѣ, а только за кулисами. Графъ посовѣтовалъ мнѣ придать хоръ на сценѣ crescendo и кончить его ff, что мною сдѣлано съ успѣхомъ, и явленіе жениха отъ того несравненно торжественнѣе.

Въ теченіе работы не мало обязанъ я совѣтамъ князя Одоевскаго и нѣсколько Карла Мейера. Одоевскому чрезвычайно понравилась тема, взятая мною изъ пѣсни лужского извоночика, а именно:

Moderato.

Онъ совѣтовалъ мнѣ напомнить объ этой темѣ, которою начинается партія Сусанина, въ послѣдней его сценѣ въ лѣсу съ поляками. Мнѣ удалось исполнить это; послѣ словъ: «Туда залѣль я васть, куда и сѣрый волкъ не забѣгалъ, куда и черный вранъ востей не заносилъ», идетъ прогрессія отрывка изъ темы, переданной мнѣ извоночикомъ, а именно:

Cys. *Хоръ. Cys.*

Куда?

Хоръ.

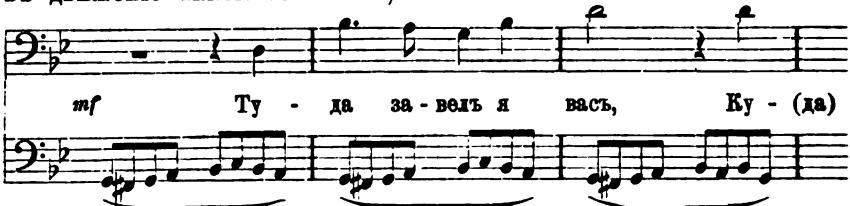
Куда?

При сочиненіи начала, въ отвѣтахъ Сусанина я имѣлъ въ виду нашу извѣстную разбойничью пѣсню «Внизъ по матуш-

*) Зачеркнуто: «главная тема которой взята изъ слышанной мною неподалеку отъ города Луги, С.-Петербургской губерніи, русской пѣсни, передъ приходомъ жениха». — Съ боку карандашемъ: «нужно».

„РУССКАЯ СТАРИНА“, поль, 1870. т. II.

къ по Волгѣ, употребивъ начало ея удвоеннымъ движениемъ въ движение аккомпанемента, какъ-то:

Съ Карломъ Мейеромъ я иногда совѣтовался объ инструментовѣ особенно въ ff; помню также, что онъ навѣль меня на фигуру аккомпанемента въ мазуркѣ:

Эта фигура въ разныхъ тонахъ повторяется разными инструментами и производить недурной эффеќтъ.

Съ Несторомъ Кукольникомъ познакомили меня, когда?—не помню, по случаю моей оперы и отрекомендовали, какъ лучшаго въ тогдашнее время нашего драматического писателя.

Онъ готовъ былъ писать для меня слова; но уѣхалъ въ Москву, откуда приспалъ образчикъ сцены, изъ котораго я уви-дѣлъ, что нельзя было заочно работать, въ особенности потому, что большая часть музыки была готова и нужно было подъ нее поддѣлываться. Съ другой же стороны, баронъ Розенъ ретиво приступилъ къ дѣлу, и изъ уваженія къ В. А. Жуковскому, мнѣ нельзя было избѣгнуть его содѣйствія. Несмотря на это обстоятельство, по возвращеніи Нестора Кукольника, мои сношения съ нимъ не только продолжались, но сдѣлались еще дружественнѣе; онъ принималъ искреннее участіе въ трудѣ моемъ и радовался каждой вновь сочиненной сценѣ съ истиннымъ восторгомъ.

Весною 1836 года, жена съ тѣшней перебѣхала въ Петергофъ, гдѣ поселилась вмѣстѣ съ женатымъ братомъ своимъ Николаемъ Петровичемъ. Послѣ Венеціи я съ трудомъ переносилъ вліяніе морского воздуха, а потому рѣдко навѣщалъ жену въ

Петергофъ. Притомъ же, послѣ репетиціи у графа Віельгорскаго пошли хлопоты и сплетни, надлежало добиться принятія оперы моей на сцену. Меня увѣряли, что капельмейстеръ Катерина Альбертовичъ Кавосъ, написавшій когда-то, и удачно, музыку на оперу Иванъ Сусанинъ, сильно интриговалъ противъ меня. Время обнаружило противное; онъ болѣе всѣхъ другихъ убѣждалъ директора *) поставить мою оперу, а впослѣдствіи велъ репетиціи усердно и честно**).

Наконецъ обязали меня подпиською не требовать за оперу никакого вознагражденія; таковую подпиську далъ я секретарю Гедеонова, А. Л. Неваховичу, на квартиру Н. Кувольника, у Синаго моста, въ домѣ Гавриловой.

Надлежало тогда кончить разучку партій, заняться разучкой хоровъ, докончить танцы, и изготовить нѣкоторые вновь, по указанію балетмейстера Титюса. Кроме польскаго, краковяка, мазурки и Pas de quatre (A-dur), я подзаготовилъ было еще два другихъ па, между прочимъ одно E-dur, въ которомъ было Solo для Бѣма, другое па C-dur для гобоя и віолончели.

Вскорѣ Кавосъ началъ репетиціи въ залахъ театра съ квартетомъ. Такъ какъ извѣстно, что смычковые или струнныя инструменты составляютъ главную основу оркестра и что ихъ несравненно болѣе (требуется) ***), чѣмъ духовыхъ инструментовъ, то Кавосъ распорядился таѣ, что браль два квартета съ однимъ контрабасомъ на одну репетицію, на слѣдующую другіе два квартета съ другимъ контрабасомъ и продолжалъ таѣ (прічемъ постоянно исправлялъ ошибки), пока всѣ артисты не были въ возможности порядочно исполнять пьесы. Тогда онъ браль отдельно одни духовые и наконецъ весь оркестръ, сперва въ залахъ, а потомъ и на сценѣ.

Кавосъ велъ репетиціи съ свойственною ему дѣятельностью только, по привычкѣ, не соблюдалъ отѣнковъ, въ особенности пр. никогда почти не выходило, а было что-то въ родѣ ш. Равнымъ образомъ онъ какъ-то не могъ уловить настоящаго темпа, а всегда браль его нѣсколько медленнѣе или живѣе.

*) «Тоже благородный человѣкъ». Прим. Глинки карандашемъ на копії.

**) «Сколько могъ». Примѣч. Глинки карандашемъ на копії.

***) Это слово находится въ копії.

Не помню гдѣ именно и на какой репетиції за польскій D-dur и хоръ C-dur, гдѣ pizzicato струнныхъ инструментовъ подражаютъ балалайкѣ, артисты, положа смычки, мнѣ усердно аплодировали, и еще аплодировали за какой-то нумеръ. Признаюсь, что это одобрение меня болѣе удовлетворило, нежели всѣ изъявленія удовольствія публики. Надо замѣтить, что я тогда очень мало былъ знакомъ съ музыкантами, исполнявшими мою оперу. Оркестръ былъ хорошъ, но не совсѣмъ: въ отрыя скрипки были, сравнительно, гораздо плоше первыхъ; альтовъ было мало; контрабасы были не всѣ хороши; изъ духовыхъ тоже не всѣ; валторны были исправны, равно какъ и нѣкоторые вторые изъ другихъ инструментовъ *). Между первыми скрипками были хорошие артисты; 4 или 5 превосходныхъ віолончелистовъ, изъ духовыхъ, klarнетистъ Бендеръ отличался необыкновенною полнотою звука, а флейтистъ Зусманъ, былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ, если не лучшій, артистъ въ Европѣ.

Во время послѣднихъ репетицій приѣхалъ отличный гобоистъ Бродъ; онъ необыкновенно хорошо исполнялъ свои партии на гобое и на англійскомъ рожкѣ.

За нѣсколько времени до представлениія, приѣхалъ изъ Москвы теноръ Шарпантѣ (Charpentier); онъ, подъ именемъ Леонова, поступилъ на театръ и ему дали роль Сабинина.

Жуковскій, хотя не писалъ для либретто, однако не измѣнилъ внимательному участію въ трудѣ моемъ; онъ объяснилъ машинисту и декоратору Роллеру, какъ устроить эффектно послѣднюю сцену въ Кремль; вмѣстѣ єздили мы въ мастерскую (atelier) Роллера и Жуковскій внимательно разматривалъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно.

Успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ дѣло, и въ послѣдней сценѣ, вырѣзанный изъ картона разнородныя группы отдаленной толпы, превосходно обманываютъ зрѣніе, и кажутся продолженіемъ оживленной толпы народа, стоящаго на авань-сценѣ.

Въ концѣ лѣта я написалъ тріо съ хоромъ: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» соображаясь съ средствами и талантомъ г-жи Воробьевой. По случаю отѣзда дѣйстви-

*) Здѣсь знаки препинанія поставлены такъ въ копіи.

тельного статского советника, доктора Пеликана, съ которымъ жил Кукольникъ, весь бель-этажъ былъ въ его распоряженіи вмѣстѣ съ друзьями. Въ одной комнатѣ писалъ хозяинъ, Кукольникъ, въ другой шла бесѣда, въ третьей, докторъ Гейденрейхъ весь погружался въ шахматную игру и т. д.

Вышеозначенное тріо съ хоромъ (изъ него сдѣлано адаџіо увертюры) написалъ я подъ веселый часъ. Помню, какъ теперь, что настъ собралось человѣкъ пятнадцать, было и Петровъ (актеръ), и эту трогательную сцену я написалъ, или скорѣе, сочинилъ подъ шумъ и говоръ пирующихъ друзей. Аккомпанементъ къ этому тріо сначала написалъ я для альтовъ и віолончелей, но потомъ, по совѣту князя Одоевскаго, для однихъ четырехъ віолончелей и одного контрабаса; онъ же навелъ меня на мысль употребить скрипки, раздѣленныя (*divisé*) на 4 и 3 партіи въ введеніи въ это тріо «Все та же тоска и пр.».

Отъ того ли, что я покупался въ морѣ въ послѣднюю поѣздку мою въ Петергофъ, лѣтомъ 1836 года, при чемъ я чувствовалъ, что у меня необыкновенно какъ-то повернулось около сердца, или отъ другой причины, но я началъ жестоко страдать, сперва нервами, съ невыносимымъ замираніемъ во всемъ тѣлѣ, а въ скоромъ времени образовалась лихорадка, которая сопровождалась по утрамъ кровотеченіемъ изъ носа, а по вечерамъ жаромъ, и въ короткое время меня чрезвычайно изнурила. Къ счастію, я уже нѣсколько зналъ употребленіе нѣкоторыхъ гомеопатическихъ лекарствъ, и одинъ пріемъ ипекакуаны прервалъ лихорадку.

Болѣзнь заставила меня сидѣть дома; когда же, нѣсколько оправившись, я появился на репетиції, то меня съ трудомъ можно было узнать: я похудѣлъ и позеленѣлъ до невѣроятной степени.

Репетиціи ведены были въ залахъ и на сценѣ александрийского театра. Большой театръ былъ въ передѣлкѣ. Въ скоромъ времени, осенью, для пробы акустического достоинства залы Большого театра исполнили тамъ квартетъ изъ моей оперы: «Милыя дѣти, будь между вами миръ и любовь».

Рѣшено было дать мою оперу на открытие театра, по

возобновлениі, и потому начали производить пробы на сценѣ большаго театра. Въ это время отѣльвали ложи, прибивали канделябры и другія украшенія, такъ что нѣсколько сотъ молотковъ часто заглушали капельмейстера и артистовъ.

Не задолго до первого представлениія я имѣлъ счастіе встрѣтить Государя на одной изъ репетицій; молотки умолкли и Петровъ съ Воробьевой пѣли дуэтъ Es-dur, и, естественно, очень не дурно. Государь подошелъ ко мнѣ и ласково спросилъ: «доволенъ ли я его артистами?»—Въ особенности ревностію и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свою обязанность, отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ понравился государю и онъ передаль его актёрамъ.

Черезъ содѣйствіе Гедеонова я получилъ позволеніе посвятить оперу мою государю императору; и вмѣсто Ивана Сусанина, названа она «Жизнь за Царя».

На послѣдней репетиціи я не былъ за болѣзнию. Эта проба была, какъ водится, въ костюмахъ, съ декораціями и освѣщеніемъ. Такъ какъ многіе уже слышали отрывки изъ оперы моей и публика интересовалась ею, то театръ былъ полонъ.

Князь Одоевскій по окончаніи пробы успокоилъ меня письмомъ, увѣряя, что успѣхъ первого представлениія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наконецъ, въ пятницу, 27 ноября 1836 года, назначено было первое представление оперы: «Жизнь за Царя».

Невозможно описать моихъ ощущеній въ тотъ день, въ особенности передъ началомъ представлениія. У меня была ложа во второмъ ярусѣ; первый—весь былъ занятъ придворными и первыми сановниками съ семействами. Жена съ родными была въ ложѣ; не знаю навѣрно, была ли и матушка *).

Первый актъ прошелъ благополучно; извѣстному тріо сильно и дружно аплодировали.

Въ сценѣ поляковъ начиная отъ польского до мазурки и финального хора царствовало глубокое молчаніе. Я пошелъ на сцену, сильно огорченный этимъ молчаніемъ публики; и Иванъ Кавосъ, сынъ капельмейстера, управлявшаго оркес-

*) На полѣ въ скобкахъ неизвѣстно рукою: «Не была, ибо на другой день М. И. написалъ ей письмо съ описаніемъ этого представлениія».

стромъ, тщетно увѣрялъ меня, что это молчаніе происходит отъ того, что тутъ дѣйствуютъ поляки; я остался въ недоумѣніи.

Появленіе Воробьевой разсѣдало всѣ мои сомнѣнія въ успѣхѣ. Пѣсни сироты, дуэтъ Воробьевой съ Петровымъ, квартетъ, сцена съ поляками G-dur и прочіе №№ акта прошли (благополучно) *) и съ болѣшимъ успѣхомъ.

Въ четвертомъ актѣ, хористы, игравшіе поляковъ, въ концѣ сцены, происходящей въ лѣсу, напали на Петрова съ такимъ осторженіемъ, что разорвали на немъ рубашку и онъ не на шутку долженъ былъ отъ нихъ защищаться.

Великолѣпный спектакль эпилога, представляющій ликованіе народа въ Кремлѣ, поразилъ меня самого. Воробьева была превосходна, какъ и всегда, въ тріо съ хоромъ.

Успѣхъ оперы былъ совершенный, я былъ въ чаду и теперь рѣшительно не помню, что происходило, когда опустили занавѣсъ.

Меня сейчасъ послѣ этого позвали въ боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ меня за мою оперу, замѣтилъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ; я объяснилъ его величеству, что не бывъ на пробѣ по Большѣнн, я не могъ знать, какъ распорядятся; а что по моей программѣ во время нападенія поляковъ на Сусанина, занавѣсъ должна сейчасъ опуститься; смерть же Сусанина выскаживается Сиротою въ эпилогѣ.

Послѣ императора благодарила меня императрица, а потомъ великие князья и великие княжны, находившіеся въ театрѣ.

Въ скромъ времени, я получилъ за оперу императорскій подарокъ: перстень въ 4,000 р. асиг.; онъ состоялъ изъ топаза, окруженного въ три ряда превосходѣйшими бриллиантами; я тогда же подарилъ его женѣ моей.

Еще до представленія оперы, Кукольникъ помогъ мнѣ продать собственность оперы Снегиреву **); продажа, въ особенности сначала, шла чрезвычайно успѣшно и я получилъ нѣкоторую выгоду ***).

*) Это слово въ рукописи зачеркнуто.

**) Содержателю потаго магазина въ то время, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, въ бывшемъ домѣ Брюна.

***) На полѣ карандашемъ рукою Глинки: «справиться у Нестора (Кукольника)».

Несмотря на блестательный успехъ, нашлись зоилы. Фадей Булгаринъ напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ двѣ длинныя статьи въ декабрѣ 1836 г. или въ январѣ 1837 г. *). Эти статьи любопытны и ясно опредѣляютъ степень невѣжества въ музѣѣ ихъ автора.

Нѣкоторые изъ аристократовъ, говоря о моей оперѣ, выражались съ презрѣніемъ: «C'est la musique des cochers» **).

Несмотря на то, опера шла все лучше и лучше, театръ усердно поспѣщали, а гдѣ мало-мальски пѣли, тамъ уже навѣрное можно было найти печатныя шесы изъ моей оперы, которая впрочемъ была исправнѣе переложена на фортепиано мной и Карломъ Мейеромъ, нежели напечатана Снегиревымъ.

Бумага была прескверная, да и не поспѣвали во время №№ по требованію публики.

Въ заключеніи этого периода жизни считаю не лишнимъ привести здѣсь стихи, сочиненные въ честь мою на дружескомъ вечерѣ у князя Одоевскаго, Жуковскимъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Соболевскимъ***).

*) Прим. Глинки: «Слѣдовало бы отыскать ихъ, какъ chef d'oeuvre музыкальной галліматии. Противъ этого мыслью чѣй то рукой написано: «Это не-правда. Въ Сѣверной Пчелѣ были только три статьи кн. Одоевскаго: 1-я 7 дек. 1836, № 280, 2-я 15-го дек., № 287 и 3-я 16-го дек. 1836 № 288. Больше никакихъ и ничыхъ—не было». На это замѣчаніе, въ свою очередь, оказывается несправедливымъ. Въ Сѣверной Пчелѣ № 291 — 19 дек. и № 292, 21 дек. дѣйствительно были двѣ статьи за подпись «Фадей Булгаринъ», подъ заглавиемъ: «Мнѣніе о новой русской оперѣ: Жизнь за Царя». Въ нихъ, прикрывшись эпиграфомъ изъ Грибоѣдова: «Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!» и заявленіями, что «Сѣверная Пчела» имѣть и собственное мнѣніе, Булгаринъ нападаетъ на выраженія своего сотрудника Одоевскаго, который сказалъ, что «Глинка открылъ новый періодъ и вилъ новую стихію въ музыку».

«Въ музыкѣ, говорить Булгаринъ: не можетъ быть никакой новой стихіи и въ ней невозможно открыть ничего новаго. Все существуетъ. Берите и пользуйтесь!» Всѣ остальные сужденія такого же достоинства.

Ред.

**) «Это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера по-моему дѣльнѣе господъ».

Прим. М. И. Глинки:

***) Стихи не приведены ни въ подлинной рукописи записокъ М. И. Глинки, ни въ вывѣренной имъ копіи съ этихъ записокъ. На этой постѣдней, вмѣсто нихъ, есть слѣдующая приписка самого Глинки: «Умоляю доброго и, какъ я полагаю, искренно меня любящаго Д. В. С. приобрѣсть копію этихъ стиховъ отъ кн. Одоевскаго. Получа, прошу присоединить къ этимъ запискамъ. Берлинъ $\frac{5}{22}$ июня 1856 г.». Глинка, обращаясь съ этой просьбою къ Д. В. Стасо-

ву, забыть (какъ это съ нимъ въ послѣдніе годы жизни частенько бывало), что упоминаемые здѣсь стихи были напечатаны еще въ 1836 году; — внослѣдствіи они вошли въ «полное собраніе романсовъ и пѣсень М. И. Глинки» изд. Ф. Стедловскаго: Вотъ заглавіе и текстъ этого шутливаго произведения:

«Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ф. Одоевскаго и М. И. Глинки». Музыка положена на четыре голоса. Напеч. въ Спб. 15 декабря 1836 г. въ листъ.

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ

Вышла новая новинка.

Веселися Русь! нашъ Глинка —

Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

* * *

Кн. Вяземскій: За прекрасную новинку

Славить будеть гласть молвы

Нашего Орфея — Глинку —

Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Москвы!

* * *

Жуковскій: Въ честь толь славныя новинки

Грянь труба и барабанъ!

Выпльемъ за здоровье Глинки

Мы глитвейну, глитвейну—стаканъ!

* * *

Гр. Віельгорскій: Слушая сю новинку,

Зависть злобой омрачasz,

Пусть скрежещеть, но ужъ Глинку

Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

* * *

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ

Вышла новая новинка!

Веселися Русь! нашъ Глинка —

Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Шутка эта напечатана съ нотами, но мы не приводимъ нотъ, опасаясьревниваго ока г. Стедловскаго, который, быть можетъ, найдетъ въ этомъ насъятательство на его собственность. Что же до текста канона, то мы его приводимъ со списка, весьма обязательно сообщенного намъ — С. А. Соболевскимъ — при слѣдующей замѣткѣ этого уважаемаго библіографа: «Послѣ кніи Одоевскаго нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукой Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинъ, кн. Вяземскій и Жуковскій, въ честь Глинки; тутъ же, рукой кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукой Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ декабря (13-го?) 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго, что первый куплет — Пушкина, второй — Вяземскаго, третій Жуковскаго, а что музыка — кн. Одоевскаго и гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго (въ печ. изд. канона — назв. Глинка), обо мнѣ — ни слова. Я думаю, что память измѣнила Глинкѣ, называвшаго меня въ числѣ творцовъ шутливаго «канона»; я съ августа 1836 г. былъ за границею, гдѣ оставался на этотъ разъ около года, такъ что и несчастный поединокъ Пушкина случился, къ крайней моей скорби, во время моего отсутствія».

Отмѣтимъ, что въ печатномъ изданіи канона — куплеты приписаны поэтамъ въ такомъ порядке: 1-й — Віельгорскаго, 2-й — Вяземскаго, 3-й — Жуковскаго, 4-й — Пушкина.

Рах.

mandé, et ce qui m'a toujours fait soupçonner qu'on avait tiré le nom de son auteur, c'est qu'au moment même de sa présentation, deux de mes collègues et de mes cadets, me dépassèrent en devenant colonels. Le mémoire, que j'ai eu l'honneur de remettre le 2-ème Décembre dernier (1794) à M-r le C-te Soltykof, pour être présenté à S. M. I., et qui sans doute aura passé sous ses yeux, faisait allusion à toutes ces choses.

De La Hargre.

Сообщ. Н. П. Дуровъ.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Отъ декабря 1836 до 1844 года.

ПЕРИОДЪ VII.

Определеніе капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. — Поѣзданія въ Малороссію.—Начало оперы «Русланъ и Людмила».—Оставленіе службы.—Разрывъ съ женою.

1 января 1837 г. я быль назначенъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Въ концѣ 1836 г., зимою, скончался директоръ придворныхъ пѣвчихъ, Федоръ Петровичъ Львовъ. Графъ Михаиль Юрьевичъ**) и князь Григорій Волконскій по своему искреннему мнѣю расположению, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пристроить меня соотвѣтственно моимъ способностямъ; ибо они ясно видѣли, что, кроме другихъ выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, для меня не лишними были и материальныя пособія, какъ-то: окладъ и казенная квартира съ дровами.

Министръ двора приказалъ объявить мнѣ, чрезъ управлявшаго его канцеляріею Панаева (автора «Идиллій»), что есть мнѣ назначеніе и чтобы я далъ отвѣтъ. Я разспросилъ, въ чемъ должна была состоять моя обязанность и узнавъ, что я долженъ буду заниматься единственно искусственною частью, объя-

*) Русская Старина, т. I, стр.: 380 — 402; 474 — 494; 562 — 594; т. II, стр. 56 — 73. Настоящая часть записокъ, какъ отмѣчено рукой М. И. Глинки на обложкѣ рукописи: начата «въ С.-Петербургѣ, 7 сентября 1854 г.»

**) Вѣльгорскій.

виль, что соглашаюсь принять званіе капельмейстера придворной капеллы. Я спросилъ однако же предварительно, кто у меня будетъ начальникомъ и какія къ нему будуть отношенія? Панаевъ объяснилъ мнѣ, что директоръ долженъ будетъ завѣдывать единственно хозяйственnoю частію, а на вопросъ мой: кого именно предполагаютъ назначить? отвѣчалъ, что или князя Григорія Волконскаго, или графа Матвѣя Юрьевича. Хотя я могъ предполагать, что они также будутъ вмѣшиваться и въ музыкальную часть, однако же радовался служить съ ними, какъ съ людьми пріятными и искренно ко мнѣ расположеными.

Того же дня вечеромъ, за кулисами, государь императоръ, увида меня на сценѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и слѣдствѣнно стоять, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами». Эти ласковыя слова привели меня въ столь пріятное замѣшательство, что я отвѣчалъ государю только нѣсколькоими почтительными поклонами. На другой день я отправился къ графу Матвѣю Юрьевичу Вельегорскому; онъ принялъ меня радушнѣе обыкновенного, мы оба радовались служить вмѣстѣ и заранѣе помышляли о возможныхъ улучшеніяхъ придворной капеллы. Вышло однакоже чрезъ нѣсколько дней, что назначенъ былъ директоромъ Алексѣй Федоровичъ Львовъ, что нѣсколько смущило меня, ибо мои тогдашнія къ нему отношенія измѣнились по весьма странной для меня причинѣ.

Старикъ Федоръ Петровичъ Львовъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, навѣщалъ меня вскорѣ по моему приѣздѣ въ Петербургъ въ 1834 г., когда я жилъ у Стунѣва, несмотря на то, что квартира наша была на самомъ верху. Онъ оказывалъ мнѣ необыкновенное вниманіе; письмо, посланное ко мнѣ съ его книжкой о русскомъ церковномъ пѣніи, еще болѣе высказывало эти чувства. Однажды я былъ въ ложѣ, не помню въ какомъ театрѣ, вмѣстѣ съ невѣстой моей, Марьей Петровной, и въ тоже время въ другой ложѣ былъ Федоръ Петровичъ Львовъ съ своимъ семействомъ; когда онъ увидалъ меня съ невѣстой, то отвернулся отъ меня съ видомъ неудовольствія и мы съ той поры не кла-нялись.

Несмотря на это, Алексѣй Федоровичъ Львовъ принялъ меня

съ искреннимъ радушемъ и мы рѣшились идти рука объ руку на нашемъ новомъ поприщѣ. Всюрѣ по опредѣлениіи нашемъ Алексѣй Федоровичъ сдѣлалъ экзаменъ; многіе изъ большихъ пѣвчихъ, т.-е. теноровъ и басовъ оказались весьма плохими. Алексѣй Федоровичъ хотѣлъ-было нѣкоторыхъ исключить, однако же дѣло обошлось и безъ того. Я взялся учить ихъ музыкѣ, т.-е. членію нотъ, и исправить интонацію, по-русски — вывѣрить голоса. Мой способъ преподаванія состоялъ въ разборѣ скалы, означенія полутоновъ, слѣдственно изысканія причины употребленія знаковъ повышенія и пониженія; впослѣдствіи писалъ я на доскѣ двухголосныя короткія задачи ($\text{G}\ddot{\text{a}}\text{f}\text{e}$), заставлялъ сперва сдѣлать разборъ, потомъ спѣсть одну, потомъ разобрать и спѣсть другую партію, потомъ всѣ вмѣстѣ, стараясь образовать слухъ учениковъ моихъ и вывѣрить ихъ голоса.

Когда въ первый разъ явился я для преподаванія съ мѣломъ въ рукѣ, мало нашлось охотниковъ; большая часть большихъ пѣвчихъ стояли поодаль съ видомъ недовѣрчивымъ и даже нѣкоторые изъ нихъ усмѣхались. Я, не обращая на то вниманія, принялъся за дѣло таѣвъ усердно и скажу даже ловко, что послѣ нѣсколькихъ уроковъ, всѣ почти большие пѣвчіе, даже и такие, у которыхъ были частные и казенные уроки, приходили ко мнѣ на лекціи.

Мы съ Львовыми видались часто; въ теченіи зимы, въ началѣ 1837 г. иногда приглашалъ онъ къ себѣ Нестора Кукольника и Брюлова и угощалъ насъ дружески. Не говорю о музыкѣ (онъ иногда игралъ превосходно Моцарта и Гайдна; у него же слышалъ я тріо для 3 скрипокъ Баха). Но онъ, желая привязать художниковъ къ себѣ, не жалѣлъ и завѣтной бутылки какого-нибудь рѣдкаго вина.

Я также часто видался съ Жуковскимъ и Пушкинымъ. Жуковский, въ концѣ зимы съ 1836 на 1837 г., далъ мнѣ однажды фантазію: Ночной смотръ, только-что имѣ написанную; въ вечеру она уже была готова и я спѣлъ ее у себя въ присутствіи Жуковского и Пушкина. Матушка была еще у насъ и она искренно радовалась видѣть у меня такихъ избранныхъ гостей.

По отѣзду матушки, въ мартѣ мѣсяцѣ, жена моя расхворалась и наконецъ образовалось у нея воспаленіе легкихъ.

Пользовалъ ее С. Ф. Вольский; ему удалось спасти ее, но выздоровление шло медленно. Жили мы въ Фонарномъ переулкѣ, въ домѣ Мерца, въ той самой квартирѣ, которую впослѣдствіи заняли Кукольники съ братіей.

Болѣзнь жены поколебала мое вѣрованіе въ супружеское счастье; капризы ея послѣ болѣзни—совершенно уничтожили это вѣрованіе.

Первая вспышка мнѣ такъ памятна, что разскажу ее подробнѣ.

Стуньевъ Алексѣй жилъ въ томъ же домѣ на Вознесенской, слѣдственно очень не далеко, и Софья Петровна часто бывала у насъ. Однажды въ началѣ весны, еще не оправясь, вздумалось Марѣй Петровнѣ навѣстить сестру свою; время было скверное, страшно свирѣпствовалъ жестокій сѣверный вѣтеръ. Я упрашивалъ жену неѣздить по причинѣ дурной погоды, но она рѣшительно заупримилась и приказала запрягать лошадей. Видя, что увѣщанія мои были тщетны, я принужденъ былъ употребить власть и повелительнымъ тономъ приказалъ кучеру отнюдь не смѣть запрягать. Марья Петровна начала горько плакать, а теща въ гнѣвѣ разразилась бурнымъ потокомъ упрековъ, при чемъ гнѣвъ ея возрасталь болѣе и болѣе, такъ что трудно было разобрать ея ломанный русскій языкъ, а слышно было шипѣніе подобное шипѣнію самовара. Наконецъ барыни успокоились, но огорченіе глубоко запало мнѣ въ сердце.

Эти сцены начали повторяться и всегда изъ пустаковъ. Въ такихъ случаяхъ слышно было самоварнообразное шипѣніе тещи и всхлипыванье жены; я же ваяль за правило хранить глубокое молчаніе, мѣрнымъ шагомъ ходить назадъ и впередъ по комнатѣ и на каждомъ поворотѣ, упираясь на правую ногу, тщательно обрисовывать носкомъ лѣвой полукругъ, чтѣ несказанно бѣсило тещу, отъ чего однако же она скорѣе умолкала. Тогда я обращался къ ней съ вопросомъ: все ли она высказала? натурально, она снова приходила въ бѣшенство, но не на долго; усталость замыкала ей уста, а я надѣвалъ медленно перчатки, бралъ шляпу и, учтиво раскланившись съ моими дамами, отправлялся въ пріятелямъ, гдѣ оставался иногда по нѣскольку дней, смотря по тому, какова была домашняя сцена.

Великимъ постомъ перѣѣхали мы на казенную квартиру въ

пѣвческій корпусъ. Вскорѣ послѣ того смоленское дворянство прислало мнѣ, чрезъ смоленскаго губернатора Н. И. Хмѣльницкаго, стихи съ прошбою написать на нихъ польскій съ хоромъ для бала, который смоленское дворянство предполагало дать по случаю проѣзда цесаревича *). За этотъ польскій, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Жуковскій принесъ женѣ моей подарокъ е. и. высочества государя Цесаревича въ 1500 р. асс. цѣною; это былъ перстень, состоявшій изъ рубина, украшенного алмазами. Великимъ постомъ того же 1837 г. исполнено было въ патріотическомъ концертѣ тріо изъ «Жизни за Царя»—«Не томи родимый» необыкновенно удачно. Пѣли его: княжна Лобанова, Андреевъ (который былъ превосходенъ) и Андрей Пашковъ. Государь, присутствовавшій на этомъ концертѣ, сказалъ, стоявшему возлѣ него А. Стунѣву: «Глинка великий мастеръ; жаль, если при одной этой оперѣ останется».

Въ маѣ мы перѣѣхали на дачу Ланскихъ между Черной рѣчкой и Выборгской дорогой. Тамъ жили и Одоевскіе, которыхъ я часто навѣщалъ, и большею частію одинъ. Огорченіе отъ домашнихъ сценъ навело на меня горькія размышенія; не одинъ характеръ, но и недостатокъ воспитанія жены моей рѣшительно возставали противу семейственнаго счастія. Княгиня угадала все, хотя я тщательно хранилъ въ тайнѣ супружескіе раздоры и всѣ другіе завидовали моему мнимому счастію.

Андрей Петровичъ Лоди, сынъ профессора, товарища отца Кукольника, возвратился изъ путешествія, предпринятаго имъ для усовершенствованія себя въ пѣнці. Его познакомили со мной, онъ пѣлъ и голосъ его былъ столь пріятенъ, что князь Одоевский, услышавъ его издали, сказалъ: «какой прелестный голосъ, это была бы находка для театра» **).

Въ теченіи того мѣсяца я часто бывалъ въ городѣ и преимущественно у Кукольника ***). Несторъ издавалъ тогда Худо-

*) «Польскій этотъ утраченъ». Карандашомъ на полѣ копіи.

**) Зачеркнуто карандашомъ. Такъ думали и другіе. Впослѣдствіи Лоди опредѣлился въ театръ: онъ на сценѣ называлъ себя Несторовымъ, по имени Нестора Кукольника (зачеркнуто чернилами), который болѣе другихъ убѣждая его поступить въ театръ. Съ боку на полѣ карандашомъ: «NB контрактъ сло-
весный Лоди съ Плюшаромъ», и противъ зачеркнутаго: «по инаковому».

***) Зачеркнуто карандашомъ: казенную квартиру, отведенную мнѣ въ домѣ пѣвческой капеллы, устроивали и я проживалъ у Кукольниковъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ тамъ было очень хорошо.

жественную газету; по этому случаю у него собирались много художниковъ и я былъ тамъ совершенно въ моей сферѣ. Мои занятія съ пѣвчими шли весьма успешно и я видѣлъ быстрые успѣхи учениковъ моихъ, которые уже начали разбирать ноты довольно свободно. Я этимъ не ограничился и желалъ испытать силы въ церковной музикѣ; написалъ Херувимскую С-dur, и принялъся за фугу съ текстомъ, но безъ успѣха.

Сблизился я также съ профессоромъ театрального училища Солива; для него приказалъ разучить двухъ-хорную фугу Сарти, которую произвели успешно. Хотя помощникъ учителя пѣнія, Дмитрій Никитичъ Палагинъ, бойко разумѣлъ свое дѣло, въ особенности отлично умѣлъ управляться съ малолѣтними, т.-е. дискантами и альтами, однако же изъ усердія къ службѣ я часто присутствовалъ при классахъ.

Въ концѣ лѣта Гедеоновъ, съ которымъ послѣ постановки моей оперы я болѣе и болѣе сблизился, попросилъ меня учить пѣнію въ театральной школѣ избранныхъ имъ четырехъ дѣвушекъ. Всѣ они были хорошенкія, между ними была также известная въ то время красавица Степанова, игравшая роль Пеки въ Бронзовомъ конѣ. Но не она, а другая воспитанница, не столько красивая, мало-по-малу возбудила поэтическое чувство въ душѣ моей. Время, проведенное мною съ этими милыми полудѣтьми, полуокетками, принадлежитъ, можетъ быть, къ самому лучшему въ моей жизни; ихъ рѣзвая болтовня, звонкій, искренній смѣхъ, самая простота скромнаго наряда, которому, несмотря на то, они умѣли придавать особенную прелесть, все это было для меня ново и увлекательно.

Одна изъ нихъ, вскорѣ, какъ я началъ уроки, являлась всегда причесанная и одѣтая лучше другихъ и при моемъ появлѣніи яркий румянецъ вспыхивалъ на ея свѣжихъ щекахъ; трудно было устоять или долго противиться невольному влечению чувства.

Но на время я оставлю милыхъ ученицъ моихъ и упомяну о приготовленіи Лоди къ сценѣ.

Кавосъ въ моемъ присутствіи слышалъ голосъ Андрея Петровича въ театрѣ и остался имъ доволенъ. Рѣшено было, чтобы онъ дебютировалъ въ «Нормѣ» въ роли Полліона; этотъ выборъ мнѣ не нравился, но дѣлать было нечего. Надобно было пріучить Лоди умѣть носить римскую тогу, и мы выдумали замѣ-

нить таковую простыней, въ которую облекали бѣднаго Андрея Петровича. Онъ съ неизреченною кротостію подчинялся замѣчаніямъ всей братіи нашей, которая не переставала въ теченіи цѣлаго дня теребить его во всѣ стороны.

Около того же времени по просьбѣ Петрова я принялъ за прибавочную сцену для жены его въ оперѣ: «Жизнь за Царя». Въ одномъ мѣстѣ Adagio я воспользовался дѣльнымъ замѣченіемъ Солива на счетъ движенія басовъ, а именно:

Слова этой прибавочной сцены написаны Н. Кувольникомъ въ самое короткое время. Петровъ увѣряетъ меня, что сцена эта была сочинена мною въ теченіи одного дня и что на другой день я навѣстилъ его утромъ съ партіей для жены его. Я иногда заходилъ къ Солива и намѣренъ быть упражняться съ нимъ въ строгомъ штильѣ; но эти занятія остались безъуспѣшны и, вслѣдствіе какихъ-то вздорныхъ сплетень, мы съ нимъ рѣшительно поссорились.

Бенефисъ Петрова назначенъ былъ 19 октября 1837 года. За нѣсколько времени передъ тѣмъ захворала Степанова, и съ разрѣшеніемъ директора, роль Антониды отдана была Соловьевой, которая всегда отличалась разсѣянностью и беспамятностью. Я прилежно училъ ее, но мои заботы, вместо признательности, возбудили въ большей части лицъ, къ театру принадлежавшихъ, явное неудовольствіе и вотъ по какой причинѣ.... Она пѣла тогда хорошо, хотя впослѣдствіи Карлъ Брюловъ и назвалъ голосъ ея сквознымъ вѣтромъ и ей досадно было, что отдали ей роль соперницы, которая дѣйствительно пѣла нѣкоторая мѣста, хотя не такъ отчетливо, но съ большимъ увлеченіемъ. Романсъ «не о томъ скорблю» повторяли къ досадѣ старика Кавоса. Иванъ же Кавосъ совѣтовалъ мнѣ заниматься съ Соловьевой не такъ усердно, но я, взявшись разъ за дѣло, не хотѣлъ идти на попятный дворѣ. Дѣти Гедеонова обращались со мною холодно, а потомъ и поссори-

лись, несмотря на что, однако же, я продолжалъ бывать на сценѣ и учить въ школѣ.

Кромъ прибавочной сцены, въ теченіи 1837 г. написалъ я два романса: Гдѣ наша роза и Ночной зефиръ, слова Пушкина и, помнится, на квартирѣ Степанова у Измайловскаго моста, въ домѣ Гарновскаго.

Первую мысль о Русланѣ и Людмилѣ подалъ мнѣ нашъ извѣстный комиѣкъ внязь Шаховской; по его мнѣнію, роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой. На одномъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей: «Русланъ и Людмила», сказалъ, что онъ многое бы передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какія именно передѣлки онъ предполагалъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намѣренія.

Гайазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника, сообщилъ мнѣ три татарскіе напѣва; впослѣдствіи два изъ нихъ я употребилъ для лезгинки, а третій для Andante сцены Ратмира въ 3-мъ актѣ оперы «Русланъ и Людмила».

Дома мнѣ было не очень хорошо. Жена моя принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и пр. были всѣ; музыку понимала она плохо, или лучше сказать, за исключеніемъ мелкихъ романсовъ, вовсе не разумѣла; все высокое и поэтическое также ей было недоступно. Вотъ обращеніе равнодушія Мары Петровны къ музыкѣ: когда я началъ писать «Жизнь за Царя» въ 1835 г., она жаловалась теткѣ моей (сестрѣ моего отца), Маріи Николаевнѣ Зеленогиной, что я трачу деньги на нотную бумагу. Иногда однакоже приходили пріятели къ намъ обѣдать; въ числѣ ихъ не рѣдко былъ Петръ Степановъ. Вскорѣ послѣ первого представленія «Жизни за Царя», я познакомился съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Волконскимъ и охотно училъ пѣнію покровительствуемаго имъ пѣвца Остроумова, коего онъ назвалъ по своему имени, Михайловымъ. Во время урока, я помню, мы вмѣстѣ съ Михайловымъ замѣтили пожаръ дворца. Это было ночью и, когда весь дворецъ вспыхнулъ, то освѣтило мои комнаты такъ, что читать было можно.

У Кукольника въ эту же зиму завелись столь многочисленные ряуты, что часто приходили къ нему лица вовсе незна-

комъя. Курили такъ много, что на дымъ можно было топоръ повѣсить, какъ выразился Платонъ Кукольникъ. Ужинать оставались только наши самые искренніе пріятели, а, чтобы выпроваживать лишнихъ, употребляли мы живописца Якова Федорѣвича Яненку. Онъ съ нѣкоторыми другими, со шляпой въ рукѣ, громогласно прощался съ хозяевами и гостями, кои слѣдовали его примѣру, а черезъ полчаса возвращался въ ужину. Великимъ постомъ того же 1838 г. знаменитый скрипачъ Липинскій приѣхалъ въ Петербургъ. Въ концертахъ онъ мнѣ не понравился, но привелъ въ восторгъ сильной игрой въ квартетахъ Бетховена. У Кукольника игралъ онъ послѣдніе квартеты Бетховена удивительно хорошо; віолончелистъ Кнехтъ мастерски вѣль свою партію — можно было подумать, что они всю свою жизнь играли вмѣстѣ. Въ то же время были въ Петербургѣ скрипачи: Оле-Буль и Vieux temprs.

Я отводилъ душу въ школѣ и на сценѣ. Иногда я игралъ и пѣлъ, тогда на лицѣ милой ученицы моей изображался не-поддѣльный восторгъ. Другія ученицы и воспитанницы жадно слушали меня, даже малолѣтнія дѣвочки высыпали въ дверямъ и, не переводя дыханія, слушали мое пѣніе. Эти милые мазлютки, когда я приходилъ въ школу, одна за другою забѣгали впередъ, дѣлали мнѣ книксенъ и съ милою улыбкою говорили мнѣ: здравствуйте, мосьѣ Глинка.

Ученица моя съ другими воспитанницами участвовала иногда и въ спектакляхъ для украшенія ихъ, какъ говорилъ директоръ. Мнѣ памятнѣе всѣхъ другихъ пьесъ балетъ Возстаніе въ Серальѣ. Ученица моя была очень мила въ воинскомъ нарядѣ.

Въ 1838 г. на масляной недѣлѣ, по недоразумѣнію, я поссорился съ Гедеоновымъ и прекратилъ уроки въ школѣ. Тогда же для милой ученицы моей написалъ романсь: Сомнѣніе для контраптио, арфы и скрипки; слова Н. Кукольника.

Въ концѣ апрѣля 1838 г. я былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, въ Малороссію для набора пѣвчихъ. Заѣхавъ въ Смоленскую губернію на самое короткое время, я встрѣтился тамъ Римскаго-Корсака; онъ по моей просьбѣ написалъ мнѣ романсь: Всегда, вездѣ со мною ты спутницей моей незримой. Этотъ романсь написалъ я 20 или 21 мая того же 1838 г. въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и послалъ его въ письмѣ

къ Н. Кукольнику для доставленія бывшей ученицѣ моей, о которой сохранилъ еще живое воспоминаніе. Къ этой музѣѣ подобраны впослѣдствіи слова Пушкина: Въ крови горитъ.

Кстати о путешествіи: мнѣ дали казенные экипажи и про-
гонныя деньги, равно какъ и сумму на другіе расходы. Въ по-
мощники мнѣ назначили помощника учителя ггнія Дмитрія Ни-
китича Палагина, пѣвчаго Наeanaiila Никифоровича Шеинова.
и дядьку г. Саранчина; при мнѣ былъ Яковъ въ качествѣ ка-
мердинера.

Въ Черниговѣ наплыли мы нѣсколько хорошихъ голосовъ; вы-
бирали мы ихъ чрезвычайно тщательно. Приходили въ классы
семинаріи, гдѣ учились дѣти того возраста, который намъ былъ
нуженъ; сначала выбирали тѣхъ, которые имѣли музикальный
слухъ и голосъ, потомъ лучшихъ изъ нихъ, такъ что изъ 40
мальчиковъ отобрали до 8 и этихъ брали къ себѣ на квартиру,
шопили чаемъ и обращались съ ними, какъ можно ласковѣе;
неоднократно пробовали ихъ слухъ и голоса, заставляя ихъ слѣ-
дить за скрипкой Дмитрія Никитича. Нѣкоторые мальчики были
одарены столь тонкимъ слухомъ, что слѣдили непринужденно
за всевозможными интервалами даже за музикальной чепухой,
которую изощрался производить Палагинъ, чтобы сбить ихъ.

Центромъ своихъ операций я избралъ помѣстье доброго моего
знакомаго, помѣщика Черниговской губерніи, Борзененскаго по-
вѣта, Григорія Степановича Тарновскаго, куда мы съ набран-
ными въ Черниговѣ дѣтьми отправились. Съѣхавъ съ большой
дороги въ мѣстечко Монастырище, мы съ трудомъ, въ теченіи
почти цѣлаго майскаго дня, перебрались на волахъ по раз-
меттанной рѣчкою греблѣ; переночевавъ въ Ичени, къ обѣду,
на другой день, былъ въ помѣстьи Тарновскаго—Каченовѣ.

Хозяина съ семействомъ не было дома, онъ былъ у одного
изъ сосѣдникъ помѣщиковъ. Первое впечатлѣніе было въ пользу
владѣльца; подъѣзжали къ помѣстью съ нѣсколькоихъ сторонъ по
стройнымъ аллеямъ изъ пирамидальныхъ тополей; домъ большой,
каменный, стоялъ на возвышеніи; огромный, прелестно раски-
нувшійся садъ съ прудами и вѣковыми кленами, дубами и ясе-
нями величественно ласкалъ зреніе.

Но, осмотрясь, удивленіе уменьшалось: домъ былъ какъ будто
не оконченъ, дорожки въ саду не додѣланы; былъ у владѣльца

и оркестръ, не дурной оркестръ, но не полный, и духовые инструменты не всѣ исправны. Даже управляющій оркестромъ первый скрипачъ, Михайло Калинычъ, былъ нѣсколько тугъ на ухо. За обѣдомъ подавали нѣсколько блюдъ, но поваръ вѣроятно былъ не доученъ. Однимъ словомъ, все обличало излишнюю разсчетливость бездѣтнаго хозяина, владѣвшаго 9,000 душъ и большими капиталами. Хозяинъ, возвратившись, принялъ насть радушно и отвѣль мнѣ съ помощниками пристанище въ оранжерѣй, которая примыкала къ дому. По его же совѣту, отдохнувъ нѣсколько, мы рѣшилисьѣхать въ Переяславль, гдѣ находился хоръ пѣвчихъ полтавскаго архиерея Гедеона, и разсчитали такъ, чтобы поспѣть къ обѣднѣ въ воскресенье. Однако же ошиблись въ разсчетѣ и приѣхали въ Переяславль въ субботу вечеромъ. Тамошній городничій, ожидавшій чиновника по слѣдственному дѣлу, неоднократно пытался добиться до меня и старался узнать, что я и зачѣмъ посланъ; но не успѣлъ въ своеемъ намѣреніи; Яковъ, по моему приказанію, отвѣчалъ только: «не смѣю безшовоить ихъ высокоблагородія». На другой день Палагинъ и Шеиновъ пошли къ обѣднѣ, назвались купцами (охотниками церковнаго пѣнія), замѣтили лучшихъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, узнали и записали имена ихъ и даже присутствовали на завтраѣ у архиерея и еще слышали его пѣвчихъ. Я же, вставши попозже, остался дома и началъ пить чай; тогда позволилъ допустить къ себѣ переяславскаго городничаго. Онъ началъ рекомендоваться съ комически-жалкою миною, низко кланяясь и ни за что не хотѣлъ сѣсть, хотя я очень о томъ упрашивалъ.

Когда я разсчель, что прошло достаточно времени и что уже помощники мои могли успѣть въ своеемъ дѣлѣ, я спросилъ у моего гостя, за кого онъ меня принимаетъ и видя, что онъ еще болѣе приходилъ въ замѣшательство, объявилъ ему наконецъ, что я и за чѣмъ приѣхалъ. Радость выразилась на его лицѣ; онъ сѣлъ и, принявшись за чай,увѣрялъ меня, что онъ готовъ содѣйствовать мнѣ, что онъ во враждѣ съ Гедеономъ и пр.; я поблагодарилъ его, объявя, что вѣроятно уже дѣло сдѣлано.

И дѣйствительно, мы такъ безжалостно обобрали хоръ, что Гедеонъ долго послѣ того на меня жаловался своимъ знакомымъ. Оставилъ набранныхъ пѣвчихъ, мы отправились въ Киевъ, откуда вывезли Гулака-Артемовскаго; онъ былъ очень любимъ товари-

щами; когда онъ выѣзжалъ изъ Киева, они провожали его съ плачомъ.

Забравъ въ Переяславль оставленныхъ пѣвчихъ, возвратились мы въ Каченовку. Всѣ набранные мальчики находились подъ присмотромъ дядьки Саранчина, упражнялись въ пѣніи съ помощникомъ учителя пѣнія Палагинъмъ, пѣли также съ хоромъ Тарновскаго и ходили къ обѣднѣ, гдѣ также съ другими пѣли. Мы потомъѣздили для набора пѣвчихъ въ Полтаву, Харьковъ и Ахтырку и привезли нѣсколькихъ малютокъ.

Хотя было всѣхъ набранныхъ нами 19 мальчиковъ и 2 большихъ (кромѣ Гулака, который не все время былъ въ Каченовкѣ, а єздилъ къ брату, съ которымъ и приѣхалъ осенью въ Петербургъ), несмотря на то, хозяинъ былъ искренно радъ и, окончивъ наборъ, мы прогостили у него долго. Онъ былъ очень самолюбивъ и мысль, что придворные пѣвчие поютъ съ его хоромъ въ его церкви видимо его радовала.

Нѣсколько словъ о жизни моей въ Каченовкѣ: Григорію Степановичу Тарновскому было лѣтъ подъ 50; онъ былъ смуглъ и сухъ, числился гдѣ-то на службѣ и состоялъ въ званіи камеръ-юнкера. Анна Дмитріевна, жена его, была женщина приземистая и весьма толстая, очень молчаливая; любила, чтобъ дѣвки растирали ей ноги. Въ домѣ жили и воспитывались племянницы хозяинъ, болѣшею частію молодыя, добрыя и привѣтливыя дѣвушки, при нихъ гувернантка, весьма милая особа; у домашняго доктора также была миловидная дочка. Изъ племянницъ, самая меньшая, лѣтъ 14, Марья Степановна Задорожная, была очень миловидна; за обѣдомъ она обыкновенно сидѣла напротивъ меня и невольно ея плутовскіе, нѣсколько прищуренные глазки, встрѣчались съ моими глазами, за что ей нерѣдко доставалось отъ ея тетушки.

Во все продолженіе пребыванія моего въ Малороссіи гостили въ Каченовкѣ талантливый нашъ художникъ, очень пріятный молодой человѣкъ Штернбергъ.

Несмотря на разсчетливость, хозяинъ принималъ гостей радушно, старался по возможности разнообразить удовольствія.

Прогулки, поѣздки въ близлежащія помѣстія хозяина, иллюминаціи и танцы, всѣ эти средства были употребляемы для нашего развлеченія. Когда приѣзжало нѣсколько сосѣдей, танцева-

19*

ли, самъ Тарновскій поощрялъ гостей собственнымъ прімѣромъ, въ особенности въ грессъ-фатерѣ, котораго фигуры онъ выдѣльвалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Пѣли иногда малороссійскія пѣсни, хоромъ на 4 голоса, а иногда сосѣдъ Тарновскаго, Петръ Скоропадскій, затягивалъ какую-нибудь чумацкую пѣсню, искусно подражая простолюдинамъ. Онъ былъ прімѣчательный человѣкъ, и хотя хозяинъ нашъ называлъ его простымъ казакомъ, вѣроятно потому, что П. Скоропадскій дѣйствительно въ одеждахъ и приемахъ подражалъ простымъ казакамъ и не искалъ особенной дружбы съ Тарновскимъ, однако же въ самомъ дѣлѣ онъ воспитанъ былъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, быть очень образованъ и доступенъ искусствамъ, разумѣть архитектуру, игралъ порядочно на кларнетѣ и чувствомъ понималъ хорошую музыку.

Въ портфѣль моемъ нашлись два №, приготовленные (не знаю когда, для «Руслана»: Персидскій хоръ: Ложится въ полѣ мракъ ночной и маршъ Черномора; обѣ эти пьесы слышалъ я въ первый разъ въ Каченовѣ; онъ были хорошо исполнены; въ маршѣ Черномора колокольчики замѣнили мы рюмками, на которыхъ чрезвычайно ловко игралъ Дмитрій Никитичъ Палагинъ.

Играли и очень не дурно антракты «Эг蒙та» Бетховена, № Clärchens Tod произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; въ концѣ я схватилъ себя за руку: мнѣ показалось отъ перемежки движенія волторнъ, что у меня остановились пульсы.

Для Гулака-Артемовскаго я положилъ на оркестръ элегію «Шуми, шуми», музыка Геништы. Гулакъ пѣлъ ее хорошо; но выговоръ его былъ несказанно жестокъ.

Сосѣдъ Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ Н. А. Марковичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и подѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы.

Мнѣ очень памятно время, когда писалъ я балладу Финна: было тепло, собирались вмѣстѣ я, Штернбергъ и Марковичъ. Покамѣстъ я упивалъ приготовленные уже стихи, Марковичъ грызъ перо (не легко ему было въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться подъ стихи Пушкина), а Штернбергъ усердно и весело

работалъ своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно я ее пѣть съ оркестромъ.

Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостила въ Каченовкѣ; двѣ его малороссійскія пѣсни: Гуде витеръ и Не щебечи соловейко, я положилъ тогда же на музыку. Этотъ Забѣлла былъ необыкновенный мастеръ представлять въ лицахъ; въ особенности хорошо представлялъ слѣпцовъ. Первый скрипачъ Калиничъ однажды былъ приведенъ отъ такового представленія въ столь сильный восторгъ, что воскликнулъ: «Это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ». Хозяинъ, который говорилъ такимъ же ломаннымъ языкомъ, какъ и первый скрипачъ его, былъ чрезвычайно акуратенъ и вѣдь наши удовольствія и сюрпризы непремѣнно оканчивались до полуночи и раньше, при чемъ хозяинъ вѣжливо раскланивался и гости расходились.

Но не всѣ предавались сну; у меня въ оранжерей собирались Марковичъ, П. Скоропадскій, Забѣлла и Штернбергъ. Появлялся Палагинъ со скрипкой, Яковъ съ контрабасомъ и віолончелистъ; играли русскія и малороссійскія пѣсни, представляли въ лицахъ и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ по полуночи, въ нѣкоторой досадѣ акуратнаго хозяина.

Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки, равно какъ ловко потрафилъ Забѣллу *).

Въ память нашего жития въ Каченовкѣ онъ сдѣлалъ мнѣ масляными красками эскизы сцены, нерѣдко забавлявшей насъ: двумъ мальчикамъ изъ дворовыхъ хозяина завязывали глаза и призывали каждого порознь веревочкой къ вбитому въ землю колышку, такъ что они могли ходить на нѣкоторое разстояніе независимо одинъ отъ другого. Одному давали въ руки двѣ палочки, одну нарѣзанную такъ, что посредствомъ тренія одной обѣ другую производили звукъ, подобный трещоткѣ, другой же, вооруженный жгутомъ, по слуху долженъ былъ настигать своего противника и подчивать его ударомъ жгута; это, натурально, производило столь забавныя положенія, что не только набранные малолѣтніе пѣвчіе, но и взрослые люди усердно смѣялись. На картинѣ

*) Эта портретъ Забѣллы находится въ альбомѣ Л. И. Шестаковой, принадлежащей нынѣ И. П. Библіотекѣ.

Ред.

Штернберга (мнѣ имъ самимъ подаренной, я обѣщаю дать эту картину талантливому нашему актеру В. В. Самойлову, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она была отдана въ императорскую академію художествъ съ приличною надписью, напечатанною уже въ 1839 г. *) съ лѣвой стороны портреты Калиныча, регента и одного изъ скрипачей Тарновскаго; нѣкоторые изъ пѣвчихъ и дядька нѣсколько также похожи.

Я приказалъ сдѣлать для набранныхъ пѣвчихъ приличную одежду и строить телѣги крытые. Самъ жеѣздилъ на ярмарку въ Ромны, гдѣ едва не утонулъ въ грязи; съ трудомъ вытащили меня изъ грязной густой рѣки, образовавшейся на главной улицѣ города, четыре сильныхъ лошади Тарновскаго. Передъ отѣзломъ, въ большой компаніи навѣстилъ пріятеля Корбе, Марковича и уѣхавъ изъ Каченовки, прогостили у Петра Скоропадскаго въ Григоровкѣ, гдѣ шло мнѣ разное обѣзованіе. Тарновскій съ племянницами, распростившись со мною въ Каченовкѣ, ловко объѣхалъ и въ нѣсколькохъ верстахъ я опять нашелъ его съ племянницами въ рощѣ изъ огромныхъ вѣковыхъ дубовъ, гдѣ вышли прощальный бокаль шампанскаго. Въ Григоровкѣ Петръ Скоропадскій угостилъ насъ такъ радушно, что когда мы уѣхали, не осталось ни капли питей и ни одной домашней птицы.

Въ Орлѣ угощалъ меня съ особеннымъ радушіемъ тамошній вице-губернаторъ Семеновъ. Тамъ былъ также известный генералъ Красовскій, онъ полюбилъ меня и снабдилъ превосходнымъ виномъ изъ своего погреба, которымъ я продовольствовался до самой Москвы.

По возвращенію моемъ въ Петербургъ я засталъ матушку, которая оставалась не долго. Не помню хорошенъко, возобновлялись ли домашнія сцены, знаю только, что требованія жены довели меня до необходимости издать собраніе музыкальныхъ пьесъ. Собирать эти пьесы мнѣ было не только трудно, но и крайне досадно: на готовой квартирѣ съ дровами, имѣя собственныхъ лошадей, я получалъ отъ матушки до 7.000 р. асс., сверхъ того по своему мѣсту 2500 р. асс.; съ приобрѣтаемыми мною сверхъ того моими сочиненіями, можно бы при благора-

*) Въ копіи руково Глинки прибавлено карандашомъ: «ирону не забыть сего».

зумії жити опрятно. Я всѣ деньги отдаваю женѣ, оставляя себѣ саму ничтожную сумму на непредвидѣнныя мелкія расходы, и хотя четверка красивыхъ коней съ каретой стояла въ сараѣ и конюшнѣ, имѣ изрѣдка щеголяла Марья Петровна, а я тащился пѣшкомъ или на дранномъ извоѣщикѣ.

Набранные мною пѣвчіе переболѣли глазами во время обратнаго пути; когда они оправились и ихъ прилично обмундировали, я имѣлъ счастіе представить ихъ государю императору. Это представленіе было въ знаменной залѣ, возлѣ кабинета его величества. Я расположилъ пѣвчихъ полукругомъ, самъ же я стоялъ по срединѣ въ мундирѣ, со шпагой и трехъугольной шляпой въ лѣвой руцѣ и камертономъ въ правой (такъ угодно было А. Ф. Львову, который тутъ же присутствовалъ). Императоръ явился въ старомъ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ сопровожденіи министра двора. Государь съ веселымъ лицомъ обратился ко мнѣ, почти въ слѣдующихъ словахъ: «Ахъ, какіе молодцы! Гдѣ ты ихъ подобралъ себѣ подъ ростъ *?») потомъ спросилъ, что я держу въ рукѣ? Я объяснилъ, что такое камертонъ и его назначеніе. На вопросъ его имп. величества чтѣ пѣвчіе знаютъ? я смѣло отвѣчалъ (ибо Д. Н. Палагинъ отлично подтянулъ ихъ), что они знаютъ все требуемое по службѣ.

Мы знали по прежнимъ примѣрамъ, какъ государь экзаменуетъ вновь набранныхъ пѣвчихъ и тщательно ихъ приготовили къ экзамену. Дѣйствительно, императоръ началъ съ Спаси Господи люди твоя, и его величество не успѣлъ задать тонъ, какъ 19 мальчиковъ и два баса дружно подхватили и отлично исполнили этотъ кантъ (?). Государь былъ видимо доволенъ, заставилъ ихъ еще пропѣть, чтѣ такое? не помню. Въ знакъ удовольствія, его величество поклонился мнѣ весело-шутливо до пояса, отпуская меня.

Этимъ не ограничилось изъявленіе монаршаго благоволенія ко мнѣ. Однажды, увидѣвъ меня на сценѣ, государь подошелъ ко мнѣ и обнявъ меня правою рукой, прошелъ, разговаривая со мною, нѣсколько разъ по сценѣ большого театра въ присутствіи многихъ, находившихся тогда на сценѣ, и, между прочими, министра двора, который мнѣ въ поясъ поклонился.

^{*}) М. И. Глинка бытъ невысокаго роста.

6-го ноября того же 1838 г., я въ первый разъ присутствовалъ въ церкви Аничкинскаго дворца на бракосочетаніи Алексея Федоровича Львова.

Послѣ этого я почти постоянно присутствовалъ на литургіи въ церкви Аничкинскаго дворца и потомъ въ Зимнемъ дворцѣ, на большихъ и малыхъ выходахъ.

Иногда приглашали меня на вечера къ ея и. в. государынѣ императрицѣ, гдѣ ея величество принимала меня весьма ласково. Государыня говорила бывало фрейлинѣ Бартеневой, говоря обо мнѣ: «*Dites à votre ami de jouer ou chanter telle ou telle chose*».

Когда всѣ пьесы, какъ мои, такъ и другихъ композиторовъ были уже собраны, встрѣтилось новое неожиданное затрудненіе: ни одинъ изъ музыкальныхъ издателей не рѣшался купить это собраніе; я плакаль отъ досады и Платонъ Кукольникъ, скалившись надо мною, уладилъ съ Петромъ Ивановичемъ Гурскалинымъ, державшимъ магазинъ подъ фирмою Одеонъ, изданіе этого собранія за 1,000 р. асс.

Около того же времени я получилъ въ награжденіе за наборъ пѣвчихъ 1,500 р. асс.

Это приобрѣтеніе успокоило на время моихъ домашнихъ; но вмѣсто того, чтобы употребить эту сумму на устройство домашняго быта, завелись обѣды и рауты. На этихъ послѣднихъ, бывшихъ разъ въ недѣлю (не помню, въ какой именно день) собирались по вечерамъ, кроме пріятелей, пріятельницъ жены и родныхъ, артисты и литераторы, въ главѣ которыхъ былъ Брюловъ и Н. Кукольникъ; Михайловъ и Артемовскій, какъ ученики мои, непремѣнно присутствовали на нашихъ вечерахъ. Первое время по приѣздѣ изъ Малороссіи, Артемовскій жилъ у меня и не легко мнѣ было управляться съ его крутымъ нравомъ.

Угощеніе состояло изъ чаю съ сухариками, крендельками и пр. и десерта; въ карты не играли и не танцевали; бесѣды и музыка, часто пѣніе въ нѣсколько голосовъ вмѣстѣ (*шогсеaux d'ensemble*) составляли главное препровожденіе времени на нашихъ раутахъ.

Изъ барынь бывали: графиня Екатерина Михайловна Салтыкова (сосѣдка наша по имѣнію) изрѣдка; чаще бывала Елена Александровна Глинкина съ пріятельницей своею Крѣшиной; миловидная 14-лѣтняя дѣвушка Надежда Андреевна Содольская

(состоявшая въ свойствѣ съ Софьей Петровной Стунѣвой) была у насть домашнею; она очень недурно уже играла на фортепіано; впослѣдствіи она вышла замужъ за Г. Е. Ломакина.

Кромѣ того, иногда на вечерахъ и въ другіе дни посѣщали насть, и меня въ особенности, Штеричи, родныя племянницы умершаго моего друга Е. П. Штерича. Меньшая изъ нихъ, Поликсена, училась у меня пѣть, а старшая, княгиня Марья Алексѣевна Щербатова, молодая вдова, хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина. Онѣ жили съ бабкой своей Серафимой Ивановной, женщиной еще не старой, но совершенно посѣдѣвшей отъ смерти обожаемаго сына. Я былъ у нихъ какъ домашній, не рѣдко обѣдалъ и проводилъ часть вечера (*l'avant soiree*). Иногда получалъ отъ молодой княгини-вдовы маленькия записочки, гдѣ меня приглашали обѣдать съ обѣщаніемъ мнѣ порціи луны и шубки. Это значило, что въ гостию княгини зажигали круглую люстру изъ матового стекла и она уступала мнѣ свой легкій соболій полуушубокъ, въ которомъ мнѣ было тепло и привольно. Она располагалась на софѣ, я на креслахъ возлѣ нея; и иногда бесѣды, иногда приятное, безотчетное мечтаніе доставляли мнѣ приятныя минуты: мысль объ умершемъ моемъ другѣ достаточна была, чтобы удержать мое сердце въ предѣлахъ поэтической дружбы. Бывали мы также у графини и графа Салтыковыхъ, гдѣ насть принимали чрезвычайно радушно и ласково. У нихъ я сблизился еще болѣе съ генераломъ Леонтиемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, съ которымъ познакомился еще прежде въ ложѣ директора, въ большомъ театрѣ.

Въ 1838 г. Дмитрій Стунѣвъ былъ назначенъ управляющимъ экономической частью въ Смольномъ монастырѣ; поэтому слушаю онъ съ сестрою Марьей Ивановной и двумя дѣтками перѣехали въ Петербургъ и поселился на казенной квартирѣ въ Смольномъ монастырѣ *).

Сначала я видался съ сестрою и зятемъ рѣдко: женѣ и тещѣ удалось меня съ ними поссорить, однаждо же впослѣдствіи Алексѣй Стунѣвъ уговорилъ меня вѣхать въ брату своему Дмитрію Стунѣву.

*) На погѣ карандашомъ: «Передѣлать съ исключ. (спилемъ)?»

Зимою въ 1838 году на 1839 г. я довольно часто посѣщалъ ихъ. Они жили очень весело; иногда по вечерамъ инспекtrисы брали съ собой нѣсколько воспитанницъ, приходило нѣсколько классныхъ дамъ, Стунѣева, я, Степановъ и нѣсколько другихъ пріятелей рады были и поплясать съ хорошенкими и миленькими дѣвушками. Оркестръ, хотя не отличный, былъ всегда въ распоряженіи Д. Стунѣева, а сытный ужинъ съ приличными винами являлся всегда кстати для довершения вечера.

Я и теперь еще ясно помню, какъ я охотно отъ души тѣвалъ на этихъ вечерахъ, какъ я усердно отличался въ контрдансахъ и вальсахъ, какъ, однимъ словомъ, отъ, искренняго сердца веселился.

Не столь ясны мои воспоминанія о томъ, какъ писалъ оперу «Русланъ и Людмила».

Кромѣ шесть произведеній въ Каченовкѣ, а именно: Персидскаго хора, Марша Черномора и баллады Финна, принялъ я за каватину Гориславы: Любви роскошная звезда; это было зимою около 1838 или 1839 года. Я всегда писалъ только утромъ послѣ чаю, и отъ этой каватины меня безпрестанно отрывали: не успѣвалъ я написать страницы или двухъ страницъ, какъ являлся дядька унтеръ-офицерь, руки по швамъ, и почтительно докладывалъ: «ваше благородие! г҃звчіе собрались и васъ ожидаютъ». Кто ожидалъ? Кто посыпалъ дядьку? до сихъ поръ не знаю, знаю только, что иногда, пришедши въ репетиціонную залу, заставалъ я уже тамъ и Львова, который дружески протягивалъ мнѣ руку.

Не помню также, когда и гдѣ написана мною каватина Людмилы 1-го акта, «Грустно мнѣ родитель дорогой» (G-dur). Ее исполнила Бартенева съ хоромъ и оркестромъ въ патріотическомъ концертѣ весною 1839 г. Я ожидалъ большого успѣха, но аплодировали не такъ дружно, какъ я привыкъ; знаменитый скрипачъ Липинскій, стоявшій возлѣ меня, слушая эту каватину съ неподѣльнымъ участіемъ и въ концѣ, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ: que c'est bien russe, cette musique-là! Кромѣ этихъ пяти пьесъ, въ то же время были записаны темы съ соображеніями контрапунктическими въ тетрадку, данную мнѣ для того Н. Кукольникомъ; она теперь находится у П. Степанова.

Я писалъ оперу по кусочкамъ и ўрывкамъ: мысль объ этомъ

сюжетъ, какъ сказано прежде, подальше мнѣ ви. Шаховской; я надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; преждевременная кончина его предупредила исполненіе моего намѣренія.

Въ 1837 или 1838 г., зимою я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки Руслана. Н. Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы и написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану.

Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! какъ это случилось? самъ не понимаю.

Около того же времени познакомили меня съ капитаномъ свитскими Валеріаномъ Федоровичемъ Ширковымъ, какъ съ человѣкомъ вполнѣ способнымъ написать либретто для новой моей оперы. Дѣйствительно, онъ былъ весьма образованный и талантливый человѣкъ: прекрасно рисовалъ и писалъ стихи очень свободно. По моей просьбѣ онъ написалъ для пробы каватину Гориславы: Любви роскошная звѣзда, и часть первого акта. Опять оказался очень удовлетворительнымъ, но вмѣсто того, чтобы сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялъся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно было уладить впослѣдствіи.

На третій день Пасхи я навѣстилъ Одоевскаго, откуда отправился къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ Стунѣвой. Подъѣзжая къ ней, я внезапно почувствовалъ сильное нервное раздраженіе, такъ что не могъ оставаться спокойнымъ, и приѣхавъ къ сестрѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Тамъ увидѣлъ я въ первый разъ Е. К....*); она была не хороша, даже нѣчто страшальческое выражалось на ея блѣдномъ лицѣ; ходя взадъ и впередъ, мой взоръ невольно остановился на ней; ея ясные, выразительные глаза, необыкновенно стройный станъ (*élançé*) и особенного рода прелестъ и достоинство, разлитыя во всей ея особѣ, все болѣе и болѣе меня привлекали. Оправившись нѣсколько послѣ сытнаго обѣда и подкѣшививъ себя добрымъ бокаломъ шампанскаго, я наполъ способъ побесѣдоватъ съ этой милой дѣвицей

*) Такъ обозначена эта личность въ оригиналѣ записокъ Глинки. Ред.

и, какъ теперь помню, чрезвычайно ловко высказалъ тогданимъ мои чувства.

Нервное раздраженіе, однажды, несмотря на всѣ мои усилия побороть его, усиливалось болѣе и болѣе; желая какъ можно скорѣе освободиться отъ него, я вздумалъ себѣ же на бѣду прибрѣгнуть къ камфарному спирту, чтѣ раздражало нервы мои жесточайшимъ образомъ и я лишился сна, аппетита и стональ отъ мучительныхъ ощущеній.

Наконецъ кн. Михаилъ Дмитр. Волконскій привезъ ко мнѣ доктора Шеринга, который гомеопатическимъ употребленіемъ сѣры и золота въ двѣ недѣли меня поправилъ.

Во время болѣзни Львовъ былъ у меня и читалъ мнѣ наставлѣніе о томъ, что я не радѣю о службѣ, въ выраженіяхъ самыхъ вѣжливыхъ, даже дружескихъ; я молчалъ, но по выздоровленію началъ посѣщать пѣвчихъ рѣже прежняго.

Весною мы съ кн. Мих. Волконскимъ устроили концертъ для Артемовскаго. Въ немъ участвовали Билибина, двѣ княжны Лобановы, Андреевъ, для котораго я оркестровалъ арию изъ Guido и Genéviève Галеви, пѣла также жена моя дуэтъ изъ «Жизни за Царя» съ Артемовскимъ. Игралъ на скрипкѣ Бахметьевъ пьесы своего сочиненія. Концертъ этотъ былъ въ залѣ князя Юсупова, оркестръ былъ по возможности пополненъ. На собранныя въ этомъ концерте деньги Артемовскій отправился лѣтомъ того же 1839 г. заграницу.

Въ концѣ мая мы перѣѣхали на дачу, у лѣсного института. Я бывалъ тамъ не часто, подъ предлогомъ занятій по службѣ; въ городѣ пристанище мое было у Кукольниковъ въ домѣ Мерца, въ Фонарномъ переулкѣ, откуда я часто навѣщала сестру въ Смольномъ.

Чтобы скрыть настоящую причину частыхъ моихъ посѣщеній, предлогомъ послужили мнѣ занятія мои съ оркестромъ, при надлежавшемъ заведенію. Онъ состоялъ изъ двухъ плохихъ 1-хъ скрипокъ, одной второй, одного алтаря (не помню, былъ ли віолончель), контрабаса, флейты, кларнета, волторны, тромбона и турецкаго барабана; когда они играли, съдой чиновникъ, по имени Меньшиковъ, съ крестомъ въ петлицѣ, усердно давалъ тактъ, постоянно махая сверкающими бумагами.

Хотя оркестръ былъ очень плохъ, я привезъ его въ поря-

докъ. Сначала переложилъ для него вальсъ Лабицкаго G-dur и, соображаясь съ средствами музыкантовъ, написалъ другой вальсъ G-dur, кототорый впослѣдствіи посвященъ былъ е. и. в. великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Вскорѣ чувства мои были вполнѣ раздѣлены милою Е. К., и свиданія съ нею становились отраднѣе. Напротивъ того, съ же-ною отношенія мои становились хуже и хуже. Она рѣдко бывала у сестры въ Смольномъ. Приѣхавъ къ ней однажды, жена моя, не помню по какому поводу, въ присутствіи Е. К. и Екатерины Степановны (дочери няни моей И. О. Мѣшковой бывшей у сестры нянѣцкой при дѣтяхъ) съ пренебреженіемъ сказала мнѣ: «Всѣ поэты и артисты дурно кончаютъ, какъ напримѣръ Пушкинъ, котораго убили на дуели!» Я тутъ же отвѣчалъ ей рѣшительнымъ тономъ, «что хотя я не думаю быть умнѣе Пушкина, но изъ-за жены себя подъ пушлю не подставлю». Она отвернулась отъ меня, сдѣлавъ мнѣ гримасу.

Лѣтомъ шла одна лошадь изъ нашей четверки. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы держать только пару лошадей. Когда я объявилъ объ этомъ женѣ, она вышла изъ себя и, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, подбоченившись и притопнувъ ногой, сказала надменнымъ тономъ: «Развѣ я купчиха, чтобы ъздить на парѣ? Если вы меня не любите, то я васъ оставлю». Два раза дѣлала она мнѣ подобные угрозы и два раза я кротко отвѣчалъ ей: «Марья Петровна, не повторяйте словъ вашихъ. — Вы меня оставите, дѣло для меня обойдется, а ежели бы я васъ оставилъ, то бы не совсѣмъ ловко вамъ было *»).

Я не часто бывалъ у Мары Петровны на дачѣ. Все въ жизни контрапунктъ, т.-е. противуположность. Я самъ вижу, что выхожу изъ предѣловъ безстрастнаго лѣтописца. Винюсь, но измѣнить теперешнаго способа писать я не въ силахъ.

Мнѣ гадко было у себя дома; за то сколько жизни и наслажденій съ другой стороны: пламенные, поэтическія чувства къ Е. К. . . , которая она вполнѣ понимала и раздѣляла; широкое приволье между доброй, милой и талантливой братіей; такъ называли мы общество, образовавшееся еще въ 1835 или

*) Противъ этого мѣста, на полѣ оригинала, карандашемъ написано: „Балъ на водахъ“. Здѣсь мы дѣлаемъ небольшой пропускъ. Ред.

1836 г. у Кукольника и слившееся потомъ въ одну искреннюю, добрую семью. Платонъ Кукольникъ былъ хозяиномъ. Онъ приказалъ уничтожить часть стѣнъ, отдѣлявшей темную комнату отъ одной изъ угольныхъ въ домѣ Мерца въ Фонарномъ переулкѣ. Изъ этой комнаты образовалась алькова, въ которой устроили широкій диванъ изъ клеенки и продолжили его вдоль по одной изъ стѣнъ, прилегавшей свѣтлой комнатѣ. Платонъ, какъ хозяинъ, жилъ въ особенной комнатѣ. Мы же всѣ, т.-е. Несторъ Кукольникъ, я, рыцарь Ко́ко (Ник. Ф. Немирович-Данченко; родственникъ Кукольниковъ) и рыцарь Бобо (Владимиръ Ив. Богаевъ, усердный чиновникъ) помѣщались на диванѣ; у каждого изъ насъ было свое мѣсто, и оставалось еще гдѣ дать пристанище тѣмъ изъ пріятелей, которые, запоздавъ, желали ночевать у насъ. К. Брюловъ и Янненко болѣе другихъ пользовались этимъ приглашеніемъ; вромѣ нихъ посѣщали насъ часто Гейденрейхъ, Лоди и др. По утрамъ насъ поили чаемъ всѣхъ, послѣ чего остатокъ дня каждый продовольствовался своими средствами; я часто бывалъ у сестры Мары Ивановны. Вечеромъ мы сходились; тутъ шли розсказни. Иногда ужинали и тогда это были праздники не отъ яствъ и вина (намъ не на что было лакомиться), но отъ разнообразной оживленной бесѣды. Большая часть нашей братіи были люди специальные; приходили и постороннія лица, но всегда народъ дѣльный, или Петровъ съ могучимъ своимъ басомъ, или Петръ Каратыгинъ съ неистощимымъ запасомъ каламбуровъ собственного издѣлія, или кто-либо изъ литераторовъ, и разговоръ оживлялся, переходилъ съ предмета на предметъ и время быстро и пріятно улетало.

Иногда мы пѣвали, въ такомъ случаѣ тѣ, которые менѣе другихъ принимали участіе въ бесѣдахъ, выступали на первый планъ, а именно Янненко, Данченко (Ко́ко); Янненко чрезвычайно искусно подражалъ *pizzicato* не только басовымъ, но и скрипичнымъ; для большаго эффекта онъ обыкновенно подкрадывался къ кому-нибудь изъ ново-приходившихъ лицъ и когда приходила его очередь и *solo dei pizzicati*, онъ вдругъ пронизывалъ гостя пиццикатами такъ ловко, что казалось, что онъ дѣйствительно становился контрабасомъ. Не одно изумление гостя, обращеннаго въ инструментъ, было забавно; въ тоже

самое время Данченко весь становился pizzicato: они выражались въ глазахъ, улыбкѣ и ужимкахъ его.

Лучше всѣхъ другихъ пѣсь пѣвали мы прѣсно:

Чарочки по столику
Похаживають.

Стихъ: «Думаю, подумаю идти ли за него», обыкновенно пѣлся пицциато р, что дѣйствительно было эффектно. Кукольникъ Несторъ иногда писалъ намъ куплеты de circonsances; мы подбирали ему музыку, или я сочинялъ ее, разучивалъ и управлялъ хоромъ.

Онъ же (Кукольникъ) описалъ намъ братію или комитетъ въ довольно удачныхъ стихахъ; приведу здѣсь нѣкоторые:

Вотъ входить на моментъ.
Не пьющий пьяница; окрипый стъ юныхъ дней;
Сѣшитъ на ватеръ клоузъ и, сидя, просить соды;
И арію поетъ, какъ жертву для друзей.
Отъ сна смертнаго ты Данченку воздвигни;
Что въ сутки, трое сутокъ спить.

Съ улыбкой блудною, да видеть комитетъ.

Эта улыбка была очень забавна и не мало содѣйствовала къ общему веселію во времена хорового пѣнія. Г**. почти постоянно сидѣлъ за шахматной доской; вотъ стихи Кукольника объ немъ:

Вотъ докторъ розовый,
И нѣмецъ, и поджарый
За шахматной доской,
Какъ вкопанный, сидѣтъ;
Не соблазнишь ничѣмъ
Ни трубкой, ни сижарой,
Но пиво и рейнвейнъ
Кого не соблазнить.

Рыцарь Бобо (Богаевъ), по возвращеніи изъ должности, рѣдко отходилъ отъ своей конторки, трудясь съ похвальнымъ постоянствомъ надъ дѣлами. Онъ былъ влюбленъ въ молодую вдову, жившую съ матерью вдовою же. Про него, между прочимъ, Кукольникъ написалъ:

Гдѣ былъ?—у вдовушекъ.
Что дѣлалъ?—былъ влюбленъ.

Рыцарь Бобо сказалъ однажды Лоди, указывая на вдовушку: «Смотри, какъ она мыло улибается». Теперь Богаевъ женатъ на своей возлюбленной и занимаетъ очень хорошее мѣсто *).

*.) Въ теченіи этого года я часто бывалъ у Степановыхъ и сблизился съ Николаемъ Алекс., известнымъ напіимъ карикатуристомъ. М. И. Глинка.

Ex officio, я присутствовалъ на обрученіи и бракосочетанії е. и. в. великой княгини Маріи Николаевны. Во время обѣда играла музыка, пѣвъ теноръ Poggi (мужъ Фреццолини) и придворные пѣвчіе; я былъ на хорахъ и стулья ножей, вилокъ, тарелокъ поразилъ меня и подала мысль подражать ему въ Интродукціи «Руслана», что мною впослѣдствіи, по возможности, выполнено.

Въ продолженіи всего 1839 г. я за оперу не принимался, написалъ же: Вальсъ (G-dur) и Польскій (E-dur) для оркестра и посвятилъ ихъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Е. К**. выбрала изъ сочиненій Кольцова и переписала для меня романсъ: Если встрѣчусь съ тобой,—я его тогда же положилъ на музыку. Для нее написалъ *Valse Fantaisie*, хотя нанечатанные экземпляры и посвящены Д. Стунѣеву. Для сестры Елизаветы Ивановны, бывшей тогда съ полуглухонѣмымъ племянникомъ Соболевскимъ въ Петербургѣ, написалъ я nocturne: *La Séparation* (F-moll) для фортепьяно. Принялся также за другой nocturne: *Le regret*, но его не кончилъ, а потому употребилъ въ 1840 г. для романса: Не требуй пѣсень отъ пѣвца *).

Въ августѣ скончался братъ мой Андрей Ивановичъ. Ему было лѣтъ шестнадцать, онъ былъ красивой наружности, чрезвычайно счастливыхъ способностей, особенно геніального расположения къ математикѣ: теоремы геометрическія могъ разрѣшать безъ указанія профессора. Онъ былъ первый въ верховойѣездѣ въ николѣ Гвардейскихъ подпрапорщиковъ; возвратясь изъ лагеря гостили у меня на дачѣ съ недѣлю или двѣ. Мы съ нимъ очень подружились за это время.

Въ послѣдній разъ еще на ногахъ я видѣлъ его у сестры Маріи Ивановны. Когда я изъ квартиры Кукольника въ тотъ день поѣхалъ къ ней, отъ самаго начала Шпалерной улицы, до самаго Смольнаго меня провожала съ лаемъ и осторвенѣніемъ черная собака; она металась на одного меня такъ злобно, что я долженъ былъ положить ноги свои почти на шею извозчика,

*) На полѣ карандашомъ во второй разъ написано: «балъ на водахъ». Въ „Сѣверной Пчелѣ“ того времени (1837 г. № 182 и 201) находится описание двухъ баловъ на минеральныхъ водахъ, на которыхъ присутствовало все тогдашнее модное общество. Изъ описанія мы видимъ только, что на этихъ балахъ играли кадриль на мотивы изъ «Жизни за Цара».

Ред.

несмотря на то, что на встречу намъ попадалось множество экипажей и телѣгъ. Я нашель брата измѣнившагося въ лицѣ; на вопросъ мой: «что съ тобой, And g ?» онъ отвѣчалъ мнѣ: «ничего, голова болитъ».

Сестра вздумала играть въ карты; братъ тогда поставилъ мнѣ стуль подлѣ Е. К.... Поигравъ нѣсколько, сестрѣ вздумалось печатать письмо. На столѣ стояли двѣ зажженныя свѣчи, а сестра для большаго удобства зажгла еще свѣчку въ маленькомъ подсвѣчнике. Е. К. замѣтила сестрѣ, что не хорошо, когда горятъ три свѣчи на столѣ; не обративъ вниманія на это предостереженіе, сестра продолжала печатать и не потушила третьей свѣчи.

Недѣли за двѣ передъ тѣмъ гостила у Софии Петровны одна знакомая; когда она для меня гадала въ карты, всегда ложились всѣ пики, такъ что она наконецъ стала прятать ихъ отъ меня.

На другой день послѣ свиданія съ братомъ у сестры, ему сдѣлалось хуже, а на третій день онъ скончался отъ воспаленія кишечка, перешедшаго въ антоновъ огонь.

Кончина брата поразила и огорчила меня нескованно. Взявши 28-дневный отпускъ, въ сентябрѣ я отправился къ матушкѣ въ деревню съ сестрою Марьею Ивановною и дядею Иваномъ Андреевичемъ. Во время пребыванія въ Новоспасскому я прихварывалъ, что впослѣдствіи повторялось всякий разъ, когда я бывалъ въ деревнѣ.

Сообразивъ все, я рѣшился объявить о моемъ намѣреніи оставить жену, посредствомъ письма, которое отправилъ къ ней вечеромъ 6 ноября. Вотъ приблизительно его содержаніе: «Причины, о которыхъ я считаю нужнымъ умолчать, заставляютъ меня разстаться съ вами; но мы должны это сдѣлать безъ ссоръ и взаимныхъ упрековъ. Молю Прovidѣніе, да сохранитъ васъ отъ новыхъ бѣдствій. Я же приму всѣ мѣры для возможнаго устройства судьбы вашей и потому намѣренъ выдавать вамъ половину моихъ доходовъ».

Это письмо не произвело сильнаго впечатлѣнія на Марью Пет-

*.) Здѣсь нами тоже сдѣланъ небольшой пропускъ нѣкоторыхъ слишкомъ интимныхъ семейныхъ подробностей.

Ред.

ровну; когда же на другой день я приказалъ крѣпостнымъ людамъ, въ моемъ услуженіи находившимся, оставить казенную квартиру, вывести оттуда лошадей, матушкою мнѣ данныхъ, выпороть изъ мебелей, бывшихъ въ гостиной, шитье моихъ сестеръ и иѣкоторыя другія вещи драгоценныя мнѣ потому, что я получилъ ихъ отъ уважаемыхъ и любимыхъ мною лицъ (все прочее, какъ-то: брильянты, мебели, карету и проч. оставилъ женѣ), тогда Марья Петровна заплакала не на шутку; говорить даже, что ее отирали.

Все петербургское бабье, подъ предводительствомъ графини Е. М. С. и Е. А. Г. возстало противъ меня, и злословію ихъ не было предѣловъ. Я, во избѣжаніе непріятныхъ посѣщеній, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ немногихъ самыхъ искреннихъ приятелей, захворалъ и, по болѣзни, жилъ безвыходно на квартирѣ Степанова, въ Гарновскаго дома у Измайловскаго моста.

Нѣсколько дней послѣ разрыва съ женою, я получилъ приглашеніе отъ сенатора Сумарокова, который любилъ меня и Марью Петровну, навѣстить его въ 12 ч. утра на другой день. По моей привычкѣ я приѣхалъ къ нему полчаса раньше; онъ этимъ видимо былъ встревоженъ и неоднократно повторялъ, что назначилъ мнѣ ровно въ 12 часовъ быть у него. Я подозрѣвалъ замыселъ противу меня, и не ошибся; ровно въ 12 часовъ дверь отворилась и вошолъ съ важнымъ видомъ, учившій и вѣнчавшій меня, протоіерей Алексѣй Ивановичъ Маловъ. Тутъ начали убѣждать меня примириться съ женою или, по крайней мѣрѣ, жить съ нею хоть розно, но подъ єдной кровлей; это послѣднее предложеніе изобрѣтено было сенаторомъ. Цѣлый часъ я упорно и ловко защищался, и на конецъ такъ рѣшительно и удачно уничтожилъ всѣ ихъ доводы, что они должны были умолкнуть.

Послѣ этого я цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ дома; былъ только разъ у Львова, объявя ему, что я болѣе служить не въ силахъ. Львовъ убѣдилъ меня остаться еще на полтора мѣсяца, дабы дослужить до слѣдующаго чина.

18-го декабря 1839 г. я былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго ассесора. Въ это время опасно заболѣла Е. К.; сестра Марья Ивановна, часто навѣщавшая меня въ домѣ Гар-

новскаго, скрыла отъ меня это обстоятельство изъ опасенія огорчить меня.

Жилось у Степанова не совсѣмъ худо, съ меньшимъ братомъ его Владиславомъ я рисовалъ, деревья въ особенности. Кроме того постоянными посѣтителями были капитанъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Тиличеевъ, весьма умный и образованный человѣкъ; полковой докторъ Садовскій, Сергій Николаевичъ Муравьевъ (Тимей), усердно занимавшійся философіей, и наконецъ Янненко. Фортепіано не было, но шла дружеская, живая бесѣда.

Петръ Степановъ былъ въ отлучкѣ и часть квартиры его, а именно комната разрисованная чертовщиной и карикатурами на шахматномъ бѣломъ и черномъ полѣ самимъ Николаемъ Степановымъ, отдана имъ была на время одному изъ офицеровъ л.-г. Егерскаго полка. У него была бульдошка, которая вела себя не хорошо, такъ что каждое утро употребляли скребницу для очищенія комнаты, а потомъ на той же скребнице курили, чтобы уничтожить зловоніе *). У Степанова бывали также временамъ знакомые литераторы, какъ-то: Филимоновъ, Бенедиктовъ и Бернетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ, ПИСЬМА.

Одна изъ резолюцій Петра Великаго 1719 г. Съ учрежденіемъ штатсъ-конторы и съ опредѣленіемъ штатнаго положенія для каждого отдѣльнаго управлениія, Петръ запретилъ отпускать деньги на расходы сверхъ опредѣленія штатной суммы. Дворцовая канцелярія получала деньги на покупку сѣйственныхъ припасовъ и напитковъ для императора изъ суммъ штатсъ-конторы. Въ концѣ 1719 г. вся назначенная по штату сумма истощилась, а, между тѣмъ, необходимо было закупать провизію слишкомъ на 3000 р. Дворцовая контора заявила штатсъ-конторѣ, что у нея денегъ налицо ничего нѣтъ. Штатсъ-контора представила объ этомъ императору Петру и онъ на докладѣ подписалъ: „въдать для того, что не бѣти быть нельзя“. (Изъ дѣлъ штатсъ-конторы кн. № 4. Архив. М. Ю.).

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

*) Рукою Кукольника приписано: „Къ чему это нужно?“ А рукою Глинки „А почему и нѣтъ?“

привлекъ къ нему множество новыхъ сообщниковъ, подалъ Пугачеву смѣлую мысль двинуться на Казань и даже призывалъ его въ столицу Россіи. Оказывается теперь несомнѣннымъ, что смѣлый и предприимчивый купецъ Иванъ Ивановичъ, мнимый посланный отъ раскольниковъ, Долгополовъ и Остафій Трифоновъ—одно и тоже лицо!

Вотъ что нашли мы о комиссии Галахова и Остафія Трифона въ печатныхъ источникахъ и о чмъ, между тѣмъ, такъ подробно и такъ интересно разсказываетъ Руничъ.

Независимо отъ подробностей, собственно до комиссіи относящихся, обращаемъ внимание читателей на сцену свиданія Пугачева съ П. И. Панинымъ. Эта сцена передана у Рунича гораздо проще и достовѣрнѣе, сравнительно съ извѣстнымъ разсказомъ Пушкина.

Руничъ вѣрнѣе передалъ подробности выдачи Пугачева, по крайней мѣрѣ собственное показаніе его сдѣланное на первомъ ему допросѣ, о томъ какъ онъ былъ выданъ сообщниками, совпадаетъ съ свидѣтельствомъ о томъ автора напечатанныхъ нами записокъ (Членія въ Моск. Об. Исторіи 1858 г. кн. II. отд. II. стр. 36).

Свидѣтельство Рунича о производствѣ допросовъ Пугачева „съ пристрастіемъ“ — подтверждается докладомъ о допросахъ Пугачева 2—5 октября 1774 г. предъ П. С. Потемкинымъ: „... Сообразя обстоятельства походженія злодѣя по всѣмъ свѣдѣніямъ, каковая секретная комиссія собрать могла, съ показаніемъ его, Пугачева, усмотрѣно, что злодѣй скрывалъ ядъ злости на сердцѣ; для того учено было ему малое наказаніе; и по доводамъ тѣмъ..., убѣждаемъ злодѣй, и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ.... „и пр. (Членія Москов. Общ. Исторіи, 1858 г. кн. II, допросы Пугачева, стр. 39).

Императрица Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину, отъ 20 ноября 1774 г. (Членія М. Общ. Ист., 1858 г., кн. II, стр. 54) обѣщаєтъ „конечно уважить“ представленія Панина о наградѣ нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ майора Рунича, котораго, пишетъ государыня: “велю опредѣлить въ армию“. Изъ этого же письма видно, что отъ Галахова принято 25 т. рублей,— остатокъ той суммы, которая была предоставлена въ распоряженіе комиссіи.... Ред.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Отъ декабря 1836 года до июня 1844 года.

ПЕРИОДЪ VIII*).

Отъ оставленія службы въ ювѣлейской капеллѣ до первыхъ представлѣній оперы «Русалка и Людмила».

Зимою приѣхала матушка и остановилась у сестры; я по-

*) «Русская Старина» 1870 г. т. I, ст. 380—402; 474—494; 562—594; т. II, ст. 56—73 и 266—306.

томъ и самъ туда перѣхалъ. Е. К*. выздоровѣла и я написалъ для нея вальсъ на оркестръ B-dur. Потомъ, не знаю по какому поводу, романсь Пушкина: Я помню чудное мгновенье. Въ февралѣ приѣзжала двоюродная сестра моя Софья Ивановна Нольде (та самая, съ которой я сдружился будучи еще въ пансионѣ). У нея были двѣ дочери и сынъ. Старшей, Евгении Карловнѣ, было лѣтъ 14, у нея была интересная физиономія и она была уже тогда хорошая музыкантша; внослѣдствіи она вышла замужъ за П. П. Рындина.

Въ концѣ февраля я съ матушкой отправился въ деревню и приѣхалъ сперва къ сестрѣ Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, въ имѣніе мужа ея Логачево, отстоящее двѣ версты отъ Новоспасскаго. Тамъ я погрѣлся у печки въ угольной комнатѣ и потомъ уже поѣхалъ домой.

Все время пребыванія моего въ Новоспасскомъ, т.-е. отъ начала марта до конца апрѣля, я хворалъ *). Лишеніе сна, аппетита и нервное раздраженіе довели меня до столь сильного беспокойства, что я не рѣшалсяѣхать одинъ, а упросилъ К. Ф. Гемпеля сопутствовать мнѣ до Петербурга, куда мы прибыли благополучно въ началѣ мая. Мы съ Гемпелемъ поселились въ одной маленькой комнатѣ въ ревельскомъ подворьѣ, что въ Новомъ переулкѣ. Тутъ я узналъ, что и храпѣніе имѣть своихъ виртуозовъ: Гемпель, какъ уже прежде сказано, былъ хороший музыкантъ, но храпѣть былъ великий мастеръ. Ложась онъ начиналъ сапѣть, потомъ начиналъ потихоньку храпѣть подсвистывая, потомъ прищелкивать, и все crescendo, наконецъ раздавались жалобные стоны и концертъ оканчивался обыкновенно дикимъ и произительнымъ крикомъ, будившимъ самого виртуоза и меня. Онъ былъ тученъ и полнокровенъ и его душило по ночамъ.

Гемпель оставался не долго въ Петербургѣ, по его отѣздѣ я оставался еще нѣсколько времени въ ревельскомъ подворье, а потомъ поселился съ сестрою, Марьей Ивановною, и зятемъ моимъ съ дѣтками ихъ въ Троицкомъ переулкѣ. У меня была спальня и большой свѣтлый кабинетъ съ особымъ выходомъ.

Въ день моихъ имянинъ, т.-е. 21 мая, когда я шелъ изъ

*) На поля карандашомъ: «развитіе камаринской».

ревельского подворья къ Степанову, гдѣ провелъ большую часть того дня, мнѣ пришла мелодія «болеро»: «О двѣ чудная моя». Я попросилъ Букольника написать мнѣ стихи для этой мелодіи, онъ согласился, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ нѣсколько написанныхъ имъ романсовъ.

Поэтому, кажется, поводу пришла Платону мысль о двѣнадцати романсахъ, изданныхъ потомъ П. И. Гурскалинымъ подъ именемъ Прощанія съ Петербургомъ. У меня было нѣсколько запасныхъ мелодій и работа шла весьма успѣшио.

Между тѣмъ, въ началѣ весны здоровье Е. К. начало очень разстраиваться и докторъ объявилъ моей сестрѣ, что ей угрожаетъ чахотка и что ей непремѣнно нужно оставить Петербургъ и отправиться въ болѣе теплый и здоровый климатъ. Это меня глубоко огорчило, но я рѣшился во что бы то ни стало помочь Е. К. Рѣшился уговорить Е. К. и ея матушкуѣхать въ южную Россію, гдѣ у нихъ были родные, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ матушкѣ съ просьбою выслать мнѣ 7,000 руб. асс., обѣщаюсь не беспокоить ее въ теченіи года.

Я часто посѣщалъ Ширкова, рисовалъ съ нимъ акварелью, но безъ большого успѣха. По его просьбѣ началъ писать Камаринскую для фортепьяно на три руки; но она вышла такая дрань, что тутъ же на мѣстѣ разорвала написанное мною.

Изъ болеро я сдѣлалъ цѣлую пьесу для фортепьяно. Германъ переложилъ его очень удачно на свой оркестръ, равно какъ и вальсъ Fantaisie H-moll; обѣ эти пьесы были чрезвычайно любимы публикой.

Наша братія по сему случаю оставалась на нѣсколько дней въ Павловскѣ, гдѣ мы очень весело провели время.

Матушка выслала деньги на имя Соболевскаго (я держалъ свое намѣреніе въ тайнѣ); получивъ сумму 7,000 р. асс., я, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу: купилъ карету для Е. К. и ея матери, кои были не въ блестящемъ положеніи. Заказалъ дорожную коляску для себя и хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга (поэтому и собраніе романсовъ названо: прощаніе съ Петербургомъ). Я былъ не то что боленъ, не то чтобы здоровъ: на сердцѣ была тяжелая осадка отъ огорченій, и мрачныя неопределенные мысли невольно тѣснились въ умѣ.

Въ первой половинѣ августа все было готово къ отправле-

нию дамъ въ южную Россію. Кукольники и вся братія, искренно меня любившая, не хотѣла разстаться со мною, и можетъ быть на долго (какъ-то предполагалось), не изъявивъ мнѣ дружескихъ чувствъ своихъ.

10-го августа Кукольники устроили для меня прощальный вечеръ, на который, кромѣ искреннихъ пріятелей и домашнихъ, пригласили и нѣкоторыхъ артистовъ и литераторовъ. Я пѣть съ необыкновеннымъ одушевленіемъ прощальную пѣснь, хоръ пѣла братія наша и, кромѣ фортепіано, былъ квартетъ съ контрабасомъ. Хотя этотъ вечеръ былъ художническо-пріятельскій, но тутъ не обошлось безъ смѣху. Якова обокрали; онъ съ горя хлѣбнуль лишній стаканъ мадеры и, не удовольствовавшись быть слушателемъ, рѣшился принять участіе въ исполненіи прощальнаго хора. Онъ съ самонадѣянностью взялъ контрабасъ Мемеля и принялъся играть, но руки не повиновались и онъ съ презабавною миною смотрѣлъ вокругъ себя съ изумленіемъ.

11-го августа я выѣхалъ изъ Петербурга; въ Гатчинѣ мы съѣхались съ Е. К. и ея матерью. Я проводилъ дамъ до Катежны, гдѣ мы разстались: онѣ поѣхали въ Витебскъ, а я на Смоленскъ.

Приѣхавъ къ матушкѣ, я началъ обдумывать свои намѣренія; паспорта и денегъ у меня не было. Притомъ же за нѣсколько дней до отѣзда изъ Петербурга Е. К., въ припадкѣ ревности, жестоко огорчила меня незаслуженными продолжительными упреками. Отъ совокупнаго дѣйствія размышенія и воспоминанія я начиналъ мало-по-малу успокаиваться. Я принялъся за работу и въ три недѣли написалъ Интродукцію «Руслана», начавъ ее въ Новоспасскомъ, кончилъ въ имѣніи зятя моего Николая Дмитріевича Гедеонова (съ которымъ жилъ въ Берлинѣ въ 1834 г.).

На обратномъ пути въ Петербургъ, ночью съ 14-го на 15-е сентября, меня прохватило морозомъ. Приѣхавъ на станцію Городецъ (если не ошибаюсь), я потребовалъ чаю и согрѣвшись отправился въ путь. Всю ночь я былъ въ лихорадочномъ состояніи, воображеніе запевелилось и я въ ту ночь изобрѣлъ и собразилъ Финалъ оперы, послужившій впослѣдствіи основаніемъ увертуры оперы «Русланъ и Людмила».

Приѣхавъ въ Петербургъ, я поселился у Кукольниковъ. Несторъ жилъ на особенной квартирѣ. Я посѣщалъ иногда семейство

Александровыхъ, состоявшее изъ отца, матери, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ нихъ меньшую я училъ пѣть. Платонъ ухаживалъ за старшей и на ней женился впослѣдствіи. Чаще же бывалъ дома; вслѣдствіе простуды образовалась у меня тупая, но мучительная боль въ правомъ боку, появлявшаяся всякий день по заходженіи солнца. Когда братія расходилась, при мнѣ чаще другихъ оставался Янненко; чтобы развязать ему языкъ, я попросилъ его разсказать его жизнь и женитьбу. Тогда онъ подробнѣ сообщиль мнѣ, какъ онъ былъ учителемъ у отца Степановыхъ, бывшаго тогда губернаторомъ Енисейской*) губерніи, какъ ѿхалъ въ Сибирь, какъ, сжалившись надъ одиночествомъ губернантки-англичанки, бывшой тогда у Степанова, онъ женился на ней. Англичанка (Кристина Васильевна Норманъ) отблагодарила его и своими трудами кормила его въ послѣдніе годы его жизни.

Несмотря на недугъ, я снова принялъся за работу, началь сцену Людмилы 4-го акта. Вскорѣ потомъ, по просьбѣ Кукольниковъ, написалъ увертюру, антракты, пѣсню: Ходить вътерь у воротъ и романскъ: Сонъ Рахили, для вновь написанной Несторомъ драмы: Князь Холмскій. Исполнили музыку мою довольно опрятно, но пьеса не удалась и выдержала только три представленія.

Въ ноябрѣ я захворалъ, и опасно, у меня внезапно развилась горячка. Это произошло вѣроятно отъ простуды; наканунѣ я возвращался пѣшкомъ домой безъ калошъ. Въ тотъ вечеръ однакоже я ничего особеннаго не чувствовалъ, просидѣлъ часа съ два съ Платономъ, диспутовалъ съ нимъ, какъ всегда, и мы даже выпили по бутылкѣ церковнаго, такъ называли мы самый простой медовѣтъ. На другой день всѣ проснулись, начали требовать чаю, а я все лежалъ; когда Платонъ подошелъ ко мнѣ со словами: «Миша, пора вставать», я хотѣлъ приподняться, но не могъ. Онъ тогда посмотрѣль на меня внимательно, взялъ за пульсъ и послалъ за моимъ докторомъ Шерингомъ. Меня перетащили въ комнату Платона, который уступилъ мнѣ свою кровать и во все время болѣзни и выздоровленія ухаживалъ за мною съ искреннею заботливостью. Шерингъ гомеопатическими порош-

*) Въ оригиналѣ: Омской.

ками: *Nux vomica*, *Belladonna*, *Dulcamara*, по одному каждого сорта по разу въ день, прерваль горячку въ три дня. Послѣ чего однажды я былъ очень слабъ нѣсколько времени и вдругъ по всему тѣлу обнаружилась сыпь. На лѣвомъ боку, противъ сердца сыпь эта слилась въ одну массу. Нѣть сомнѣнія, что продолжительныя огорченія были одною изъ главныхъ причинъ этой сыпи, которая, при постоянномъ леченіи подъ надзоромъ Шеринга, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, и когда прошла, долго еще оставались на кожѣ желто-печенковыя пятна.

Оправясь, я снова началъ писать «Руслана», а въ то же время, по просьбѣ Мятлева, написалъ Тарантеллу.

Несмотря на плохое состояніе финансъ, я жилъ пріятно, не обременяя другихъ собою. Яковъ отлично умѣлъ готовить для меня щи изъ кислой капусты и капшу. П. П. Рындинъ, съ съ которымъ я очень сблизился въ это время, не брезгалъ этой скучной трапезой, охотно хаживалъ ко мнѣ обѣдать, причемъ подавали и бутылку церковнаго. Я часто бывалъ у Павла Васильевича Энгельгардта: жена его, женщина пріятной наружности и еще молодая, часто приглашала меня. Послѣ болѣзни присылали за мною карету, обшитую внутри мѣхомъ, а сверхъ того шубки, чтобы меня болѣе окутать. Софья Григорьевна любила музыку; я написалъ для нея романскъ: *Какъ сладко съ тобою мнѣ быть*, слова П. П. Рындина, часто игрывалъ ей отрывки изъ новой моей оперы, въ особенности сцену Людмилы въ замкѣ Черномора. У Павла Васильевича жила двоюродная сестра моя, Софья Ивановна Нольде, съ дѣтками. Итакъ, мнѣ тамъ было очень хорошо; за обѣдомъ хозяйка сажала меня возлѣ себя съ дамами, угощали меня сами барыни, а шуткамъ, рассказы и конца не было. Не рѣдко я также бывалъ у вдовушекъ, т. е. въ добромъ и миломъ семействѣ Моллеріусъ; равно бывалъ у Александровыхъ. Около того времени приѣхалъ старшій братъ Кукольника, Павелъ Васильевичъ, изъ Вильны. Онъ былъ профессоромъ исторіи Виленскаго университета. Онъ поселился съ нами и одушевилъ приѣздомъ семью нашу. Для него написалъ Несторъ хоръ, я написалъ и разучилъ музыку и мы встрѣтили его торжественно. По сему случаю Несторъ написалъ стихи, которые начинались такъ:

Павлу Васильевичу хоръ,
Павлу Васильевичу честь,

Вотъ вамъ почетный приборъ,
Просимъ покорнѣйше сѣсть.

Музыки не помню, кажется было solo для Лоди.

Павелъ Васильевичъ былъ очень добрый человѣкъ, любилъ общество, въ особенности общество дамъ; онъ былъ любезенъ, пѣлъ и умѣлъ забавлять общество разными штуками, напр.: отлично представлялъ жидовъ въ синагогѣ; но господствующая страсть его была писать трагедіи изъ первыхъ вѣковъ христіанства; при чтеніи своихъ произведеній онъ приходилъ въ такой восторгъ, что испускалъ внезапные крики и не рѣдко пугалъ своихъ слушателей.

Въ концѣ зимы, т.-е. въ началѣ 1841 г., я, по просьбѣ инспектора Екатерининскаго Института П. Г. Ободовскаго, на слова его сочиненія, написалъ выпускной хоръ E-dur. Иногда бывалъ на репетиціяхъ въ институтѣ, и хоръ исполнили очень хорошо. За этотъ трудъ я получилъ отъ е. и. в. государыни императрицы перстень съ изумрудомъ, осыпанный брилліантами, который я тогда же отосдалъ матушкѣ. По болѣзни государыни танцы и пѣніе вмѣсто института исполняли во дворцѣ, куда и меня пригласили; но я не могъ быть, потому что меня о томъ увѣдомили поздно и я не имѣлъ времени купить башмаки, шелковые чулки и бѣлые перчатки.

Въ самомъ началѣ весны, великимъ постомъ, я перѣѣхалъ къ Степановымъ, которые жаловались мнѣ на предпочтеніе, оказанное мною Кукольникамъ. Николай жилъ на особенной квартире; Петръ Степановъ уступилъ мнѣ комнату, расписанную каррикатурами и чертовщиной. Когда, бывало, карета ночью своими освѣщенными фонарями постепенно мгновеннымъ свѣтомъ освѣщала мою комнату, странныя фигуры мелькали одна за другую, а казалось, что стоявшая на печкѣ мертвая голова насмѣшило улыбалась; мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто казалось, что она смеялась надъ моими страданіями; тогда я спалъ дурно и часто предавался печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ своей. Несмотря на это болѣзненное расположение духа, я продолжалъ писать оперу. Докторъ Садовскій пришелъ однажды, засунулъ сигарку и, смотря на мою работу, сказалъ мнѣ съ са-

модовольнымъ видомъ: отодрать бы тебя, братецъ, лучше бы писаль *).

Паста, приѣхавшая къ намъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1840 г., была въ моей оперѣ: «Жизнь за Царя». Когда Петрова начала пѣть «Ахъ не мнѣ бѣдному», сопровождаемое, какъ известно, 4-мя віолончелями и контрабасомъ, Паста, обратясь ко мнѣ, сказала: «какъ хорошо плачутъ эти віолончели».

Раннею весною приѣхалъ въ Петербургъ зять мой Яковъ Михайловичъ Соболевскій съ сыномъ своимъ (полуглухонѣмымъ) и сестрою Елизаветою Ивановною, взявшую на себя воспитаніе племянника. Ониѣхали въ Парижъ, чтобы испытать все возможное для облегченія полуглухонѣмаго. Матушка, отъ которой не укрылось болѣзненное расположение моего духа, желала, чтобы яѣхали съ ними и прислала потребную для того сумму. Я однако же съ ними не отправился и вотъ по какой причинѣ. Не за долго до приѣзда зятя съ сыномъ и сестрой моей, по городу разнесся слухъ, что Марья Петровна вышла замужъ. Этотъ, по видимому нелѣпый, слухъ оправдался; оказалось, что объ этомъ противузаконномъ бракѣ было донесено с.-петербургской консисториѣ **).

Обдумавъ хорошенько, я подалъ прошеніе о расторженіи моего брака и сейчасъ же отправился къ матушкѣ, съ которой пробылъ дни четыре. Въ іюнѣ 1841 г., возвратясь въ Петербургъ, занялся бракоразводнымъ дѣломъ. Марья Петровна долго отѣльвалась, прикидываясь больною, но вынуждена наконецъ была явиться въ консисторію. На очной ставкѣ я скрѣшилъ сердце и стоялъ спокойно, Марья Петровна плакала. Послѣ обычныхъ троекратныхъ увѣщаній, я объявилъ, что не могу отстать отъ своего намѣренія, что я вынужденъ къ тому семейственными обстоятельствами, что мною не руководствуетъ злоба, въ доказательство чего прошу извиненія у жены за всѣ невольно нанесенные ей мною огорченія.

Менѣ трудны были для меня очные ставки съ адвокатомъ Марии Петровны, какимъ-то Федоровымъ. Я молча выслушивалъ

*) Эта сцена изображена Н. А. Степановымъ въ выше упомянутомъ альбомѣ Л. Ив. Шестаковой.

**) Здѣсь нами выпущены двѣ строки.

Ред.

его обвинения, а въ свою очередь повторялъ только, что я оставлюсь при первомъ своемъ показаніи.

Несмотря на всѣ непріятныя хлопоты по бракоразводному дѣлу, я въ концѣ лѣта снова принялъся за работу. Яковъ Михайловичъ съ сыномъ и сестрою, Елизаветою Ивановною, въ вѣнчаніе осени возвратились изъ Парижа. Всѣ опыты надъ полу глухонѣмымъ племянникомъ оказались безуспѣшными. Зять оставался не долго въ Петербургѣ и уѣхалъ въ деревню. Я съ сестрою и племянникомъ перѣѣхалъ въ домъ Шуппе (бывшій Варварина) противу Опекунскаго Совѣта, въ Мѣщанской улицѣ. Сестра съ племянникомъ взяла удобную для помѣщенія квартиру; у нея же готовили для насъ всѣхъ кушанье. Я помѣстился особо, въ томъ же этажѣ, въ двухъ маленькихъ, но очень свѣтлыхъ комнатахъ. Еще въ концѣ лѣта я почувствовалъ необыкновенное расположение къ сочиненію музыки и это расположение не измѣнилось. Сверхъ того, я началъ учиться рисованію, а именно пейзажей, у ученика академіи Солнцева и началъ рисовать порядочно, такъ что скопировалъ нѣсколько ландшафтовъ карандашомъ для моихъ знакомыхъ; а на одномъ изъ моихъ рисунковъ карандашомъ К. Брюловъ подпись: скопировано очень не дурно.

Обѣдалъ у сестры, а иногда оставался съ нею послѣ обѣда; она тогдѣ прилежно занималась игрою на фортепіано и я аккомпанировалъ ей на скрипкѣ, между прочимъ сонату Бетховена F-dur. У нея жила въ услуженіи дѣвушка (крѣпостная), которая учила шить платья у модистки, и матушка назначала ее въ горничныя младшей сестрѣ моей Ольгѣ. Ей было 18 лѣтъ, она была очень стройная и довольно миловидная дѣвушка. Она одѣвалась хотя очень просто; но опрятно и мило, и не рѣдко потѣшала меня презабавными, неожиданными выходками, такъ напр.; оперу мою «Русланъ и Людмила» она называла своею. Яковъ Ульяновъ также, говоря о «Жизни за Царя» выражался обыкновенно: наша опера. Однимъ словомъ, по всей справедливости ее назвать можно было гризеткой. Въ короткое время я къ ней очень привыкъ:

Привычка въ чувство обратилась,
А чувство въ счастье многихъ дней.

Дѣйствительно, я ей обязанъ многими и многими пріятными

минутами. Минъ дома было такъ хорошо, что я очень рѣдко выѣзжалъ, а, сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы была готова. Осмотрѣвшись, однако же, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдь Нестора и Мишу Гедеонова, съ которыми, равно какъ съ братомъ его Степаномъ Александровичемъ, я не только помирился, но и очень сблизился. Сверхъ того, былъ у меня на обѣдь и Владиславлевъ, бывшій въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ. Онъ любилъ искусства, живопись, и музыку въ особенности; я съ нимъ былъ на дружеской ногѣ, и занять у него по случаю обѣда серебро и столовое бѣлье. По причинѣ отѣзда Ширкова въ Украину, Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помочь въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы. Кукольникъ написалъ стихи *) для финала оперы и сцену Ратмира 3-го дѣйствія: И жаръ и зной. Гедеоновъ написалъ маленький дуэтъ, слѣдующій за балладою Финна между Финномъ и Русланомъ: Благодарю тебя, мой дивный покровитель, речитативъ Финна въ 3-мъ актѣ: Витязи, коварная Наина и ихъ молитву въ 4 голоса, которую оканчивается третье дѣйствіе. И я самъ написалъ сцену Фарлафа съ Наиной и рондо Фарлафа, а также начало финала 3-го дѣйствія. Такимъ образомъ, стихи для либретто, кроме взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали Маркевичъ, В. Ф. Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я.

Великимъ постомъ, въ самомъ началѣ весны 1842 г., приѣхала матушка съ младшей сестрою Ольгою, съ тѣмъ, чтобы провести годъ въ Петербургѣ, для окончанія воспитанія сестры Ольги, которой было лѣтъ 16 или 17. Вскорѣ по приѣздѣ мы перѣѣхали въ домъ Давыдова на Гороховой улицѣ. Матушка съ сестрами и племянникомъ заняла бельэтажъ, а мнѣ нашлись двѣ комнаты на дворѣ съ кухнею.

Въ короткое время опера была доведена до того, что нельзя было дописывать немногаго, оставшагося безъ сценическихъ соображеній и содѣйствія декоратора и балетмейстера. Итаѣ (въ

*) «Англійскіе (?) Я написалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы по возвращенію Ширкова они были замѣнены стихами, со смысломъ, но этого не послѣдовало и теперь гуляютъ англійскіе». Примѣчаніе Кукольника.

апрѣлѣ 1842 г., если не ошибаюсь), я явился къ директору Гедеонову съ партитурой, и онъ безъ всякихъ разговоровъ принялъ мою оперу, приказалъ сейчасъ же приступить къ постановѣнія на сцену, и по моему желанію, вмѣсто единовременнаго вознагражденія 4,000 р. асс., согласился, чтобы я получалъ разовые, т.-е. десятый процентъ съ двухъ третей полнаго сбора за каждое представленіе. Скоро послѣ того отдали мою партитуру въ театральную нотную контору и, когда партіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоры были изготовлены, я принялъ за разучку моей музыки. Впослѣдствіи (это было уже лѣто) надлежало поладить съ балетмейстеромъ Титюсомъ, человѣкомъ весьма ограниченныхъ способностей. Для этого я затѣялъ дать ему обѣдь (онъ любилъ покушать), и чтобы болѣе угодить ему, заказалъ у французскаго ресторатора Le Grand любимыя его кушанья. На обѣдѣ, кроме балетмейстера Титюса, пригласилъ двухъ Гедеоновыхъ, Костю Булгакова, какъ пріятнаго и веселаго собесѣдника и Павла Павловича Каменскаго, служившаго переводчикомъ въ канцеляріи директора театровъ, Гедеонова. По нашему мнѣнію, онъ отлично танцевалъ лезгинку. Такъ какъ музыка для танцевъ 4-го дѣйствія была составлена мною изъ восточныхъ мелодій, то я желалъ, чтобы Титюсъ по возможности сдѣлалъ и самые танцы въ восточномъ родѣ и назначилъ для solo въ этомъ танцѣ, названномъ мною лезгинкой, танцовщицу Андreasову 2-ю, которой въ то время особенно покровительствовалъ директоръ театровъ. Танцы же 3-го дѣйствія вполнѣ предоставилъ Титюсу. Обѣдь удался и вино произвело свое дѣйствіе: послѣ обѣда Каменскій поплясалъ лезгинку, которая не очень понравилась французу Титюсу, но онъ согласился поставить этотъ танецъ по моему желанію.

Вина было вдоволь, такъ что когда послѣ театра возвратились Гедеоновъ и Каменскій ко мнѣ, то я ихъ употчиваю отличнѣйшимъ хересомъ. По этому поводу въ эпитафіи, сочиненной ими на меня впослѣдствіи, помѣщены слѣдующіе стихи:

Любилъ онъ музыку и юбки;
Чужие люди для него
Вакштафа набивали трубки,
И жилъ въ Давыдовѣ онъ домѣ,
Не обижая ни кого,
Бутылокъ хереса окромѣ.

Оставлю на время театръ и оперу, чтобы упомянуть о приѣздѣ Листа въ Петербургъ.

Появленіе его у насъ въ февралѣ 1842 г. перецелошило всѣхъ дилетантовъ и даже модныхъ барынь. Меня, отказавшагося отъ свѣта, со времени разрыва моего съ женою, т.-е. съ ноября 1839 г., снова вытащили на люди и забытому почти всѣми, русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы по рекоменданіи знаменитаго иностраннаго артиста! Несмотря на всеобщее и отчасти собственное мое увлеченіе, я могу теперь еще дать полный отчетъ въ впечатлѣніи, произведенномъ на меня игрою Листа. Мазурки Chopin, его Nocturnes и этюды, вообще всю блестящую и модную музыку онъ игралъ очень мило, но съ превычурными оттѣнками (*à la fran aise*), *c'est à dire avec exag ration de tout genre*. Менѣе удовлетворительно однакоже (по моему мнѣнію) игралъ онъ Баха (котораго clavecin bien temp r e зналъ почти наизусть), Симфонію Бетховена, переписанную имъ самимъ (*transcrise*) для фортепьяно; въ сонатахъ Бетховена и вообще въ классической музыкѣ исполненіе его не имѣло надлежащаго достоинства и въ ударѣ по клавишамъ было нѣчто отчасти котлетное. Исполненіе Септуора Гуммеля отзывалось какимъ-то пренебреженіемъ и по-моему Гуммель игралъ его несравненно лучше и проще. Бетховена концертъ Es-dur исполнилъ онъ гораздо удовлетворительнѣе. Вообще способъ игры Листа въ оконченности не сравни съ Фильдомъ, Карломъ Мейеромъ и даже Тальбергомъ, въ особенности въ скалахъ.

Кромѣ графовъ Віельгорскихъ и Одоевскаго я бывалъ съ Листомъ у графини Растопчиной и у Палибиной. У Одоевскаго, Листъ сыгралъ *à livre ouvert* нѣсколько №№ Руслана съ собственноручной, никому еще неизвѣстной моей партитуры, сохранивъ всѣ ноты, ко всеобщему нашему удивленію. Обращеніе и приемы Листа не могли не поразить меня страннымъ образомъ; ибо я тогда не былъ еще въ Парижѣ и юную Францію зналъ только по наслышкѣ. Кромѣ очень длинныхъ волосъ, въ обращеніи онъ иногда прибѣгалъ къ сладкоразнѣженому тону (*mignardise*); по временамъ въ его обращеніи проявлялась надменная самоувѣренность (*arrogance*). Впрочемъ, несмотря на нѣкоторый тонъ покровительства въ обществахъ, особенно между артистами и

молодыми людьми, онъ былъ любезенъ, охотно принималъ искреннее участіе въ общемъ веселіи и не прочь былъ покутить съ нами.

Когда мы встречались въ обществахъ, что случалось не рѣдко, Листъ всегда просилъ меня спѣть ему одинъ или два моихъ романса.

Болѣе всѣхъ другихъ нравилось ему: Въ крови горитъ. Онъ же въ свою очередь игралъ для меня, что-нибудь Chopin или моднаго Бетховена. Великимъ постомъ того же 1842 г. я познакомился съ семействами Табаровскихъ и Сѣровыхъ. Александръ Николаевичъ Сѣровъ былъ въ то время очень молодой человѣкъ, образованный (онъ учился въ училищѣ нравовѣданія) и очень хороший музыкантъ; онъ игралъ на фортепіано, нѣсколько на виолончели, въ особенности же бойко игралъ съ листа. Сходки наши въ домѣ Мерца прекратились; братія разѣхалась. Несторъ Кукольникъ прежде другихъ переехалъ на особливую квартиру. Несмотря на это по прежнему любилъ меня, и, по требованію моему, написалъ стихи для моей новой оперы и поправлялъ стихи моего собственного изданія. Когда же я объявлялъ ему, что написалъ сцену или № оперы, онъ чрезвычайно радовался и становился безпокойнъ отъ желанія скорѣе слышать новое мое произведеніе. Вообще онъ былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣтить въ моей жизни. Съ нимъ скуча было невозможна; онъ умно и ловко говорилъ обо всемъ. Однажды въ теченіи вечера онъ, необыкновенно ясно и дѣльно, изложилъ словесно исторію Литвы по моему желанію. Когда я изъявилъ мое удивленіе, онъ отвѣчалъ улыбаясь: «прикажешь государь, завтра буду акушеромъ». Если я излагалъ мнѣніе противное его мнѣнію, то онъ говоривалъ такъ: «Миша! на это моего согласія нѣтъ; вышьемъ». Это значило выпѣмъ по стакану церковнаго.

В. И. Богаевъ женился. Платонъ Кукольникъ переехалъ въ домъ Александровыхъ. Онъ занялъ весь нижній этажъ (rez de chaussée), который очень мило отдѣлалъ, а семейство Александровыхъ помѣстилось въ мезонинѣ того же дома. Большая часть братіи сходилась на его вечерахъ, которые онъ умѣлъ оживлять всевозможными способами. Пѣли, играли на фортепіано, танцевали; Несторъ по временамъ читалъ свои новые произве-

дения,—шла дружеская бесѣда, а въ заключеніе вкусный и сытный ужинъ еще болѣе располагалъ всѣхъ къ веселію.

Рѣже, но также пріятны, были вечера у Владиславлева, гдѣ иногда встречались наши и иностранные художники; и у него на вечерахъ пѣли, танцевали и веселились не мало.

По вечерамъ поздно я часто навѣщалъ Мишу Гедеонова, у котораго тогда еще начались сходки послѣ театра.

Онъ и братъ его Степанъ Александровичъ расположили отца своего въ мою пользу до такой степени, что, отѣзжая въ Москву, онъ позволилъ мнѣ распоряжаться по собственному моему усмотрѣнію постановкою моей новой оперы. Вслѣдствіе этого распоряженія я съ Гайдуковымъ (экзекуторомъ [оберъ-костюмеръ] при дирекціи с.-петербургскихъ театровъ) осмотрѣлъ огромные гардеробы, принадлежащіе дирекціи театровъ, вмѣстѣ съ ними мы положили, какіе костюмы надлежало сдѣлать вновь и какіе можно обновить и передѣлать. Костюмы для главныхъ дѣйствующихъ лицъ сдѣланы были по указанію Карла Брюлова. Брюловъ сообщилъ также свои соображенія о декораціяхъ Роллера, который еще до того (написаль) масляными красками эскизы декорацій для «Руслана и Людмилы», которые теперь находятся у Нестора Кукольника *).

Всюторѣ по обѣдѣ, который я далъ Титюсу (это было лѣтомъ), онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать на дачу на Крестовскомъ островѣ и славно угостили меня. Послѣ того онъ началъ заниматься составленіемъ танцевъ и я ходилъ охотно въ школу, чтобы сопрѣжаться съ его требованіями и передѣлывать, что оказывалось нужнымъ перемѣнить. Такимъ образомъ, въ танцы 3-го дѣйствія я долженъ былъ ввести нѣсколько пошлыхъ фразъ, чтобы ловко было танцевать enlevé.

Прежде нежели Титюсъ начиналъ разучивать и сочинять танцы для «Руслана», онъ начиналъ похвалами самому себѣ—говорилъ: *Aprésent tous les maitres de danses sont des maîtres assis*, т.-е. учать сидя; онъ же и еще какой-то другой балетмейстеръ въ Парижѣ, одни только могутъ учить стоя, т.-е. могутъ сами танцевать. При этомъ, со скрипкой въ одной руцѣ и смычкомъ

*.) Эти эскизы были такъ хороши, въ особенности видъ заколдованного замка Черномора, что Роллера за него удостоили званія академика.

Приим. Кукольника.

въ другой, онъ начиналъ дѣлать разныя ша, и, приходя постепенно въ восторгъ, выдѣльвалъ наконецъ антрактъ и другія трудныя штуки. Все это происходило въ присутствіи воспитанницъ, танцовщиковъ и музыкантовъ и крайне было забавно.

Я вѣдь тогда жизнь весьма пріятную; утромъ передѣльвалъ танцы и немногія недоконченныя мѣста изъ оперы, въ 12-мъ часу утра отправлялся на репетицію въ залы театра или школы, откуда меня не рѣдко привозили домой въ театральной каретѣ съ воспитанницами и актрисами. Обѣдалъ я у матушки и проводилъ въ семействѣ послѣднее время; вечеромъ обыкновенно ѿздалъ въ театръ, гдѣ оставался все время за кулисами. Когда вечеромъ я возвращался домой, сестра Ольга встрѣчала меня со смѣхомъ и на вопросъ мой: «чemu ты смѣешься, Oline?» отвѣчала: «вы пришли, значитъ смѣхъ будетъ». Дѣйствительно, не проходило четверти часа, чтобы я не размѣшилъ сестры и матушки.

10-го августа была первая квартетная проба новой моей оперы у матушки на квартирѣ. Участвовали 1-я скрипка Месь и Альбрехтъ, замѣнившій старика Кавоса, который умеръ, 2-я скрипка Вейцманнъ, альтъ — *), віолончель — Шубертъ и контрабасъ Мемель. Присутствовали Гунке и Раль; этому послѣднему поручено было мною оркестровать написанное мною для сцены музыки; во время этой репетиціи я на фортепіано игралъ пѣсенки духовыхъ инструментовъ, голосовъ не было. Репетиція была очень удачна; окончивъ ее, матушка угостила моихъ сотрудниковъ на славу. Мы дружно бесѣдовали и смѣялись; Вейцманнъ потѣшалъ насъ различными фарсами. Осенью начались пробы, сперва въ залахъ, а потомъ на сценѣ. Тогда оказалось, что многие №№ оперы нужно было сократить, а именно: изъ интродукціи надлежало исключить вторую пѣснь Бояна: Есть пустынный край. Равнымъ образомъ все окончательное развитіе (*développement et régoraison*) главной темы:

Лейся полнѣе, кубокъ златой, впослѣдствіи нужно было исключить. Въ финалѣ первого акта сокращенъ хоръ Лелю H-dur въ $\frac{5}{4}$.

*) Такъ написано у Глинки.

Во второмъ актѣ: Баллада Финна оказалась нѣсколько длинною; но я не сократилъ ее и публика впослѣдствіи привыкла ее слушать, какъ она мною первоначально написана.

Хоръ головы, т.-е. финаль 2-го акта, на который я очень разсчитывалъ, рѣшительно не удался и пѣли его такъ невѣрно, что мнѣ самому было не въ силу слышать его. Въ III-мъ актѣ, вѣсто написаннаго мною чрезвычайно труднаго антракта, надлежало начать прямо съ хора: Ложится въ полѣ мракъ ночной, котораго первые куплеты поются за кулисами. Въ финалѣ терцетъ: Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать, надлежало исключить потому, что онъ замедлялъ ходъ драмы.

Въ 4-мъ актѣ сцена Людмилы, за которую во время репетицій въ залахъ благодарила меня Степанова, на сценѣ совсѣмъ не вышла и также Степанова упрекала меня, что я не хорошо разсчелъ сценическій эффектъ.

Въ финалѣ этого и послѣдняго акта надлежало также мно-
гое сократить. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, режис-
сёр М. С. Лебедевъ ручался за то, что опера пойдетъ хоро-
шо. Увертюру прямо на оркестръ я писалъ нерѣдко во время
репетицій въ комнатѣ режиссёра.

Гедеоновъ, возвратясь изъ Москвы, какъ-то повздорилъ съ Роллеромъ. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу моей оперы. Декорации первыхъ трехъ актовъ были хороши, хо-
тя не совсѣмъ въ сказочномъ русскомъ характерѣ. Я разсчиты-
валъ болѣе всего на эффектъ 4-го дѣйствія въ садахъ Черномора. Изъ волшебно-прекрасной, затѣйливой декорации, которая бы могла занять публику и заставить ее забыть недостатки драматического дѣйствія оперы, Роллеръ (вѣроятно отъ досады) сдѣлалъ самую пошлую изъ всѣхъ декораций оперы. Замокъ похожъ былъ на казармы, фантастические цвѣты на бокахъ авансцены были безобразны и гадко размалеваны самыми про-
стыми красками и испещрены сусальнымъ золотомъ, сюрпризы были гадкіе. Вместо стола съ различными яствами для Людмилы выходило изъ земли нѣчто въ родѣ налоя съ какимъ-то по-
золоченнымъ шевелившимся деревцомъ. Однимъ словомъ, это была не декорация, а западня (*attrappe*) для актеровъ и публи-
ки; не только Степанова, но и самая первоклассная актриса не могла бы эффектно выполнить этой сцены. Когда же являлся

неуклюжий Черноморъ съ свитою своей и полковой музыкой, тогда не было места ни для музыкантовъ, ни для танцоровъ.

Декорация послѣдняя 5-го акта не лучше была.

Новое обстоятельство умножило весьма значительно мои хлопоты и непріятности. Около 1840 или 1841 г. Булгаринъ бывалъ часто у Нестора Кукольника и я былъ съ нимъ на дружеской ногѣ и даже на ты. Изъ-за пустяковъ мы разсорились. Не вижу надобности скрывать причину ссоры моей съ Булгаринымъ. Однажды въ Павловскѣ Булгаринъ что-то долго шепталъ на ухо Герману*), между тѣмъ публика ожидала одной изъ любимыхъ пьесъ; я въ полголоса сказалъ шутливо Герману: «не слушайте его, онъ ничего въ музыкѣ не разумѣетъ». За эту шутку Булгаринъ взбѣсился. Мы были на кіоскѣ, где оркестръ. Булгаринъ завязалъ споръ и таѣвъ дѣлошло о музыкѣ, то естественно, что мнѣ легко было объяснить и доказать, что онъ нашего искусства не разумѣетъ.

Этотъ споръ продолжался долго и въ присутствіи многочисленной толпы.

Сеньковскій, съ которымъ въ то время я былъ очень друженъ, желая отклонить отъ меня новые непріятности, старался примирить меня съ Булгаринымъ.

Онъ позвалъ въ Coulon**) на обѣдь бельгійскую пѣвицу Мерти съ ея матерью (Мерти впослѣдствіи вышла за klarнетиста Блэза, который былъ долгое время у насъ и былъ любимъ), меня и Булгарина. Мы подали другъ другу руку въ знакъ примиренія, но я однако не хотѣлъ просить его о покровительствѣ. Когда же запла рѣчъ о моей оперѣ, Булгаринъ съ притворнымъ видомъ сожалѣнія сказалъ: «досадно, что такое превосходное произведеніе должно быть ввѣreno артистамъ, которые не въ состояніи исполнить его надлежащимъ образомъ». На это я отвѣчалъ ему, что я писалъ мою оперу, зная уже тѣхъ артистовъ, которые должны будутъ исполнить ее, что я сообразовался съ ихъ средствами и вполнѣ ими доволенъ.

Нѣсколько дней послѣ того, когда я пришелъ на репетицію, Леоновъ взялъ меня въ сторону и таинственно сообщилъ, что

*) Германъ управлялъ тогда оркестромъ, игравшимъ въ Павловскомъ вокзалѣ.

**) Тогдашній содержатель павловскаго ресторана.

актеры сердятся на меня. Въ самомъ дѣлѣ, когда взошелъ на сцену, то ясно увидѣлъ, что меня принимаютъ сухо и на всѣхъ лицахъ недовольную мину. Петрова же вскинулась на меня въ гневѣ и разразилась упреками, изъ которыхъ я узналъ, что вышла въ «Сѣверной Пчелѣ» статья объ артистахъ, которая ихъ обидѣла и которую они мнѣ приписывали*). Я объяснилъ Петровой, что я никакой статьи не читалъ и не знаю, а что Булгаринъ въ статьѣ, на которую она ссылается, напечаталъ собственно слова свои, сказанныя мнѣ во время обѣда у Coulon. Видя однаждѣ, что мои убѣжденія ни къ чему не служать, я отвернулся.... и предоставилъ режиссёру вести репетицію.

Музыканты также (кромѣ почтенныхъ изъ нихъ, какъ Меса, Альбрехта, Шуберта, Мемеля и другихъ) разозлились на меня за статью Булгарина и начали играть весьма небрежно, что въ особенности замѣтно было въ увертюрѣ и въ финалѣ 5-го дѣйствія. Видя это, я попросилъ старшихъ музыкантовъ, а именно капельмейстера Альбрехта, Меса и Майнгарта уговорить молодыхъ музыкантовъ быть исправными, въ противномъ случаѣ, прибавилъ я, «донощикомъ я не буду, а найдутся другіе, которые охотно доведутъ до свѣдѣнія директора, что такіе-то изъ музыкантовъ пренебрегаютъ своимъ дѣломъ, а директоръ, какъ вы знаете, радъ слушаю прогнать музыканта. Мнѣ же, заключилъ я, прискорбно было, чтобы кто-нибудь пострадалъ изъ-за моей оперы».

На одной изъ послѣднихъ репетицій графъ М. Юр. Віельгорскій, прослушавъ первую половину 5-го акта, обратясь ко мнѣ сказалъ: *mon cher, c'est mauvais! — Retirez vos paroles, M-r le comte,* отвѣчалъ я ему; *il est possible que cela ne fasse pas des l'effet, mais pour mauvais certe, que ma musique ne l'est pas.*

Всю эту часть 5-го акта впослѣдствіи выпустили. Сокращенія (*coupures*) я предоставилъ графу Віельгорскому, который нещадно выкравалъ и часто лучшія мѣста, приговаривая съ самодовольнымъ видомъ: «не правда ли, что я мастеръ дѣлать вупоры?»

*.) Эта статья напечатана въ № 250 (7 ноября, суббота) Сѣверной Пчели 1842 года. Послѣ того Булгаринъ два раза (№№ 261 и 273) оправдывался въ своихъ словахъ передъ оскорблennыми артистами.

Ред.

Назначено было 27 ноября 1842 г. для первого представления «Руслана и Людмилы». Петрова была нездорова, а роль Ратмира должна была исполнять Петрова - воспитанница, которая была талантливая, но еще слабая и неопытная артистка. Переименовать было невозможно, въ особенности потому, что директоръ не любилъ старшую Петрову.

Несмотря на мучительное чувство, овладѣвшее мною всякий разъ во время первого представлениія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно.

Второй актъ прошелъ также не дурно, за исключеніемъ хора въ головѣ.

Въ третиѣмъ актѣ, въ сценѣ: И зной, и жаръ, Петрова-воспитанница оказалась весьма слабою и публика замѣтно охладилась. Четвертый актъ не произвелъ эффекта, которого ожидали. Въ концѣ же 5-го дѣйствія императорская фамилія уѣхала изъ театра. Когда опустили занавѣсъ, начали меня вызывать, но аплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шиквали и преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился къ бывшему тогда въ директорской ложѣ генералу Дубельту съ вопросомъ: «кажется, что шикуютъ, идти ли мнѣ на вызовъ?». — «Иди, отвѣчалъ генераль, Христосъ страдалъ болѣе тебя».

Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду, ласково приняли моихъ приятелей, приѣхавшихъ къ намъ ужинать. Матушка за мой трудъ подарила мнѣ столоваго серебра на 12 кувертовъ.

Второе представлениe прошло не лучше первого. На третье представлениe явилась старшая Петрова, она исполнила сцену Ш-го дѣйствія съ такимъ увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительныя рукоплесканія, торжественно вызывали сперва меня, потомъ Петрову. Эти вызовы продолжались въ продолженіи 17-ти представлений. По сему поводу нерѣдко сердилась на меня Петрова. Во время ея сцены, я ее не слушалъ, а въ одной изъ отдаленныхъ кулисъ шушукалъ съ одной изъ миловидныхъ воспитанницъ и часто опаздывалъ на вызовъ.

Въ теченіи зимы, или лучше, отъ 27 ноября до великаго

поста опера выдержала 32 представления. Всѣхъ впослѣдствіи опера выдержала 53 представленія въ С.-Петербургѣ.

Булгаринъ не ограничился статьей, написанной имъ до первого представленія; онъ со всевозможной злобой критиковалъ музыку, и слова и, что было презабавно, строго разбиралъ преимущественно слова, мною написанныя *).

Сенкѣвскій постоянно защищалъ меня и, какъ извѣстно, очень умно и ловко. Князь Одоевскій написалъ также обѣ моей оперѣ премилую статью. Графъ же Вельгорскій, когда заходила рѣчь о моей оперѣ, всегда говорилъ: *c'est un opéra magnifique*. Другой критикъ, обратясь къ директору Гедеонову, сказалъ однажды: «какъ жаль, что вы издержали такъ много на постановку оперы Глинки, вѣдь она не пойдетъ.—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Гедеоновъ, я не жалѣю и увѣренъ, что она прекрасно пойдетъ, а вы напишите лучше». Гедеоновъ въ глаза трунилъ надо мною, говорилъ, что я порчу музыкантовъ, ибо по временамъ нѣкоторые изъ нихъ ничего не играютъ, что не слѣдуетъ писать такъ учено и т. п., за глаза же постоянно и ревностно защищалъ меня. Великимъ постомъ я получилъ до 3 тысячъ рубл. сер. разовыхъ изъ театральной конторы и отдалъ ихъ матушкѣ на сохраненіе.

ПЕРИОДЪ IX.

Отъ первыхъ представлений оперы «Русланъ и Людмила» до поѣздки въ Шаркѣ.

Приѣхалъ во второй разъ Листъ въ Петербургъ и нерѣдко втиль съ нами въ обществѣ Гедеоновыхъ (Мишѣ я посвятилъ мою оперу «Русланъ и Людмила») и графа Аркадія Павловича Кутузова, чрезвычайно пріятнаго и любезнаго собесѣдника.

Листъ слышалъ мою оперу, онъ вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста. Несмотря на многіе недостатки «Руслана», онъ успокоилъ меня на счетъ успѣха. Не только въ Петербургѣ, но и въ Парижѣ, по словамъ его, моя опера выдержа толь-

*) Разборъ «Руслана и Людмилы» помѣщенъ въ № 275 (вторникъ 8 декабря) и 277 (четвергъ 10 декабря) «Сѣверной Пчелы» 1842 года. Но Глинка ошибался, приписывая этотъ разборъ самому Булгарину; статьи подписаны буквами Р. З. Впрочемъ буквальное сходство нѣкоторыхъ выражений съ субботничкомъ Булгарина ясно показываетъ, что булгаринскій сотрудникъ писалъ не безъ вдохновенія со стороны своего патрона.

ко въ (одн) течениі одной зимы 32 представлениі, могла бы счи-
таться удачною. «Вильгельмъ Тель» Россини въ первую зиму
выдержалъ только 16 представлений.

Я ему высказалъ откровенно мои взгляды на искусство и на
композиторовъ. По моему мнѣнію, Карль Марія Веберъ былъ
для меня очень неудовлетворителенъ (даже во «Фрейшюцѣ»), отъ
излишняго употребленія доминантъ-септимъ аккорда въ пер-
вой его позиціи. На это Листъ сказалъ мнѣ: «vous êtes avec
Weber, comme deux rivaux, qui courtisez la même
femme».

День отъѣзда Листа мнѣ очень памятенъ, мы ужинали (ка-
жется) у графа Кутузова. Зашла рѣчь о моей оперѣ, и графъ
М. Ю. Віельгорскій сказалъ опять: *ton cher, c'est un opéra*
manqué. Наскучивъ слышать одно и тоже, я попросилъ мину-
ту вниманія у присутствовавшихъ на ужинѣ: «Господа, сказалъ
обратясь къ нимъ, я считаю графа однимъ изъ наилучшихъ
музыкантовъ, какихъ я только встрѣчалъ — всѣ единодушно со-
гласились на это предложеніе — теперь, положа руку на сердце,
скажите мнѣ, графъ, подписали-ль бы имя ваше подъ этойope-
рой, если бы ее написали?» — Конечно, охотно, отвѣчалъ онъ.
«Такъ, позвольте-жъ и мнѣ быть довольнымъ трудомъ моимъ».

Несмотря на эти выходки противъ меня, внущенная нѣ-
сколько *jalousie de métier* (графъ писалъ въ то время оперу:
Цыгане), онъ любилъ меня. Вообще и теперь еще онъ крайне
любезенъ въ обществѣ и увлекается, какъ юноша новыми впе-
чатлѣніями. Когда приѣхалъ къ намъ Рубини (въ мартѣ 1843 г.),
графъ, опустивъ подбородокъ въ огромный свой галстукъ, ска-
залъ: *ton cher, c'est Jupiter Olympien!*

Иванъ Ивановичъ Рубини, какъ мы называли его, несмо-
тря на обработанность голоса и увѣренность (*aplomb*) былъ не
Юпитеромъ, а развалиной. Голосъ его еще въ Италии въ 1830 г.
не удовлетворялъ меня, въ первые раза въ особенности онъ мнѣ
отдавался въ ушахъ болѣе стекляннымъ, нежели металлическимъ.
Образъ его пѣнія еще въ Италии я находилъ изысканнымъ, въ
1843 г. преувеличеніе (*exagération*) дошло до нелѣпой степени.
Онъ пѣлъ или чрезвычайно усиленно, или же такъ, что рѣши-
тельно ничего не было слышно; онъ, можно сказать, отворялъ
только ротъ, а публика пѣла его *rrr*, что естественно листило

самолюбію слушателей и ему ревностно аплодировали. Онъ далъ нѣсколько концертовъ въ залѣ собранія. Вечера у Миши Гедеонова становились болѣе и болѣе оживленны и занимательны.

Кромѣ Гедеоновыхъ, постоянными посѣтителями на нихъ были: графъ Кутузовъ, Варламовъ, К. Булгаковъ, П. Т. Каменскій, Гороновичъ (алиса), секретарь директора Александръ Львовичъ Неваховичъ, Гейденрейхъ, докторъ Берсь и мой пансіонскій товарищъ Самаринъ. Мы жили душа въ душу и не рѣдко ужинали, довольствуясь остатками директорского обѣда, а если онаго было недостаточно, то дѣлали складчину и каждый давалъ для этого, сколько случалось. Расходились очень поздно, такъ что отъ Гедеоновыхъ я рѣдко приходилъ ранѣе 5 часовъ утра.

Самаринъ написалъ романъ: *Люблю тебя, милая роза*, который я положилъ у К. Булгакова на музыку и, какъ помнится, ночью, послѣ театра. Около того же времени написалъ для фортепіано *Тарантеллу A-moll* въ $\frac{2}{4}$.

Въ томъ же, 1843 г., если не ошибаюсь, я написалъ романъ къ Ней, переведенный изъ Мицкевича княземъ С. Голицынымъ.

Хлопоты и непріятности въ театрѣ, равно какъ и бракоразводное дѣло мнѣ опротивѣли и я впаль въ какое-то ко всему равнодушіе. Хотя я узналъ, что Марья Петровна со вторымъ мужемъ своимъ прижила дочку, я никакъ не хотѣль ее за то преслѣдовать, справедливо опасаясь новыхъ хлопотъ и непріятностей, несмотря на желаніе матушки моей, чтобы я занялся этимъ дѣломъ.

Весною матушка съ сестрою Ольгою Ивановною отправились въ деревню, а сестра Елизавета Ивановна съ племянникомъ на дачу у лѣсного института. Я, оставшись въ домѣ Давыдова, ходилъ обыкновенно обѣдать и ужинать въ Legrand, тамъ отъ скучи не рѣдко пировалъ съ друзьями. По пословицѣ: *ce qui vient par la flûte s'en va par le tambour*, приобрѣтенныя за оперу деньги не долго пролежали.

Е. К. еще въ 1842 г. возвратилась въ Петербургъ; я съ ней видался часто дружески, но уже не было прежней поэзіи и прежнаго увлеченія. Она познакомилась съ Марьей Степановной К.....*), бывшей тогда въ Петербургѣ съ мужемъ. Въ то время

*¹) Кршижевичъ.

Марья Степановна была хорошенькая, веселая и привѣтливая барыньяка. Черезъ нее или случайно я очень сблизился съ родственниками ея Тарновскими. Анна Николаевна Тарновская была молодая, миловидная и крайне привѣтливая женщина, она подружилась съ Е. К. и лѣтомъ я очень пріятно проводилъ время съ Анною Николаевною, Марьей Степановной и Е. К. Маленькой сыночкѣ Тарновскихъ называла меня: «Дядя Мися, тра та та». Въ 1843 г. Ульбышевъ прислалъ мнѣ свое сочиненіе о Моцартѣ. Я прочелъ часть этого сочиненія и изучилъ вновь всѣ оперы Моцарта въ оркестровыхъ партитурахъ. Замѣчанія и критика графа Вельгорского и эти упражненія возвуждали во мнѣ критический духъ, который еще болѣе развился впослѣдствіи.

Лѣтомъ того же года приѣхалъ изъ Москвы знаменитый арфистъ Девитте, щавший въ Англію, гдѣ онъ скончался въ слѣдующемъ году. Онъ игралъ очень отчетливо и его сочиненія были не дурны. Я безпрестанно видался съ нимъ, то у него, то у Владиславлевыхъ; наконецъ онъ провелъ вечеръ у Тарновскихъ.

Вскорѣ по отѣзду его я захворалъ, страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ ввѣрилъ себя Гейденрейху, который вылечилъ меня.

Зимою приѣхали къ намъ Рубини, Тамбурини, Біардо-Гарсіа. Завелся итальянскій театръ: Біардо была превосходна, Тамбурини довольно еще хороши, Рубини пѣлъ иногда спокойно, иногда же голосъ ему измѣнялся, что доводило его даже до слезъ.

Междудрочимъ дали *Don Juan* Моцарта; всѣ главныя роли были убиты, только *Zerlina* (Біардо) и *Mazetto* (Артемовскій) прошли отлично. *Don Juan* (Тамбурини) былъ валъ и невыносимо оттягивалъ темпъ. Рубини тщился быть громовержцемъ и сладенькую каватину *il mio tesoro* пѣлъ, какъ пирата, грозя публикѣ и потрясая правой рукой. О другихъ умалчиваю, скажу только, что и капельмейстеръ нѣмецъ, а именно Ромбергъ (сынъ знаменитаго Андрея Ромберга), казалось, былъ въ заговорѣ противу Моцарта, котораго мастерское (хотя не образцовое) произведеніе заставилъ оркестръ играть вычурно и безъ энергіи. Публика и даже журналы вооружились противу

гениального *maestro*; ему, а не бездарности и невежеству въ музыке большей части артистовъ, приписывали они неудачу представлениі *Don Juan*. Я плакаль отъ досады и тогда же возненавидѣлъ итальянскихъ пѣвуновъ и модную итальянскую музыку.

На вечера у Миши Гедеонова прикомандировался Карлъ Брюловъ, а потомъ и Янинко. Брюловъ провелъ молодость въ Италии и по привычкѣ любилъ итальянскую музыку. Онъ пользовался ложею Гедеонова, что ему было очень понутру; онъ былъ очень скучъ. Наши сходки значительно оживились отъ его посѣщеній, онъ говорилъ умно и оригинально. Бывалъ также у Миши и Несторъ. Въ это же время развились у Гедеоновыхъ, у Степана въ особенности, страсть подражать Рубини, въ чёмъ не отставали и мы съ Булгаковымъ. Самаринъ и я въ свою очередь познакомили нашу публику съ выходками Колмыкова и Огинскаго. Можно сказать, что у насъ былъ собственный театръ; однажды даже Булгаковъ и Неваховичъ представляли намъ живые картины, и очень мило и забавно.

Зимою приѣхала матушка съ сестрою Ольгой къ свадьбѣ сестры Елизаветы Ивановны, которая вышла замужъ за директора училища глухо-нѣмыхъ Виктора Ивановича Флѣри. Во время свадьбы матушка чувствовала себя не хорошо, но перемогалась. Нѣсколько дней послѣ того, я былъ дома (въ домѣ Давыдова, матушка съ сестрой Ольгой жила особо) и наслаждался пѣніемъ моего соловья: онъ вылеталъ изъ клѣтки, которая не запиралась и садился на ёлкѣ, стоявшей посреди моей гостиной, где пѣлъ, не только не боясь меня и посѣтителей, но еще звалился тѣмъ громче, чѣмъ громче говорили и шумѣли. Позвонили, вошелъ Гейденрейхъ, я повелъ его любоваться моимъ соловьевемъ; но онъ тутъ же объявилъ мнѣ, что матушка въ опасности, что у нея карбункуль и что къ завтрашнему дню неизменно нуженъ операторъ. Втайне я съ Флѣри распорядились, какъ нужно было, и на другой день Гейденрейхъ съ операторомъ Саломономъ въ 12 ч. утра явились къ матушкѣ. Операцию произвели удачно; ни матушка, ни сестра не знали объ угрожавшей ей опасности. Первое время матушка нѣсколько страдала отъ боли, но я, оставаясь при ней, занималъ ее разговорами и распросами о ея молодости въ, особенности о томъ,

какъ она выходила замужъ. Сестры ъздили по вечерамъ и вѣселились. Гейденрейху помощницей была та самая дѣвушка, которая жила у сестры Lisette, когда я писалъ «Руслана».

Въ мартѣ матушка отправилась въ деревню, сестра Ольга осталась у Флѣри. Я провожалъ матушку, былъ сильный морозъ и вѣроятно меня прохватило, потому что сейчасъ послѣ того у меня образовались ревматизмы. По отъѣздѣ матушки я до обѣда отъ скучи игралъ на скрипкѣ, чтобы раззадорить моихъ птицъ. Ихъ было до 16-ти, каждая знала свою клѣтку, а по утрамъ онѣ летали и пѣли. Послѣ обѣда я не рѣдко бывалъ у Флѣри, тамъ для меня топили каминъ и обогрѣвшись я принимался играть въ карты съ дѣтьми Виктора Ивановича (отъ первой жены). Старшая его дочь по имени, А нютѣ, дѣвушка лѣтъ 10-ти, безпрестанно плутовала и я сердился за то.

Матушка еще до отъѣзда рѣшилась отпустить меня за границу, а именно въ Парижъ, гдѣ я еще не былъ. Весна разсѣяла мои ревматизмы и я началъ приготовляться къ пути. Не желая однаждоѣ ъхать одинъ, потому что я былъ еще тогда весьма нераспорядителенъ, я упросилъ ъхать со мною Федора Дмитріевича Гедеонова, который долго передъ тѣмъ жилъ въ Парижѣ. Различные хлопоты замедлили нашъ выѣздъ. Между тѣмъ настало лѣто, почти всѣ знакомые разѣхались по дачамъ, а я, чтобы не соскучиться, ежедневно ходилъ къ Янненкѣ. Мой пансіонскій товарищъ генераль Астафьевъ пристроилъ Янненку съ семействомъ въ банѣ, принадлежавшой къ дому отца жены своей, Пономарева. Въ этой банѣ было достаточно места для удобнаго помѣщенія семейства Янненки, и такъ какъ съ одной стороны баня эта примыкала къ саду довольно большому, то лѣтомъ тамъ было хорошо. Я послѣ чаю утромъ отправлялся бывало къ Янненкѣ, тамъ былъ уже К. Брюловъ, позже приѣзжали и другие пріятели. Обѣдали и ужинали складчиной. Тогда сняли съ меня маску. Вообще время шло не дурно. Въ іюнѣ все было готово; съ Гедеоновымъ отправлялась въ Парижъ молодая дѣвушка француженка, по имени Adѣle Rossignole. Я былъ у Тарновскихъ, гдѣ были Е. К. и Марья Степановна; моя коляска подѣхала за мною, я рас простился съ барынями, заѣхалъ за Гедеоновымъ и Аделью и мы отправились въ путь.

Незадолго до отъѣзда, а именно въ день моего ангела 21 мая, дочь ministra Блудова прислала мнѣ статью Henry Merimée (двоюродного брата Продпера Merimée). Эта статья меня обрадовала; ни одинъ изъ моихъ соотечественниковъ не отзывался до тѣхъ поръ обо мнѣ въ такихъ лестныхъ выраженияхъ *).

Вотъ главное содержаніе этой статьи:

«La vie pour le Tsar de M-r Glinka est d'une originalité précieuse, leur première oeuvre d'art qui n'ait rien imité. La science y revet une forme si naïve et si populaire. C'est comme poème et musique, un resumé si fidèle de tout ce que la Russie a souffert et chanté, elle y retrouve si bien ses haines et ses amours, ses larmes et ses joies, sa nuit profonde et son aurore radieuse, c'est d'abord une si douloureuse plainte, puis une hymne de redempction si fière et si triomphante que le dernier paysan transporté de son Izba au théâtre serait touché jusqu'au fond du coeur. C'est plus qu'un opéra, c'est une épopee nationale, c'est le drame lyrique rendu à la noblesse de sa destination primitive, alors qu'il n'était pas un amusement frivole, mais une solemnité patriotique et religieuse. Bien qu'étranger je n'ai jamais assisté à ce spectacle sans une vive et sympathique émotion».

(Une année en Russie, lettres écrites de Moscou en 1840, publiées par la Revue de Paris en Mars 1844 **).

(Окончаніе слѣдуетъ).

II. С. ПОТЕМКИНЪ ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

(Материалы для истории Пугачевского бунта).

Изъ бумагъ, собранныхъ мною по исторіи пугачевщины и сколько лѣтъ тому назадъ были напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ: ***) 1) бумаги Кара и Бибикова, и 2) часть переписки императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ. Малое распространеніе академического изданія было причиною, что большая часть лицъ, которыхъ послѣ того писали объ этой эпохѣ, не воспользовались помянутыми документами. Содержаніе ихъ не было принято къ свѣдѣнію даже при второмъ изданіи „Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова”.

*) «Это—magnifique. Ты не такъ выразился; это не лесть, а су真切 правда».

Примѣчаніе Кукольника.

**) Внизу страницы рукою Глинки отмѣчено: «Кончено 10 декабря 1854 года».

***) Т. I и III.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТЪ 1845 ГОДА ДО 1854 ГОДА.

ПЕРИОДЪ XI*).

Путешествие и пребывание въ Парижѣ.

Мы заѣхали на короткое время въ деревню, я пробылъ нѣсколько дней съ матушкой въ Новоспасскомъ, заѣхалъ въ Беззаботье къ Николаю Дмитріевичу Гедеонову, оттуда чрезъ Смоленскъ въ Варшаву. Бѣхали мы на почтовыхъ въ коляскѣ, купленной мною въ 1840 г. Изъ Варшавы черезъ Познань въ Берлинъ. Тамъ я провелъ нѣсколько дней съ З. Деномъ (бывшимъ моимъ учителемъ контрапункта). Со мною были партитуры моихъ оперъ. День остался чрезвычайно доволенъ моимъ терцетомъ изъ Жизни за Царя: Не томи родимый.

Изъ Берлина на почтовыхъ же отправились мы въ Кёльнъ, гдѣ оставили коляску.

Желѣзной дорогой домчались до Ахена, гдѣ пробыли нѣсколько дней; — изъ Ахена въ Брюссель. Въ Брюсселѣ были праздники кегтѣс; — Блазъ (кларнетистъ) часто бывалъ со мной и въ саду я слышалъ необыкновенно стройный оркестръ духовыхъ инструментовъ, состоящій изъ ремесленниковъ. Подобные оркестры были въ Люттихѣ, Антверпенѣ и Гентѣ. Къ сожалѣнію, это общество уже не существуетъ; оттуда по желѣзной дорогѣ до города Mons, а потомъ въ дилижансѣ въ Парижъ.

Мы вѣйхали улицами Faubourg Montmartre и rue Montmartre.

Огромность семи-этажныхъ домовъ и необыкновенное движение на улицахъ поразили меня самымъ пріятнымъ образомъ. Théodore (Гедеоновъ), оставя меня, Адель и наши вещи въ конторѣ дилижанса, сейчасъ же отыскалъ намъ квартиру и мы перѣѣхали въ Passage de l'Horéga (de l'Horloge) на 6-ой этажъ въ маленькую, но опрятную квартиру. Это было около второй половины июля; время было жаркое; изъ оконъ нашихъ видна была лучшая часть бульвара. Обѣдать ходили мы въ ресторацию.

*) Русская Старина, т. I, изд. первое, стр: 380—402; 474—494; 562—594; изд. второе стр. 313, т. II, стр. 56—73; 266—293; 372—397.

Въ это время между нашими соотечественниками были М. Л. Неваховичъ (издававшій впослѣдствіи «Ералашъ») и И. Д. Норовъ, привезшій съ собой хорошій запасъ денегъ (до 80,000 фр.). Первый забавлялъ меня своими шутками и карикатурами, а второй требовалъ, чтобы я всегда принималъ участіе во всѣхъ parties de plaisir, которыхъ онъ затѣвалъ.

Въ концѣ іюля были праздники въ память іюльскихъ дней (journées de Juillet), жуты (joutes) на Сенѣ и иллюминації, куда по незнанію отправясь вмѣстѣ съ толпою, едва не были мы раздавлены. Насъ спасъ французъ изъ Петербурга, по имени м-г Edouard; онъ же носилъ меня на плечахъ по большой аллѣ Елисейскихъ полей, чтобы мнѣ виднѣе была иллюминація.

Въ сентябрѣ приѣхалъ въ Парижъ князь Елимъ Мещерскій; онъ началъ переводить на французскій языкъ нѣкоторые изъ моихъ романсовъ. Это трудное предпріятіе однако не удалось; болѣзнь, а потомъ преждевременная кончина князя (въ ноябрѣ того же года) не допустила привести въ исполненіе этого труда.

Я тщательно осматривалъ достопримѣчательности Парижа. Въ Версали былъ съ княземъ Елимомъ и графомъ Михаиломъ Юр. Віельгорскимъ, который провелъ нѣсколько дней въ Парижѣ.

Около того же времени (въ сентябрѣ) узналъ я, что Листъ отправился въ Испанію. Это обстоятельство возбудило мое давнишнее желаніе побывать въ Испаніи такъ сильно, что не откладывая я написалъ объ этомъ матушкѣ, которая не вдругъ и даже не скоро согласилась на это мое предпріятіе, опасаясь за меня.

Не теряя времени я принялъся за дѣло. Князь Елимъ Мещерскій познакомилъ меня съ испанцемъ Souza; онъ принадлежалъ къ испанскому посольству, былъ прежде того и въ Петербургѣ, зналъ хорошо музыку, которой учился у известнаго композитора Шуберта, и вообще былъ человѣкъ образованный и пріятный въ обществѣ. Онъ отрекомендовалъ мнѣ учителемъ испанского языка испанца по имени Biesma Guerrего (онъ впослѣдствіи былъ учителемъ дѣтей Людвига Филиппа). Въ самую первую лекцію онъ объяснилъ мнѣ характеристическія черты испанского языка; сейчасъ послѣ того я переводилъ «Хилблаза» съ французскаго на испанскій языкъ; къ слѣдующей лекціи я

записывалъ переводъ, онъ исправлялъ его, я его переписывалъ на-чисто, прочитывалъ нѣсколько разъ вслухъ и такимъ образомъ упражнялся въ произношениі, привыкалъ къ испанскимъ оборотамъ и почти помнилъ все переведенное мною наизусть.

Въ то же время читалъ испанскую комедію *Els i de las pinas*, разные литературные отрывки изъ хрестоматіи, въ томъ числѣ отрывки изъ Донъ Кихота Сервантеса. Слѣдя этой превосходной системѣ, я въ короткое время началъ понимать испанскій языкъ и даже нѣсколько говорить на немъ.

Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ мы съ Théodore и Adèle перѣѣхали въ гнѣ de Provence № 5. У насъ была довольно большая зала; кушанье готовили дома и всегда у насъ былъ лишній приборъ для пріятеля.

Я попробовалъ-было лечиться і одомъ у доктора Шустера, но безъ малѣйшаго успѣха.

Я жилъ разнообразно и искренно веселился съ пріятелями до ноября мѣсяца. Стало очень свѣжо и туманно *), не приходилось проводить большую часть дня на улицѣ, какъ то было прежде. Нѣкоторые изъ пріятелей уѣхали, другие завелись барынями и стали жить домосѣднѣе. Мнѣ самому запала мысль обзавестись подругою; для того я началъ посѣщать маленькие театры, въ особенности бывшій въ то время, въ улицѣ de la Victoire противу дома піаниста Гейнриха Герца, театръ Chantegene. На этомъ театрѣ упражнялись молодые артисты и артистки, играли также любители и любительницы драматического искусства.

Нѣкоторыя пьесы шли очень не дурно. Я подмѣтилъ нѣсколько миловидныхъ артистокъ, и мы съ Теодоромъ пригласили ихъ къ себѣ. Чтобы насъ посѣщали еще охотнѣе, мы затѣяли вечера. Собирались около 8 часовъ вечера нѣсколько молоденькихъ актрисъ, а также нѣсколько соотечественниковъ и иностранцевъ. Общество было пріятное: пѣли, танцевали, потомъ подавали чай, пуншъ (легкій, разумѣется) и въ заключеніе большой сладкій пирогъ **). Все это было Теодоромъ ловко устроено,

*) На полѣ копіи рукой Глинки карандашомъ написано: «чего-то нѣть».

**) Въ копіи это слово, приписанное и въ оригиналѣ карандашомъ, пропущено. Рукою Кукольника написано: «Пирогъ, что-ли?» А рукою Глинки: «Дѣйствительно пирогъ».

веселились мило, а вечера стояли не много. Все должно было оканчиваться въ 11 часовъ. Если же танцы иногда продолжались позже, то не на долго, со всѣхъ этажей являлись кухарки (*les bonnes*) и жаловались, что беспокоить ихъ госпожъ, которая почти всегда ссыпалась одна на головную боль, другая на мигрень и т. п.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса съ одною изъ молодыхъ актрисъ, я почувствовалъ къ ней особенное влечение. Я сейчасъ началъ ухаживать за нею, бывалъ въ театрѣ *Chantegéine* всякий разъ, когда играла Аделина, провожалъ ее до дому. Долгое время Аделина упорствовала и до такой степени, что я потерялъ надежду. Однако же около послѣднихъ чиселъ декабря дѣло уладилось.

Аделина была не красавица, но въ неопределенномъ выражении глазъ и въ улыбкѣ ея (особенное преимущество француженокъ) было много прелести. Она была хорошаго роста, имѣла талию прекрасную, одѣвалась со вкусомъ, а въ приемахъ и обращеніи ея было много достоинства. Ей было тогда около 22 лѣтъ, она жила съ малолѣтнею дочерью и матерью. Я перебѣхалъ въ гue de Provence № 22 и скоро послѣ того приладился такъ, что постоянно обѣдалъ у Аделины, склонность къ которой не измѣнялась.

По утрамъ обыкновенно я занимался испанскимъ языкомъ, писалъ письма и пр., потомъ прогуливался, навѣщалъ знакомыхъ, послѣ чего обѣдалъ у Аделины. Послѣ обѣда бывали мы въ театрѣ или же я оставался у нея; тоили каминъ и мы играли въ маленькую игру въ карты съ матерью ея и братьями.

Аделина продолжала упражняться въ драматическомъ искусствѣ и довольно успѣшно дебютировала въ театрѣ *Montmartre*. Я иногда училъ ее пѣнію; но наши занятія шли плохо, хотя она прежде того училась музикѣ у хорошаго *maestro*. Когда Аделина дебютировала въ театрѣ *des Variétés*, я былъ въ одной изъ ложъ театра вмѣстѣ съ ея матерью и братьями. Отъ робости ли или такъ, по привычкѣ, она пѣла такъ невѣрно, что сосѣди наши поминутно восклицали: «Ah mon Dieu, qu'est ce

*) Кукольникъ поправилъ: «сдѣлать глупость», съ такимъ комментариемъ: «ты, братъ, не глупъ, а глупость сдѣлать можетъ и мудрецъ».

qu'elle a donc cette femme!» Мы краснѣли, но дѣлать было нечего.

Зимою приѣхало много моихъ знакомыхъ соотечественниковъ. Между ними князь Василій Петр. Голицынъ (тотъ, у которого я живалъ на Черной рѣчкѣ). Онъ и другіе пріятели и русскія барыни уговорили меня познакомить Парижъ съ моей музыкой, и я по глупости *) согласился на то. Souza, у которого я бывалъ часто, узнавъ объ этомъ намѣреніи, предложилъ мнѣ свои услуги. Онъ познакомилъ меня съ Гекторомъ Берліозомъ, который въ то время помышлялъ о путешествіи въ Россію, надѣясь на обильную жатву не однихъ рукоплесканій, но и денегъ. Онъ обошелся со мною чрезвычайно ласково (чего не добьешься отъ большой части парижскихъ артистовъ, которые невыносимо надменны); я посѣщалъ его раза по три въ недѣлю, откровенно бесѣдую съ нимъ о музыкѣ и особенно объ его сочиненіяхъ, кои мнѣ нравились въ особенности въ фантастическомъ родѣ, какъ-то: Scherzo la reine Mabe изъ Ромео и Юліи, la marche des Pelerins изъ Harold, Dies irae и Tuba timent spargens sonum изъ его Requiem.

Я часто бывалъ у Souza; однажды я засталъ у него испанца лѣтъ 50-ти, по имени Don Santiago. Souza отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ и расторопномъ. Получивъ позволеніе отъ матушки ѣхать въ Испанію, я попросилъ Don Santiago сопутствовать мнѣ, до времени же нашего отѣзда онъ состоялъ у меня въ качествѣ мажордома, живя особо; я платилъ ему за то 100 франковъ въ мѣсяцъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Берліозъ далъ два концерта въ циркѣ на Елисейскихъ поляхъ. Ему понравилась моя Лезгинка, которую я передѣмалъ на одинъ оркестръ. Сверхъ того, я съ Берліозомъ попросили г-жу Соловьеву (урожденную Verteuil, вышедшую замужъ за г-на Melchior), находившуюся тогда въ Парижѣ, спѣть каватину изъ оперы Жизнь за Царя. Въ полѣ чистое гляжу, на что она охотно согласилась.

Попали репетиціи—тогда убѣдился я, что французы не могутъ похвалиться вниманіемъ и любятъ поболтать съ сосѣдями. Подмѣтилъ также, что иногда, особенно въ трудныхъ пассажахъ, прибѣгаютъ къ табакеркамъ и носовымъ платкамъ.

Въ этой невнимательности не менѣе того я убѣдился и въ

одномъ изъ концертовъ парижскаго консерваторія. Играли 6-ую симфонію Бетховена (*Symphonie pastorale*), исполненіе было превѣчурное, такъ что я симфоніи Бетховена не узналъ и тогда же сказалъ: «on m'a escamoté la symphonie». Кромѣ того духовые иногда срывались, въ особенности волторны и кларнеты. Во время концерта Берліоза въ циркѣ Лезгинка моя не произвела желанного успѣха, ибо большая часть эффектовъ были разсчитаны мною на игру между двумя оркестрами, однимъ на сценѣ, состоявшимъ изъ духовыхъ, а другимъ ниже сцены (въ оркестрѣ), гдѣ преобладаютъ смычковые инструменты. У Берліоза всѣхъ музыкантовъ было до 150—следственно они были растянуты, отчего слушатель не могъ обнять цѣлаго, а до него доходили только звуки тѣхъ инструментовъ, которые находились поближе.

Соловьева струсила, запнулась и растерялась; я же дала знакъ, чтобы начали сначала; услышавъ ритурнельку, Соловьева оправилась и хорошо пропѣла арию. Несмотря на это, ария также не произвела эффекта. Между прочимъ въ журналѣ *Chariari* сказано было объ этой каватинѣ, что въ ней слышна безпрестанно одна и та же нота (*on entend toujours la même note*). Тогда я очень негодовалъ на это, но теперь вижу, что критикъ совершенно правъ: въ *Allegro* каватины «Тамъ за рѣчкой во солодокѣ», слишкомъ часто и рѣзко обозначается квинтъ главнаго тона, что очень національно, но утомительно единообразно.

Наступило время приготовленій къ концерту. Хлопотъ было множество; желая угодить на всѣ вкусы, я хотѣла, кроме пьесъ своего сочиненія, пригласить и другихъ артистовъ, изъ коихъ нѣкоторые и согласились принять участіе. Вышла афишка самая пестрая. Тутъ была и увертюра «Семирамиды» Россини, и варьяціи на русскія темы, исполненная на скрипкѣ Гауманомъ, и еще какая-то пьеса для скрипки, имъ же исполненная; котлетныйшиимъ образомъ—играть двѣ пьесы собственнаго изданія моіи шансони Леопольдъ Мейеръ. Изъ моей музыки исполнили Краковъякъ изъ «Жизни за Царя», Маршъ Черномора и вальсъ (*valse Fantaisie H-moll*), названный *Scherzo*. Соловьева должна была исполнить каватину Людмилы и «Сомнѣніе»; но она занемогла и ее замѣнилъ очень оправтный теноръ *Marras*, который спѣлъ итальянскій мой романсь: *il desiderio (ah se*

tu fossi mio) и una furtiva lagrima изъ *Elisir d'amore*
Доницетти.

Концертъ этотъ произведенъ былъ въ залѣ Герца въ апрѣль мѣсяцѣ (числа не упомню). Расходы были значительные и я занялъ 1500 фр. у князя Василія Петр. Голицына. Хотя концертъ этотъ данъ былъ въ пользу какого-то общества, но расходы были велики и впослѣдствіи мнѣ довелось заплатить к. Голицыну взятые у него въ заемъ деньги. Несмотря на это, во время концерта залъ былъ полонъ. Русскія дамы какъ будто сговорились украсть концертъ соотечественника; они явились въ великолѣпномъ убранствѣ, такъ что въ одномъ изъ журналовъ сказано было, говоря о моемъ концерте: *que c'estait un parterre de fleurs.*

Аделина сидѣла въ 3-мъ ряду и, когда я приходилъ на сцену, чтобы аккомпанировать пѣвцу Маррасъ, она краснѣла отъ участія.

Естественно, что парижской публикѣ нельзя было познакомиться съ моимъ музыкальнымъ талантомъ по немногимъ пьесамъ и къ тому не самымъ лучшимъ моего сочиненія, даннымъ въ концертѣ моемъ. Несмотря на это, я имѣлъ успѣхъ (*succès d'estime*). Во многихъ журналахъ писали обо мнѣ: редакторъ *Revue Britannique* написалъ обо мнѣ чрезвычайно милую статью, писалъ также Maurice Bourge и наконецъ Берліозъ написалъ огромную статью съ краткой біографіей моей подъ названіемъ *Michel Glinka* въ фельетонѣ *Journal des Débats*. Мельгуновъ доставилъ Берліозу нужныя свѣдѣнія для этой статьи. Она мною утрачена; желающіе прочесть могутъ ее отыскать въ фельетонѣ *Journal des Débats* въ апрѣль или маѣ 1845 г.*)

Я часто навѣщалъ Берліоза, его бесѣда была весьма занимательна, онъ говорилъ остро и даже зло (*mordant*); по возможности я содѣйствовалъ успѣшному его путешествію въ Россію.

ПЕРИОДЪ XII.

Путешествіе въ Испанію, пребываніе въ Испаніи и возвращеніе въ Россію.

1845 г. въ половинѣ мая по нашему стилю, я отправился въ Испанію съ Don Santiago и его девятымъ лѣтнею дочкою по

*) Статья эта напечатана въ *Journal des Débats* отъ 16 апрѣля 1845. Другія статьи, упоминаемыя Глинкою, помѣщены: въ *Revue britannique* (т. 26, р. 459), въ *Illustration* (26 апрѣля), въ *Le monde musicale* (17 апрѣля), въ *Gazette musicale* (20 апрѣля) и др.

имени Rosario*). Пообѣдавъ у Аделины, я распостился съ нею съ слезами и въ нанятой коляскѣ отправился на желѣзную Орлеанскую дорогу. Изъ Орлеана на почтовыхъ въ З-ое сутокъ примчались мы въ По, гдѣ остались нѣсколько дней. Во время пути затерялся мой паспортъ. Don Santiago потерялъ голову, но я никакъ не хотѣлъ отстать отъ своего намѣренія быть въ Испаніи. Обратились мы съ Santiago къ меру тамошняго департамента; письма писанныя ко мнѣ, печать моя, статья Берліоза и наконецъ свидѣтельство случайно находившагося въ По актера, бывшаго въ Россіи, послужили основаніемъ для выдачи мнѣ временнаго паспорта. Въ то самое время, когда мнѣ начали изготавлять паспортъ и я уже заплатилъ по тамошнему узаконенію 10 фр. пошлины, вслѣдствіе сдѣланной Don Santiago публикації, мой паспортъ отыскался. Не медля, мы отправились изъ По въ дилижансѣ въ пограничной городокъ St. Jean pied de port, доѣхали до пограничной деревеньки, а оттуда дошли пѣшкомъ до испанской таможни Val carlos.

Я вступилъ въ Испанію 20 мая, въ самый день моего рожденія и былъ въ совершенномъ восторгѣ. Черезъ Пиренеиѣхали мы на трехъ мулахъ, навьюченныхъ нашими вещами. Первую ночь провели въ Ronces valles, на другой день буря и гроза настигла насъ верстахъ въ 6-ти отъ Памплоны, куда мы прибыли въ слѣдующій день по утру. Видъ Пиреней въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нихъ проѣзжали, не столь живописенъ, какъ швейцарскіе Альпы. Въ Памплонѣ я видѣлъ въ первый разъ испанскую пляску, второстепенными артистами исполненную. Изъ Памплоны въ дилижансѣ отправились мы въ Vittoria, оттуда перебѣхавъ Ебро въ Miranda de Ebro, очутились мы въ ущеліи Рансонго, это ущеліе носитъ чисто африканскій характеръ. Въ Бургосѣ осмотрѣли мы соборъ. Прибывъ въ Вальядолидь, гдѣ рѣшились провести лѣто, мы поселились у сестры Don Santiago. Мнѣ отвели двѣ опрятныя комнаты. Я началъ продолжать изученіе испанскаго языка и въ короткое время началъ говорить свободно по-испански. Завелся лошадью и съ зятемъ Don Santiagoѣздилъ ежедневно верхомъ по окрестностямъ Вальядолида, которая не дурна. Возлѣ самого города

*) Notre-Dame du rosaire.

место, называемое *Espolon viejo*, очень живописно; вдоль рѣки *Pisuerga* тянется роща изъ серебристыхъ тополей. На горахъ (*collines*), окружающихъ Вальядолидь, вершины совершенно плоски (*páramos*) и покрыты ароматическими травами и растеніями, какъ-то: шалфеемъ, лавандой, *tomino* и пр.

По вечерамъ собирались у насъ сосѣди,сосѣдки и знакомые; пѣли, плясали и бесѣдовали. Между знакомыми сынъ одного тамошняго негоціанта, по имени *Felix Castilla*, бойко игралъ на гитарѣ, въ особенности арагонскую хоту, которую съ его вариаціями я удерживалъ въ памяти и потомъ въ Мадридѣ въ сентябрѣ или октябрѣ того же года сдѣлалъ изъ нихъ пьесу подъ именемъ *Carrigcio brillante*, которое впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ испанской увертюрой.

Въ августѣ я съ семействомъ *Don Santiago* отправился въ Сеговію, городъ примѣчательный по древнему водопроводу (*aqua duc*) и по дворцу *Alcazar*, въ которомъ кромѣ наружнаго вида примѣчательны плафоны. *Alcazar* служилъ прежде тюрьмою для государственныхъ преступниковъ, теперь же обращенъ въ артиллерійское училище. Возвратясь въ Вальядолидь, мы прошли тамъ не долго. Въ первой половинѣ сентября отправились въ Мадридъ. Были мы также въ *S. Ildefonso* или *La granja*, видѣли тамъ садъ, оранжерей и въ особенности фонтаны, кои превосходны и вода кристально-чистая. Общаго же вида, какъ въ Петергофѣ, нѣть, а бываютъ фонтаны одинъ за другимъ.

Don Santiago взялъ съ собою дочку *Rosario* и племянницу *Mariquita*.

Нѣсколько дней послѣ приѣзда въ Мадридъ наняли мы маленькую, но уютную квартиру, купили опрятную мебель и поселились такъ, что и мнѣ и семейству *Don Santiago* было не дурно.

Квартира эта находилась въ самомъ центрѣ города, называемомъ *Puerta del sol*; это маленькая площадка, къ которой примыкаютъ 6 главныхъ улицъ.

Мадридъ съ первого раза мнѣ не понравился; узнавъ его впослѣдствіи я вѣрнѣе оцѣнилъ его. По прежнему я продолжалъ изучать испанскій языкъ и испанскую музыку. Для достижени¤ этой цѣли я началъ посѣщать драматический театръ *del Principe*, на которомъ *Romea* и жена его *Mathilde*

превосходно исполняли первыя роли въ трагическомъ и комическомъ родѣ. Давали даже иногда драмы классическихъ авторовъ. Вскорѣ по приѣздѣ въ Мадридъ я принялъ за Хоту. Потомъ, окончивъ ее, внимательно изучалъ испанскую музыку, а именно напѣвы простолюдиновъ. Хаживаль во мнѣ одинъ *Zagal* (шогонщикъ муловъ при дилижансѣ *), пѣль народная пѣсни, которая я старался уловить и положить на ноты. Дѣвь *Seguidillas manchega* (*airs de la mancha*) мнѣ особенно понравились и впослѣдствіи послужили мнѣ для второй испанской увертюры. Пользуясь пріятною осеннюю погодою, мы вдвоемъ съ *Don Santiago* отправились въ Аганжуэз, гдѣ меня поразили аллеи изъ огромнѣйшихъ платановъ и пирамидальныхъ тополей, понравился мнѣ также маленький дворецъ (*casa del labrador*). Въ большомъ же дворцѣ фарфоровая и зеркальная залы произвели на меня не столько пріятныя впечатлѣнія.

Толедо едава ли не самый живописный городъ въ Испаніи, онъ весь почти сохранился, какъ былъ въ среднихъ вѣкахъ. Кромѣ собора (гдѣ я игралъ на органѣ) и другихъ архитектурныхъ монументовъ, самое мѣстоположеніе города весьма живописно.

Мы съ *Don Santiago* навѣстили также Escorial, который также въ первый разъ мнѣ не понравился.

Я усердно осматривалъ главныя примѣчательности Мадрида. Былъ на травлѣ быковъ; первое впечатлѣніе было какое-то дико-стрданное, но потомъ я привыкъ и впослѣдствіи находилъ замѣтность въ этой кровавой драмѣ, гдѣ каждый участвующій находится въ безпрерывной опасности.

Музей, т.-е. картинную галлерею посѣтилъ я съ талантливымъ русскимъ архитекторомъ Бейне. Онъ путешествовалъ по Испаніи съ молодымъ англичаниномъ, также архитекторомъ. Бейне однажды въ бенефисѣ тенора *Guasco* затаскилъ меня въ театръ *de la Cruz*, гдѣ давали на мое горе *Ernani—Verdi*, и насилино продержалъ меня во все время представленія.

Въ театрѣ *Circo* давали балеты. Тамъ танцовщица *Gu i Stefani* отлично (хотя вычурно) танцевала *Ole* и *Jaleo de Xeres* (Халео де-хересъ); музыка этой послѣдней пляски,

*) Испанскій дилижансъ отлично описанъ А. Дюма въ письмахъ его de Paris à Cadix.
М. И. Глинка.

хотя сочиненная дирижёромъ балетнаго оркестра (Скордополемъ, чехомъ), мнѣ понравилась и я сохранилъ ее въ памяти.

Gui-Stefani превосходно танцевала также Seguidillas manchegas въ костюмѣ испанскаго студента.

Послѣднюю часть осени я жилъ домосѣдомъ. Знакомая племянница Don Santiago, Ramona Gonsales, довольно миловидная девушка, часто бывала у насъ и я за ней волочился. Она познакомила меня съ молодымъ человѣкомъ Don Jos  Alvarez, игравшимъ хорошо на флейтѣ и страстно любившимъ музыку.

Я сдѣлалъ въ Мадридѣ нѣсколько знакомствъ; упомяну теперь о перчаточномъ фабриканѣ Lafin, который поселился въ Мадридѣ. Сестра его madame Genissieux, у которой я постоянно покупалъ перчатки въ Парижѣ, дала мнѣ къ нему письмо. Письма рекомендательныя чрезвычайно уважаются въ Испаніи. Lafin во все время пребыванія моего въ Испаніи не переставалъ оказывать мнѣ услуги и ему я обязанъ многими пріятными минутами.

Въ концѣ ноября я съ семействомъ Don Santiago отправился въ Гранаду. Въ Мадридѣ было холодно, а во все время пути до самой Sierra тогда шелъ дождь. Самую живописную часть горъ, известныхъ подъ названіемъ Despina perros, проѣхали мы ночью. Когда мы достигли вершины хребта въ Santa Elena, мы были уже въ Андалузіи. Въ концѣ ноября тамъ было нѣсколько свѣжо, трава была совершенно зелена и вѣчно зеленые дубы заставляли забывать, что мы были въ зимнее время. По мѣрѣ того какъ мы спускались съ Sierra тогда, климатъ чувствительно становился мягче, а видъ природы пріятнѣе и вскорѣ мы были со всѣхъ сторонъ окружены оливковыми рощами; кое-гдѣ мелькали агавы, которыхъ тамъ употребляютъ, чтобы огораживать участки земель.

Въ Carolina (швейцарской колоніи, основанной Карломъ III), мы отлично позавтракали, ночью приѣхали въ Jaen (Хаэнъ), гдѣ настъ накормили плохо. Ночью и на другой день мыѣхали чрезъ пустынныя живописныя горы, потомъ вѣхали въ узкую долину, которая примыкала къ большой долинѣ называемой Vega di Granada.

Мы остановились въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, гдѣ

квартира намъ уже была приготовлена докторомъ Jedor, къ которому знакомые Don Santiago писали изъ Мадрида. Вскорѣ по приѣздѣ нашемъ въ Гранаду явился къ намъ по рекоменданіи мадридскаго перчаточнаго фабриканта Lafin нѣсколько пожилой, но еще очень бодрый человѣкъ Don Francisco Виепо у Могено. Онъ сначала былъ контрабандистъ, но нажилъ состояніе и рѣшился сдѣлаться честнымъ гражданиномъ. Онъ завелъ перчаточную фабрику и сверхъ того торговалъ кожами.

На другой или третій день онъ познакомилъ меня съ лучшимъ гитаристомъ въ Гранадѣ по имени Murciano. Этотъ Murciano былъ простой и безграмотный человѣкъ, онъ торговалъ виномъ въ собственномъ шинѣ. Игралъ же необыкновенно ловко и отчетливо; варьациіи на національный тамошній танецъ Fandango, имъ сочиненные и сыномъ его положенные на ноты, свидѣтельствовали о его музыкальномъ дарованіи.

Пробывъ нѣсколько дней въ гостиницѣ, мы перѣѣхали на квартиру; но она оказалась слишкомъ неудобною. Между тѣмъ мы узнали, что недалеко отъ Алгамбры можно на горѣ найти опрятный домикъ съ садикомъ и я рѣшился жить, такъ сказать, на дачѣ.

За 50 р. асс. въ мѣсяцъ мы наняли опрятный двухъ-этажный домикъ съ бельведеромъ; въ саду, расположенному террасами, было нѣсколько маленькихъ фонтановъ и бассейнъ въ видѣ огромной ванны. Были плодоносныя деревья, огромное апельсинное дерево и цвѣты въ продолженіи всей зимы, которая съ 1845 на 1846 г. была такъ хороша и тепла, что, за исключеніемъ трехъ недѣль, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ мы ежедневно обѣдали въ саду и не рѣдко въ лѣтнихъ сюртукахъ. Don Santiago завелъ гусей, утокъ и другихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ во время обѣда приходили къ намъ и болѣ изъ рукъ нашихъ.

Не стану описывать Града-Алембру—все это уже известно.

По вечерамъ я спускался въ городъ, гдѣ проводилъ время пріятно у знакомыхъ Don Francisco. Щѣли, плясали и забавлялись различнымъ образомъ. Don Francisco познакомилъ меня съ барынями, гдѣ я завелъ пропажу или пристанище. Приѣхали Бейне съ Робинсономъ (если не ошибаюсь), англичаниномъ. Мы весело проводили время въ пропажѣ. Я ходилъ въ Алгамбу,

когда они рисовали, а они, въ свою очередь, навѣщали меня, а иногда завтракали и обѣдали у меня.

Don Francisco, по моему желанію, отыскалъ миловидную Андалузку, которая славилась пѣніемъ народныхъ пѣсень. Ей было лѣтъ 20; она была небольшого роста, интересной физіономіи, сложенія крѣпкаго. Ножка же ея была дѣтская, голось очень пріятный.

Не безъ хлопотъ и опасностей поладилъ я съ нею; наконецъ рѣшился вывезти ее въ Мадридъ, что также обошлось не безъ затрудненій. Во время пребыванія моего въ Гранадѣ, съ помощью Don Francisco виепо у того, также съ содѣстіемъ Murciano и его сына я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бывшихъ въ то время праздниковъ и домашнихъ увеселеній и обычаевъ. По ночамъ они мнѣ сопутствовали, потому что въ Гранадѣ въ то время было не совсѣмъ безопасно.

Встрѣтивъ однажды миловидную цыганку (Gitana), я спросилъ у нея, умѣеть ли она пѣть и плясать? Я получилъ утвердительный отвѣтъ и вслѣдствіе такового пригласилъ къ себѣ цыганку съ товарищами на вечеръ. Распоряжался Murciano, онъ же игралъ на гитарѣ. Плясали двѣ молодыя цыганки и старый смуглый цыганъ, похожій на африканца—онъ плясалъ ловко, но слишкомъ непристойно.

Пробовалъ я самъ учиться танцевать у тамошняго танцовщика Pello; ноги повиновались, но съ кастаньетками я не могъ справиться.

Путешествіе изъ Гранады въ Мадридъ всегда останется въ памяти моей. Don Santiago съ семействомъ отправился особо, я же въ половинѣ марта съ Dolores Garcia, моей пѣвуньей, побѣхали въ галерѣ. Этотъ экипажъ не даромъ названъ галерой; онъ въ родѣ большой жидаовской фуры съ навѣсомъ, не помню, изъ кожи или холста; онъ весь наваленъ клажей, сверху которой полагаются матрацы пассажировъ, на которыхъ они сидѣть другъ противъ друга. Тѣснота такая, что нельзя пошевельнуться; противъ меня сидѣла огромная тучная баба, отъ которой въ короткое время ноги мои почувствовали невыносимую пытку. Бѣхали шагомъ по 4 версты въ часъ, останавливались два раза въ сутки по 3 или 4 часа; бѣхали или правильнѣе тащились по 7 и 8 часовъ безостановочно.

Я значительную часть пути прошелъ пѣшкомъ. По приѣздѣ въ Мадридъ вскорѣ отыскалась также самая квартира, которую мы прежде занимали съ Don Santiago, а въ ней поселился съ Лолей (сокращеніе слова Dolores). Трудно мнѣ было съ моей подругой первое время; она часто бывала со мной у своихъ пріятельницъ гранадинокъ и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ ее сбивали съ толку. Къ счастію всѣ онѣ выѣхали изъ Мадрида, тогда Лоля видимо измѣнилась и послѣднее время мы жили съ нею душа въ душу. Несмотря на это однажды я видѣлъ ясно, что изъ нея артистки никогда не выйдетъ и потому рѣшился отправить ее обратно къ матери, что и исполнилъ въ іюлѣ 1846 г.

Въ маѣ того же года Don Jos  Alvarez познакомилъ меня съ землякомъ своимъ Don Pedro Fernandes, который приѣхалъ изъ Паленсіи для усовершенствованія себя въ музыкѣ. Don Pedro изрѣдка навѣщалъ меня, когда еще была со мною Лоля. Когда же она уѣхала и онѣ замѣтили, что я грустилъ, онѣ сталь ежедневно навѣщать меня и сопутствовалъ мнѣ въ моихъ прогулкахъ; преимущественно ходили мы гулять въ Retiro (Retraite), королевскій садъ. Въ концѣ іюня я съ Don Santiago отправился въ La Granja *) и Сеговію; я желалъ тамъ остаться на лѣто, но это оказалось неудобнымъ.

По возвращеніи въ Мадридъ я написалъ Don Pedro: онъ пришелъ ко мнѣ и узнавъ, что я желалъ поселиться вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами, совѣстился, говоря, что они живутъ скучно. Я же настоялъ на своемъ и тотчасъ перѣхалъ къ доктору Don Pedro, который отдавалъ комнатки со столомъ и прислугою студентамъ и молодымъ чиновникамъ.

Всѣ они милые и образованные люди. Don Pedro твердилъ этюды Крамера подъ моимъ руководствомъ. Съ хозяиномъ нашимъ, другимъ Don Pedro, я читалъ Кальдерона, но не съ большими успѣхомъ; языкъ автора казался мнѣ очень труднымъ.

Музеумъ я знать наизусть; послѣ обѣда я вмѣстѣ съ товарищами ходилъ въ Прадо, по вечерамъ къ намъ собирались знакомые и сидѣли долго за полночь; до утренней зари я не рѣдко хаживалъ гулять за городъ; возвращаясь около 8 часовъ утра, пилъ чай и ложился спать.

*) Въ копіи: «La Granja по-русски Ля-Гранха».

Въ августѣ я отправился въ Ескоріаль, а чтобы не скучать тамъ, пригласилъ съ собою молодую, рослую и красивую Толеданку по имени Зефирина (Céfirina) съ спутницей. Несмотря на то, что дамы иногдассорились, я пріятно провелъ время въ Ескоріалѣ. Во время каникулъ тамъ мы дышали чистымъ, свѣжимъ воздухомъ; прогулки пѣшкомъ и на ослахъ, театръ, а болѣе всего сокровища искусства, заключающіяся въ монастырѣ, очень пріятно занимали насъ во время нашего тамъ пребыванія.

Вскорѣ по возвращеніи въ Мадридъ, мы съ Don Pedro получили приглашеніе отъ старшаго брата Don José Alvarez навѣстить его въ Мурсіи, гдѣ въ сентябрѣ бываетъ ярмарка и затѣвался дѣтскій театръ.

Выѣхавъ изъ Мадрида въ послѣдніхъ числахъ августа, на другой день въ дилижансѣ мы прибыли въ Albacete, оттуда мы наняли тартану (экипажъ на двухъ колесахъ, безъ рессоръ, съ навѣсомъ изъ холста) съ одной мулою и извощикомъ. Мы тащились медленно: первую ночь провели въ городкѣ Hellin (Елинъ), вторую въ Cieza, гдѣ уже появились пальмы. На третій день, вскорѣ по выѣздѣ изъ Cieza, одинъ контрабандистъ попросилъ насъ довезти дѣвочку лѣтъ 10, до половины пути, на что мы согласились и хорошо сдѣлали. Мурсія страна очень живописная, но дороги въ то время были хуже нашихъ проселочныхъ, а такъ какъ долгое время шли проливные дожди, то дорога значительно испортилась. Въ одномъ мѣстѣ, не добѣзжая Molina, накопилось воды въ болотномъ мѣстѣ столько, что тамъ вязли фуры съ товарами. Контрабандистъ нашъ былъ изъ Molina, онъ зналъ мѣстность; осмотрѣвъ хорошенъко и выбравъ лучшее для переправы мѣсто, перенесъ насъ черезъ воду на своихъ плечахъ, а потомъ помогъ извощику перетащить тартану.

Пообѣдавъ въ Molina мы продолжали путь, и вечеромъ того же дня прибыли въ Мурсію.

Don José Alvarez уже велѣлъ приготовить намъ квартиру у одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. У насъ была огромная зала и по спальнѣ у каждого. Нашелся фортецьянъ, а такъ какъ чиновникъ, у котораго мы жили, былъ человѣкъ семейный, то были у него дочери, родственницы, а къ нимъ приходили ихъ знакомые. У насъ въ залѣ образовались сходки,

каждый вечеръ пѣли, играли на гитарѣ и плясали. Иногда плясали и въ наше отсутствіе. Не менѣе пріятно проводили мы время въ семействѣ Don José Alvarez, съ нимъ єздили почти ежедневно въ большой тартанѣ по окрестностямъ. Близлежащія горы и Monte agudo красивой формы, покрытая кактусами, весьма живописна.

Мурсіа славится долиною (*huerta*); она имѣеть до 3-хъ или четырехъ верстъ въ ширину и до 60 или болѣе въ длину. Главное произведение—шелковичное дерево; кое-гдѣ группы финиковыхъ пальмъ, кои растутъ превосходно, лимонные деревья и другія фруктовыя; по долинѣ разсыпаны живописныя хижины. Яркая зелень составляетъ пріятную противоположность съ близлежащими горами изъ розового гранита.

Дѣтскій театръ состоялъ въ томъ, что готовилась для поѣхіи родителей «Норма» Белліни, долженствовавшая быть исполнена дѣтьми. Мы были на пробѣ, и дѣйствительно дѣти пѣли не дурно, а Норма 11-ти лѣтъ пѣла хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но съ увлеченіемъ и превосходно играла. Во время ярмарки многія барыни и барышни носили живописныя національныя платья. Тамошніе цыгане красивѣ и богаче, нежели въ Гранадѣ—они три раза плясали для насъ; одна 9-ти-лѣтняя цыганка плясала особенно хорошо.

1-го октября мы отправились изъ Мурсіи обратно въ Мадридъ въ тартанѣ, запряженной огромной мулою. Заѣхали въ Orihuela, потомъ Elche, окруженный пальмовыми рощами; оттуда чрезъ Aspe, Novelda, Elda Villina въ Almansa. Эти мѣста принадлежать королевству Валенціи (*regno di Valencia*) и очень живописно разнообразны.

Тартана меня измучила и я хотѣлъ отпустить извоница съ мулою; но не могъ найти удобнаго мѣста въ дилижансѣ, потому что со всѣхъ сторонъ Испаніи публика стремилась въ Мадридъ по случаю бракосочетанія королевы и сестры ея. Надлежало продолжать путь въ тартанѣ; измученный я доѣхалъ въ Мадридъ въ время. Тамъ поселились мы у одной андалузки изъ Севильи; она была женщина пожилая, но ласковая и привѣтливая, у ней была миловидная дочка лѣтъ 19 и сынъ лѣтъ 20. Кромѣ насъ былъ еще жилецъ, адвокатъ изъ Тарифа.

Мы видѣли празднества по случаю бракосочетанія коро-

левы и сестры ея, а именно: поѣздъ изъ дворца въ Аточу (монастырь), гдѣ происходило вѣнчаніе и куда намъ попасть было невозможно; танцы на площадахъ на устроенныхъ для того подмосткахъ; травлю быковъ на plaza mayor; наконецъ фейерверкъ и иллюминированный Prado разноцвѣтными шкаликами.

Осень была холодная и въ ноябрѣ я перебѣхалъ въ *Parador de las diligencias* въ улицу Alcolà, оттуда въ концѣ того же ноября отправился я съ Don Pedro въ Севилью. Мы остались въ Кордовѣ слишкомъ сутки, осмотрѣли Мескиту, обращенную въ *Catedral* и сдѣлали нѣсколько знакомствъ; отъ одного изъ нихъ получили рекомендательное письмо въ Севилью. Прибывъ въ Севилью, мы сперва пристали въ *Fonda de Europa*, потомъ попробовали жить въ *casa de huéspedes* (*en pension*), что однажды оказалось неудобнымъ и мы со временемъ начали цѣлый домикъ для насъ однихъ въ *Calle de la gravetta*.

Вскорѣ по приѣзду нашлись старые знакомые Don Pedro и мы, по рекомендательному письму и по слухаю, приобрѣли нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Сейчасъ доставили намъ случай видѣть пляску, исполненную лучшими танцовщицами. Между ними Анита была необыкновенно хороша и увлекательна, въ особенности въ цыганскихъ танцахъ, равно какъ и въ *Olé*. Мы пріятно провели зиму съ 1846 на 1847 г., посѣщали танцевальные вечера у Феликса и Мигеля, гдѣ во время танцевъ лучшие тамошние национальные пѣвцы заливались въ восточномъ родѣ, между тѣмъ танцовщицы ловко выплясывали и казалось, что слышались 3 разныхъ ритма: пѣніе шло само по себѣ, гитара отдельно, а танцовщица ударяла въ ладоши и пристукивала ногой, казалось, совсѣмъ отдельно отъ музыки.

Знаменитый, хотя устарѣвшій национальный пѣвецъ, *Pla-neta* былъ и пѣль у насъ; его же племянникъ Lasaro бывалъ у насъ часто. Почти каждый вечеръ собирались у насъ знакомые и барышни. Одна мнѣ приглянулась и я попробовалъ-было съ нею то, что называются въ Севильи *pelar la rava* (бесѣдовать по ночамъ чрезъ рѣшотку окна), но безъ успѣха; я вознаграждалъ неудачи съ неутѣшной вдовой изъ Кордовы.

Весною я завелъ птицъ; ихъ было до четырнадцати; они летали въ нарочно отведенной имъ комнатѣ.

Вдоль Гвадалевивира отъ дворца *Sant Elmo*, тянутся сады

апельсинные; въ февралѣ, когда плоды созреваютъ, видъ пре-
восходный; впрочемъ эти тонкокожіе апельсины и чрезвычайно
вкусны. Весною приѣхалъ въ Севилью извѣстный скрипачъ
Олебуль; онъ дѣйствительно игралъ сильно и чрезвычайно от-
четливо; но какъ большая часть виртуозовъ, не слишкомъ былъ
силенъ въ музыѣ. Онъ пробылъ въ Севильи около шести не-
дѣль; я съ нимъ сблизился до нѣкоторой степени и онъ часто
бывалъ у меня.

Весною же Don Pedro и еще другой пріятель Pere Alebes
(labrador) устроили вечеръ съ цыганками, которая хотя были
безобразны, но плясали отлично.

Въ началѣ мая мы выѣхали изъ Севильи съ сожалѣніемъ.
Пріятели были очень огорчены нашимъ отѣзломъ, кухарка
наша, старушка 55 лѣтъ, добрая Mariquita разсталась съ
нами со слезами. Время было жаркое; первые перегони часто,
по бокамъ дороги, мелькали ряды agaves; многія изъ нихъ
должны были цвѣсти въ теченіи лѣта и уже видны были зеленые
штамбы въ сажень и болѣе.

Въ Мадридѣ мы поселились въ *Parador de las diligencias*.
Пробывъ тамъ недѣли три, отправились мы въ обратный путь.

Межу знакомыми въ Мадридѣ упомяну я о фортепьянистѣ
Маріи Кристины Don Juan Guelbenza, его пріятель Zabal-
burgi и его ученицѣ Sofia Vela; она владѣла отличнымъ контро-
альто и была весьма хорошая музыкантша.

Мы пробыли нѣсколько дней въ Zaragoza, оттуда чрезъ
Tudela въ Пампелону. Переѣхавъ чрезъ Пиренеи на лошадяхъ
верхомъ, мы на По и Тулузу отправились въ Парижъ, гдѣ про-
были около трехъ недѣль. За нѣсколько дней до нашего отѣ-
зда пришелъ ко мнѣ путей сообщенія полковникъ Комаровъ
съ поклономъ отъ Петра Степанова, который былъ тогда въ
Киссингенѣ и желалъ видѣться со мною.

Мы рѣшилиѣ ѿхать вмѣстѣ и отправились втроемъ въ Кельнъ,
оттуда по Рейну до Бибериха, потомъ во Франкфуртъ, а изъ
Франкfurta въ Киссингенъ. Степановъ мнѣ былъ очень радъ
и сообщилъ мнѣ, что бывшая жена моя (о расторженіи моего
браха съ Марьей Петровной увѣдомили меня въ Севильи) по
смерти Васильчикова получила богатое наслѣдство; это извѣстіе

меня порадовало. Хотя я не любилъ Марью Петровну, но признаюсь, мнѣ бы больно было видѣть ее въ нищетѣ.

Въ бытность мою въ Киссингенѣ въ юлѣ 1847 г., я имѣлъ счастіе представляться государю цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему государю императору Александру Николаевичу, который обошелся со мною очень ласково и представилъ меня супругѣ своей.

Изъ Киссингена отправился я съ Don Pedro въ Регенсбургъ, а оттуда по Дунаю въ Вѣну, гдѣ совѣтникъ нашего посольства, Фонтонъ, и секретарь Убри наскъ угощали радушно. По совѣту Фонтона мы отправились въ Варшаву, гдѣ мы наплы старую карету для путешествія, по распоряженію Фонтона же.

Въ Варшавѣ мы пробыли дней 6, которые я провелъ очень весело, благодаря обязательному расположению Н. А. Новосельского. Предь отѣзломъ я представлялся князю Варшавскому и у него обѣдалъ.

ПЕРИОДЪ XIII.

Пребываніе въ деревнѣ, Смоленскѣ, Варшавѣ и Петербургѣ.

Я съ Don Pedro приѣхалъ въ Новоспасское въ концѣ юля. Младшая сестра моя, Ольга Ивановна, была помолвлена за молодого лейбъ-гвардіи уланскаго полка ротмистра Измайлова.

Матушка была здорова, но видѣла очень плохо; несмотря на то, жилось сначала весело. Собирались ближайшія родственницы и родственники, мы ъздили верхомъ и въ экипажахъ, гуляли и забавлялись.

Я прибылъ въ Новоспасское въ добромъ здоровыи, но скоро началъ чувствовать, что аппетитъ и сонъ начали исчезать. Желая поддержать себя, я для гимнастики началъ маленькимъ топоромъ рубить лишнія липы, коихъ было множество, чтобы дать просторъ дубамъ, вязамъ и другимъ деревьямъ. Нѣть сомнѣнія, что я надсадилъ себя; я началъ чувствовать болѣзненное ощущеніе въ брюхѣ. 1-го сентября у меня сдѣлалось сильное нервное раздраженіе. Несмотря на это, въ началѣ сентября я навѣстилъ ближайшихъ моихъ родственниковъ. На обратномъ пути это нервное раздраженіе желудка усилилось, невыносимо мучительное замирание въ брюхѣ съ страхомъ смерти терзало меня, какъ въ Венеціи въ 1833 году.

Я рѣшился, не дожидалась сватъбы сестры Ольги, отправиться въ Петербургъ и ввѣрить себя доктору Гейденрейху.

Когда изъ Смоленска я уѣзжалъ, снова раздражились нервы и такъ сильно, что я принужденъ былъ возвратиться и по томъ остаться въ Смоленскѣ. Я не могъ быть на сватъбѣ сестры. Въ октябрѣ матушка и новобрачные приѣхали на время въ Смоленскъ. Съ самаго того времени, какъ я рѣшился остаться въ Смоленскѣ, тамошній жандармскій полковникъ Романусъ далъ мнѣ на время свой рояль. Я, въ знакъ признательности, посвятилъ ему двѣ фортепьянныя, въ то время написанныя, пьесы: *Souvenir d'une mazurka* и *la Barcarole*, изданныя впослѣдствіи подъ названіемъ *Привѣтъ отчизнѣ*. Тогда же въ отсутствіе Pedro, оставшись одинъ въ сумерки, я почувствовалъ такую глубочайшую тоску, что рыдая молился умственно и внимпривизировалъ Молитву безъ словъ для фортепьяно, которую посвятилъ Don Pedro. Къ этой молитвѣ подошли слова Лермонтова: Въ минуту жизни трудную.

Мы жили въ домѣ родственниковъ Ушакова и для дочери его я написалъ варьаціи на Шотландскую тему. Для сестры Людмилы романсь *Милочка*, котораго мелодія взята мною изъ Хоты, которую я часто слышалъ въ Вальядолидѣ.

Въ ноябрѣ матушка отправилась въ Петербургъ; сестра Людмила, по искренней своей дружбѣ ко мнѣ, рѣшилась провести со мною въ Смоленскѣ часть зимы. Въ ноябрѣ она, я и Don Pedro перѣѣхали въ домъ Соколова у Никольскихъ воротъ. Мы жили съ сестрой душа въ душу и, несмотря на мои страданія, намъ было хорошо вмѣстѣ.

Я сидѣлъ безвыходно дома; утромъ сочинялъ; кромѣ означенныхъ уже пьесъ написалъ романсь: *Ты скоро меня позабудешь*. Pedro игралъ и твердилъ *Gradus ad Parnassum Clementi*, подъ моимъ руководствомъ. Сестра читала мнѣ по-русски и по-французски, а Pedro по-испански; по вечерамъ приходило нѣсколько знакомыхъ и составлялся кружокъ милыхъ и искренно любившихъ насъ пріятелей. Упомяну о докторѣ Строгоновѣ, лечившемъ меня, и о старомъ пріятель аптекарѣ Мего. Они часто играли съ сестрою въ преферансъ, который забавлялъ меня не рѣдко. Сестра играла скоро, Строгоновъ ловко, а Мего съ неподражаемымъ флегматическимъ тономъ, весьма часто долго,

долго соображалъ, прикупать ли ему или нѣтъ и по большей части послѣ долгаго размышенія оканчивалъ словами: пась.

Кромѣ этихъ постоянныхъ посѣтителей бывали и другіе посѣтители; назову здѣсь родственниковъ мужа сестры Людмилы, Шестаковыхъ, съ коими мы видѣлись не рѣдко. Молодая, миловидная и веселенькая барыньяка, дальняя намъ родственница Е. П. Забѣлла, охотно навѣщала меня.

Наша тихая и домосѣдная жизнь продолжалась до 23 января 1848 г. Дядя зятя моего Измайлова захотѣлъ непремѣнно дать мнѣ обѣдъ, безъ всякаго сомнѣнія для того, чтобы поважничать и выставить себя моимъ покровителемъ. Несмотря на мое сопротивленіе, обѣдъ состоялся. Распорядителями были комендантъ Липарскій и Гольцевъ, дядя Измайлова. Меня встрѣтили въ залѣ дворянскаго смоленскаго собранія смоленскіе сановники, предводитель и главные старшіе чиновники подъ звуки оркестра, игравшаго польскій изъ «Жизни за Царя». За обѣдомъ посадили меня на главное мѣсто между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ. Обѣдъ былъ дѣйствительно великолѣпный. Онъ подробно описанъ полковникомъ Романусомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» того же года *).

Чтобы отблагодарить за честь вслѣдствіе этого обѣда, я былъ вынужденъ отказаться отъ тихой домашней жизни. Всякій день я былъ на балахъ и вечерахъ и неоднократно долженъ былъ потѣшать публику пѣніемъ и игрою на фортепіано. Эта суматошная жизнь еще болѣе раздражила мои нервы, я впалъ въ дикое отчаяніе и упросилъ сестру выпроводить меня въ Варшаву. Сестра увѣдомила матушку о моемъ намѣреніи; когда матушка возвратилась, несмотря на февральскія события въ Парижѣ, я хотѣлъѣхать за границу и подалъ прошеніе о паспортѣ. Въ началѣ марта я отправился въ Варшаву съ Don Pedro и зятемъ моимъ Василіемъ Илларіоновичемъ Шестаковымъ, который по дружбѣ своей взялся мнѣ сопутствовать. Мы приѣхали въ Варшаву благополучно. Братецъ Василій Илларіоновичъ ѣхалъ, мнѣ въ паспортѣ отказали. Однажды, ища квартиры, я и Pedro повстрѣчали князя Паскевича, который ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи казаковъ. Увидя его, я снялъ шляпу, Pedro же,

*) «Сѣверная Пчела» 1848 г. 12 февраля. Четвергъ. № 34.

незнавшій князя, смотрѣлъ на него и остался въ фуражкѣ, что замѣти свѣтлѣйшій наскакалъ на насъ съ бѣшенствомъ и едва не сшибъ меня съ ногъ. Это меня взбѣсило и я, помнится, хотѣлъ уѣхать изъ Варшавы, но какъ-то дѣло обошлось; притомъ же я занемогъ. Бывшій въ то время добрый мой знакомый Кастріото-Скандербегъ, хороший музыкантъ, познакомилъ меня съ докторомъ Морицомъ Вольфомъ, съ которымъ я очень сблизился впослѣдствіи и который постоянно былъ моимъ докторомъ въ Варшавѣ.

Кастріото былъ женатъ на дочери банкира Коньяръ, онъ познакомилъ меня съ семействомъ жены своей. Дѣвица Екатерина М. Коньяръ пѣла съ большими увлеченіемъ и я не рѣдко въ началѣ весны проводилъ у нихъ пріятные вечера.

Мы наняли квартиру на Рымарской улицѣ; половину лишней комнаты отдѣлили перегородкой съ сѣткой, гдѣ завели птицъ. Были соловьи, варакушка, горлохвостка и другія до 16 *).

Хотя весна была ранняя, но недугъ взялъ свое и я оправился, и то несовершенно, въ исходѣ мая.

Между тѣмъ еще весною князь Паскевичъ, узнавъ, что онъ наскакалъ на меня и желая загладить это, нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ и принималъ меня необыкновенно ласково, сажалъ за столомъ подлѣ себя и самъ угождалъ меня виномъ, особенно кахетинскимъ, которое я очень люблю.

По просьбѣ князя я иногда занимался его оркестромъ; онъ былъ не совсѣмъ хороши, но для меня это было все-таки полезно. Я далъ Паленсу капельмейстеру Jaleo (Халео), музыка эта очень нравилась свѣтлѣйшему и онъ приказывалъ часто ее играть въ присутствіи гостей и потому по приказанію князя танецъ Jaleo **) подъ эту музыку поставили на варшавскомъ театрѣ. Для этого же оркестра Паленъ сократилъ Хоту, наинструментовалъ по моему указанію молитву съ тромбономъ obligato и она была не безъ-эффектна. Разучили польскій изъ «Жизни за Царя» съ хоромъ, а также знаменитый хоръ изъ «Ифигенія»

*) Въ копіи рукою Глинки: «юла также, по-французски alouette lulu—милая птичка».

**) На поймѣ рукою Глинки карандашомъ: «Jaleo de Xeres—по-русски Халео де-Хересъ».

въ Тавридѣ Глюка «Les fureurs d'Oreste» *). Такимъ образомъ музыку Глюка въ исполненіи я услышалъ первый разъ въ Варшавѣ и съ тѣхъ поръ началъ изучать его музыку. Тогда же я написалъ изъ 4-хъ испанскихъ мелодій Potpourri на оркестръ, названный мною тогда Recuerdos de Castilla (воспоминаніе о Кастиліи). Оркестръ князя исполнялъ недурно эту пьесу. Неоднократны мои покушенія сдѣлать что-нибудь изъ андалузскихъ мелодій остались безъ всякаго успѣха—большая часть изъ нихъ основана на восточной гаммѣ, вовсе не похожей на нашу.

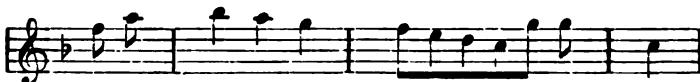
Н. А. Новосельскій, постоянно окружавшій меня вниманіемъ, старался по возможности сдѣлать пріятнымъ для меня пребываніе въ Варшавѣ. По его просьбѣ я началъ учить пѣнію П. Конарскую. Она приходила ко мнѣ три раза въ недѣлю и начала пѣть не дурно; ея голосъ (soprano) былъ пріятенъ, но нѣсколько утомленъ и иногда срывался.

Когда я уже нѣсколько оправился, въ іюнѣ 1848 г. мнѣ притянулась въ одной Каварнѣ (Kawiarnia, café) статная и довольно миловидная девушка по имени Аньеля (Angélique). Я сманилъ ее къ себѣ и она жила у меня въ качествѣ хозяйки. Такъ какъ она была ловка, весела и расторопна, то жилось очень хорошо.

Осеню въ сентябрѣ появилась холера въ Варшавѣ; изъ предосторожности я не выходилъ изъ комнаты тѣмъ болѣе, что мимо нашего дома на Рымарской улицѣ ежедневно провожали много похоронъ. Сидя дома, я принялъ за дѣло, написать романсы: Слышу голосъ твой, слова Лермонтова; Заздравный кубокъ Пушкина, который посвятилъ вдовѣ Клико и Маргериту изъ «Фауста» Гёте, переведенный Губеромъ. Стихи для этихъ романсовъ указалъ мнѣ, бывшій тогда цензоромъ въ Варшавѣ, П. П. Дубровскій. Я познакомился съ нимъ еще въ 1847 году въ проѣздѣ мой чрезъ Варшаву. Въ 1848 г. онъ постоянно наѣзжалъ меня и съ свойственномъ ему услужливостью сопутствовалъ мнѣ часто въ прогулкахъ; очень часто онъ читалъ мнѣ и мы прочли съ нимъ большую часть русскихъ писателей и другихъ авторовъ, въ особенности Шекспира.

*.) Въ коміи рукою Глинки карандашомъ: «Вътъ образцовое произведение!»

Въ то время случайно я нашелъ сближеніе между свадебной пѣсни: «Изъ за горъ, горъ высокихъ горъ»,

Изъ за горъ горъ вы - со - вихъ горъ.

которую я слышалъ и деревенскою и плясовою камаринской, всѣмъ извѣстною. И вдругъ фантазія моя разыгралась и я вмѣсто фортепьяно написалъ эту пьесу на оркестръ подъ именемъ свадебная и плясовая. Могу увѣрити, что я руководствовался при сочиненіи этой пьесы единственно внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ, не думая ни о томъ что происходит на свадьбахъ, какъ гулеть нашъ православный народъ и какъ можетъ запоздалый пьяный стучать въ дверь, чтобы ему отворили. Несмотря на это Ф. М. Толстой (Ростиславъ) на репетиціи Камаринской (какъ я впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевского, назвалъ эту пьесу) самъ говорилъ мнѣ, что онъ, объясняя государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей) Александру Феодоровнѣ мою камаринскую, въ послѣдней части этой пьесы, а именно, гдѣ сперва волторны держать педаль на Fis, а потомъ трубы на С, сказалъ ея величеству, что это мѣсто изображаетъ, какъ пьяный стучится въ дверь избы. Это соображеніе мнѣ кажется пріятельскимъ угощеніемъ, которымъ не разъ потчуютъ въ жизни.

По вечерамъ приходили знакомые, — съ чаемъ подавали гостямъ пуншъ, чтобы согрѣвать желудокъ; я ограничивался теплымъ краснымъ виномъ съ лимонной коркой и сахаромъ; для той же цѣли (т.-е. чтобы согрѣть желудокъ) затѣвались танцы. Аньеля танцевала превосходно, а если нужны были другія пары, то двѣ довольно молодыя польки, кухарка и горничная (młodsza) плясали также. Кроме птицъ, летавшихъ въ ближней комнатѣ за сѣткой, въ залѣ бѣгали два ручныхъ зайца и барабанили иногда по ногамъ гостей.

Это пріятное житѣе продолжалось до конца октября. Аньеля начала важдничать и мы потомъ поссорились. Тогда, чтобы не скучать дома, Новосельскій доставилъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Назову семейство доктора Грюнбергъ; его дочери были очень любезны и талантливы; старшая, по имени Юли, играла весьма хорошо на фортепьяно; она училась у Гензельта

на изживеніе великой княгини Елены Павловны. Младшая Изабелла пѣла съ увлечениемъ и смысломъ (intelligence). У нихъ я проводилъ пріятные вечера, равно какъ у знакомыхъ ихъ Александровичей.

Въ ноябрѣ погода стояла еще пріятная и узнавъ, что матушка была въ Петербургѣ, я рѣшился тудаѣхать для свиданія съ нею.

Новосельскій съ свойственною ему услужливостью досталъ мнѣ карету. Несмотря ни на то, что Двина была уже покрыта шедшимъ льдомъ, ни на снѣгъ, выпавшій на разстояніи 300 верстъ отъ Петербурга, мы съ Don Pedro доѣхали благополучно въ половинѣ ноября, по нашему стилю.

Отдохнувъ нѣсколько дней, я навѣстилъ моихъ знакомыхъ и былъ на имянинахъ Екатерины М. Коньярѣ, семейство коихъ и Кастріото было тогда въ Петербургѣ. Въ концѣ ноября я захворалъ и поселился на время болѣзни, чтобы не разлучаться съ матушкой, у зятя моего В. И. Флѣри, у Краснаго моста въ училищѣ глухонѣмыхъ. Тамъ была сестра Ольга съ мужемъ и Марія съ дѣтьми. Жили въ тѣснотѣ, но мнѣ было пріятно, несмотря на недугъ. Во времена выздоровленія въ началѣ 1849 г. я былъ на вечерѣ, устроенному княземъ П. А. Вяземскимъ по случаю 50-лѣтней дѣятельности В. А. Жуковскаго на его литературномъ поприщѣ. Блудовъ читаль стихи князя Вяземскаго по этому случаю, мы пѣли также хоръ въ честь Жуковскаго, сочиненный графомъ Мих. Юр. Віельгорскимъ. На этомъ вечерѣ присутствовалъ также государь императоръ Александръ Николаевичъ (бывшій тогда цесаревичъ) и я имѣлъ счастіе быть имъ замѣченнымъ и почтенными ласковыми распросами обо мнѣ.

Зимою съ 1848 на 1849 г. Фреццолини желала взять мою оперу: Жизнь за Царя въ свой бенефисъ. Она сама сдѣлала мнѣ первый визитъ и привезла билетъ на свой бенефисъ. Опера моя не была дана итальянцами, потому что публика была недовольна отъ неудачныхъ попытокъ русскихъ композиторовъ и жестоко раздражена послѣ великоглѣпной неудачи (fiasco) оперы il Berichino di Parigi ..... Вышло высочайшее повелѣніе не принимать на итальянскій театръ произведеній русскихъ композиторовъ. Gloire à M-г.....! (Рукою Глинки нарис. кошачья голова).

Князь Одоевскій пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ и мно-

гихъ общихъ знакомыхъ — на этомъ вечеरѣ по совѣту князя я назвалъ Хоту испанской увертюрой, а свадебную и плясовую Камаринской.

Весною я познакомился съ Владимиromъ Вас. Стасовымъ, весьма основательнымъ музыкантомъ, любителемъ изящныхъ искусствъ и весьма образованнымъ человѣкомъ. При немъ я пробовалъ сдѣлать музыку на слова Ободовскаго: Палермо (написанные въ воспоминаніе пребыванія императрицы Александры Феодоровны въ Палермо), но не успѣлъ и взялъ слова съ союю въ Варшаву.

Гейденрейхъ отлично меня поставилъ на ноги и очень ранней весной я началъ выѣзжать, и большою частю съ Новосельскимъ, возвратившимся изъ Варшавы зимою. Онъ познакомилъ меня съ молодыми людьми и литераторами юнаго поколѣнія — къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ довели себя до бѣды въ теченіе того же 1849 года.

Весною я рѣшился отправиться снова въ Варшаву, тѣмъ болѣе, что получилъ письма, на основаніи которыхъ могъ ожидать много пріятнаго. Выѣхавъ изъ Петербурга 9 мая по нашему стилю, мы путешествовали на почтовыхъ въ каретѣ самымъ пріятнымъ образомъ; погода была превосходная, нѣжная весенняя зелень, пѣніе птицъ, все располагало душу къ радости; перѣхавъ же Нѣманъ въ Ковно видѣ природы сдѣлался совершенно праздничнымъ.

ПЕРИОДЪ XIV.

Вторичное пребываніе въ Варшавѣ и въ Петербургѣ.

По приѣздѣ въ Варшаву вскорѣ увидалъ я, что ошибся въ разсчетѣ. Занять квартиру въ Нецалой улицѣ одного отсутствовавшаго полковника, я малу по малу началъ чувствовать нападеніе хандры. Одною стороною въ квартирѣ нашей окочки выходили на Саксонскій садъ; густые тополи (не пирамидальные) въ дурную погоду заслоняли свѣтъ и шумомъ вѣтвей и листьевъ во время вѣтра наводили уныніе на душу. Въ свѣтѣ е. и. величества, находившейся въ то время въ Варшавѣ, было нѣсколько короткихъ моихъ знакомыхъ и однокашниковъ; иногда я кутиль съ ними *) и другими знакомыми. Главныя сборища

*) «Что весьма не умно!» рукою Глинки въ копіи карандашомъ.

были у меня и у пансионского моего товарища, генерала А. Н. Астафьева. Видался я также иногда и съ княземъ Мих. Д. Волконскимъ.

Несмотря на то, что иногда удавалось мнѣ проводить время пріятно, эта разсѣянная жизнь меня искренно не радовала и не наводила меня на музыкальные вдохновенія. Музыкальная глубокія наслажденія въ теченіи лѣта 1849 г. ощущалъ отъ игры на органѣ въ евангелической церкви, органиста Фрейера. Онъ превосходно исполнялъ шесы Баха, отчетливо дѣйствовалъ ногами и органъ его былъ такъ хорошо настроенъ, что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, а именно въ фугѣ В. А. С. Н и токкатѣ

F-dur онъ доводилъ меня до слезъ.

Наконецъ хандра въ концѣ лѣта довела меня до жесточайшей апатіи и большую часть дня я проводилъ дома, лежа на диванѣ. Въ то время возлѣ самой Варшавы стоялъ гусарскій полкъ его и. высочества в. и. Михаила Павловича. Одинъ изъ полковниковъ этого полка, землякъ мой и тѣзка Михаиль Ивановичъ Кубаровскій, съ которыми я иногда встрѣчался въ обществѣ, заѣхавъ ко мнѣ, уговорилъ меня навѣстить его. Не знаю какъ, вопреки апатіи, онъ увезъ меня; сперва посѣтили мы нѣсколькоихъ нашихъ общихъ знакомыхъ, а потомъ въ 1-мъ часу ночи постучали въ заведеніе Ома (оно всѣмъ бывшимъ въ Варшавѣ очень извѣстно) и такъ какъ намъ не отпирали, то мы перелѣзли черезъ заборъ, и, выпивъ тамъ шампанского, отправились на квартиру Кубаровскаго. Онъ квартировалъ вмѣстѣ съ полкомъ и товарищами въ домикахъ съ садиками, отстоявшими въ полу-верстѣ отъ заведенія Ома (Омъ).

Кубаровскій отвелъ мнѣ на своей квартирѣ комнатку и на другой день, напившись чаю и одѣвшись, мы отправились пѣшкомъ съ нѣсколькоими товарищами Кубаровскаго къ Ому. Погода была превосходная (августъ и сентябрь въ Варшавѣ и Парижѣ безспорно лучшее время года), заведеніе Ома съ его довольно большимъ и довольно хорошимъ садомъ, прекрасной залой, гдѣ стоялъ не совсѣмъ дурной рояль и резонансъ былъ превосходный, опрятная кухня и хороший погребъ доставляли желающимъ всѣ способы для пріятнаго препровожденія времени.

Сверхъ того въ заведеніи были двѣ дочки хозяина, старшая Розамунда, сокращенно Рузя, нравилась всѣмъ красивымъ личикомъ, а инымъ дородствомъ; за ней ухаживала большая часть посѣтителей. Вторая дочка (меньшая была въ пансионѣ) по имени Эмилия, сокращенно Миця, была маленькая, стройненькая, живая и вострая (воструха) дѣвочка. Мое пѣніе произвело фуроръ, какъ на гусаровъ, такъ и на семейство хозяина заведенія. Большую часть всего времени, которое я пробылъ у Кубаровскаго, я часто бывалъ и иногда и обѣдалъ у Ома. Вглядываясь въ живую, миловидную Эмилию, невольно сближался съ нею. Въ это же пребываніе у Кубаровскаго, онъ предложилъ мнѣ романсь Мицкевича Rozmowa; Миця презабавно учila меня читать и произносить его, а я училь ее нѣсколько на фортепьянѣ и пѣнію. Возвратясь въ Варшаву, я не долго тамъ оставался и снова приѣхалъ къ Кубаровскому. Мало по малу мы съ Мицей подружились и когда полкъ гусарскій, въ которомъ служилъ Кубаровскій, вышелъ изъ Варшавы, я почти ежедневно посѣщалъ Ома; въ моихъ похожденіяхъ сопутствовалъ мнѣ въ качествѣ адъютанта Розенбергъ, братъ г-жи Грюнбергъ, котораго мы просто называли Даніель. Кроме дружескихъ бесѣдъ и музыки, я участвовалъ съ Мицей при собираніи яблокъ, грушъ и другихъ плодовъ.

Въ октябрѣ мы перѣѣхали на Длугу (длинную) улицу противу арсенала.

Я съ Даніелемъ продолжалъ ежедневно посѣщать Ома. Когда плоды были собраны, дошло дѣло до овошней, а въ концѣ осени и въ началѣ зимы мы чистили майсъ, горохъ, макъ и пр. Эта эвлога продолжалась до настоящей зимы—и поэтическое чувство въ милой Мици возвудило *) во мнѣ музыкальную дѣятельность: я написалъ въ теченіи осени романсь: Rozmowa Miцкевича по-польски и посвятилъ его Эмилии Омъ. Написалъ также Адель и Мери Пушкина, первую изъ нихъ посвятилъ сестрѣ Ольгѣ Измайловой, а вторую Марьѣ Степановнѣ. Въ теченіи этой осени я часто встрѣчался у Ома съ старикомъ Курпинскимъ, известнымъ въ свое время польскимъ композиторомъ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій и я съ удовольствиемъ бѣдоводалъ съ нимъ объ искусствѣ.

*) На полѣ рукою Глинки карандашомъ: «Хоръ для Смолинаго монастыря».

Зима 1849 на 1850 годъ была чрезвычайно сурова, я захворалъ и долженъ былъ прекратить мои посѣщенія Ома. Весною я взялъ себѣ въ няни Теклу, еще молодую и довольно пріятной наружности девушку. Она была добра и услужлива, но эти качества помрачали одинъ важный порокъ, къ сожалѣнію очень обыкновенный въ Варшавѣ: она периодически придерживалась водки и въ концѣ лѣта я вынужденъ былъ разстаться съ нею.

Въ теченіи лѣта я часто видался съ Дубровскимъ, Корсакомъ, Даніелемъ, Соболевскимъ (бывшимъ въ то время профессоромъ въ Варшавѣ) и комиссариатскимъ чиновникомъ А. П. Григоровскимъ.

Въ началѣ осени государыня императрица (нынѣ вдовствующая) приѣхала въ Варшаву; на другой день приѣзда ея величества я сочинилъ романъ Ободовскаго Палермо, который посвятилъ государынѣ и который изданъ подъ именемъ Финскій заливъ.

Въ октябрѣ того же 1850 г. я былъ приглашенъ въ государынѣ императрицѣ на вечеръ. Это случилось по слѣдующему поводу: Ольга Николаевна, приѣхавшая также въ Варшаву, объявила князю Паскевичу, что она не уѣдетъ изъ Варшавы, не услыша и не увида Глинки.

Со мною приглашены были и Грюнберги: мать съ двумя дочерьми.

Государыня самыми ласковыми образомъ привѣтствовала меня почти въ слѣдующихъ словахъ по-русски: «Здравствуй, Глинка! что ты тутъ дѣлаешь?» На мой отвѣтъ, что я нахожусь въ Варшавѣ по причинѣ климата менѣе суроваго, нежели въ Петербургѣ, ея величество изволила сказать; «разница не большая, но я рада, очень рада тебя видѣть». Я принужденъ былъ сбрить усы и бороду, такъ что когда я взошелъ въ залу, где находились гости, приглашенные на вечеръ, князь Паскевичъ, видѣвшій меня въ усахъ и бородѣ прежде того, поклонился мнѣ насмѣшилъ въ противуположномъ родѣ, послѣ чего князь поклонился мнѣ естественно и я ему также. Послѣ этого мы съ княземъ болѣе не встрѣчались.

Вскорѣ меня посадили за рояль, а около меня стояли дви-

цы Грюнбергъ. Ольга Николаевна и Бартенева сѣли у самаго рояля. Здѣсь нарушенъ мною хронологическій порядокъ. Еще весною 1849 г., въ бытность мою въ Петербургѣ И. К. Кавосъ просилъ меня написать выпускной хоръ для дѣвицъ Смольнаго монастыря. Я съ трудомъ согласился на его просьбу, потому что не хотѣлъ вступать въ соперничество съ ...., съ Львовыми и графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, которые писали, и не удачно, для дѣвицъ Смольнаго монастыря выпускные хоры.

Въ 1850 г. въ концѣ лѣта Кавосъ прислалъ мнѣ стихи инспектора Смольнаго монастыря Тимаева; содержаніе ихъ было хорошо, но они были слишкомъ длинны. По разсчету времени некогда было отослать ихъ въ Питеръ обратно для передѣлки и я по возможности могъ только сократить ихъ. Сверхъ того Кавосъ просилъ написать оркестръ, какъ можно слабѣе и предлагалъ мнѣ употребить фортепьяно, арфу и нѣсколько духовыхъ инструментовъ.

Зная по опыту, что отъ дудокъ (дураковъ, какъ ихъ называетъ дѣвично Кукольникъ) опрятнаго исполненія ожидать нельзя, съ фортепьяномъ и арфою я употребилъ весь оркестръ, наинструментовалъ пьесу такъ прозрачно и мягко, какъ только можно, съ тѣмъ, чтобы выказать голоса дѣвицъ, какъ можно болѣе. Окончивъ трудъ, я отоспалъ его Кавосу съ подробнымъ наставленіемъ, какъ размѣстить оркестръ и дѣвицъ. Нѣть сомнѣнія, что Кавосъ, по свойственной ему разсѣянности, пренебрѣгъ моими замѣчаніями *). Хоръ не произвелъ надлежащаго эффекта и я вслѣдствіе того получилъ забавное письмо отъ Кавоса. Въ этомъ письмѣ сказано между прочимъ: «*Sa Majesté L'Empereur a trouvé que l'instrumentation du choeur est faible et moi je partage parfaitement l'opinion de Sa Majesté.* Cavos partage l'opinion de Sa Majesté **!»

Въ началѣ октября 1850 мы перѣехали въ Налевки въ домъ Натансона. Квартира наша была очень опрятна и помѣстительна. Залъ былъ довольно большой и въ теченіи зимы съ 1850 на 1851 г. часто приходили ко мнѣ молодыя гризетки, плясали у меня и очень веселились. Въ концѣ зимы мое здо-

*) На полѣ копіи рукою Глинки карандашомъ написано: «Хоръ этотъ искаженъ отъ лѣноты Кавоса, но у Д. В. Стасова желающіе могутъ найти вѣрный экземпляръ».

**) «Bravo, bravissimo!» Здѣсь, рукою Глинки, нарисована ослиная голова.

ровые начало очень разстраиваться, это происходило отчасти отъ куренія папиросовъ (что и прежде того мнѣ замѣчали нѣкоторы знакомыя барышни), отчасти отъ венгерского вина, кото-рое сильно бьеть на нервы. Отъ того и другого я впослѣдствіи отсталъ совершенно.

Весною я также все какъ-то недомогалъ. Въ іюнѣ 1851 г. однажды послѣ обѣда я игралъ на фортепіано, у меня сидѣлъ А. Л. Неваховичъ (бывшій въ то время въ Варшавѣ), онъ привезъ съ собою католическаго ксендза и итальянскаго maestro Ricci. Don Pedro прервалъ мою игру на фортепіано: принесли мнѣ два письма изъ деревни, я попросилъ гостей, чтобы позво-лили мнѣ прочесть ихъ, прибавя, что разомъ два письма пред-вѣщаютъ недобroe. Дѣйствительно, я получилъ извѣстіе о кон-чинѣ моей матушки; она, какъ праведница, угасла отъ старости.

Извѣстіе это поразило меня, но я не плакалъ. На другой день послѣ обѣда въ большомъ и указательномъ пальцахъ пра-вой руки, коими я взялъ роковыя письма изъ рукъ Pedro, въ то самое время, когда Pedro принесъ мнѣ ихъ нажанунѣ, по-чувствовалъ я слабость и какъ бы ползаніе мурашекъ и чрезъ нѣсколько минутъ правая рука ослабѣла до того, что я не могъ почти владѣть ею. Докторъ мой, Морицъ Вольфъ, увѣрилъ меня однако же, что это было временное нервное раздраженіе—слова его впослѣдствіи оправдались.

Я первое время писать самъ не могъ, и съ величайшимъ затрудненіемъ подписывалъ свое имя. По моей просьбѣ Don Pedro увѣдомилъ сестру Людмилу о бѣдствіи меня постигшемъ; тогда же сестрѣ Людмилѣ съ ея мужемъ я далъ полную довѣ-ренность на управленіе моихъ имѣній. Въ іюль сестра Людмила приѣхала ко мнѣ въ Варшаву; ея внимательная дружба неска-занно утѣшила меня. Я нѣсколько ожилъ духомъ; мы распоря-дились по дѣламъ нашимъ сколько то было возможно. По отъ-ѣздѣ сестры въ августѣ я передѣлалъ Potpourri изъ испан-скихъ мелодій: Recuerdos de Castilla, развилъ пьесу и наз-валъ ее испанской увертюрою № 2. Писать ноты мнѣ стоило менѣ труда, чѣмъ подписывать мое имя.

Въ тоже время началъ хлопотать о паспортѣ за границу и послалъ докторское свидѣтельство въ С.-Петербургъ съ проше-ніемъ. Не получая разрѣшенія о паспортѣ и видя изъ писемъ

сестры Людмилы, что бумаги, сделанные вследствие обдуманныхъ нами распоряжений, надобно было передѣлать, я рѣшился самъѣхать въ Петербургъ. Нанявшись почтовую карету (2-хъ-мѣсячную) я, Don Pedro, Даніель и мой поварь отправились изъ Варшавы въ началъ сентября; погода была превосходная и мы доѣхали благополучно. Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ погода начала портиться, а съ нею и мое здоровье. Гейденрейхъ прислужился мнѣ слабительнымъ, отъ которого нервы мои разыгрались, а такъ какъ болѣзнь усиливалась, то я и рѣшился приѣхнуть къ гомеопатическому доктору Жалю (Jal) *). Съ самаго начала леченія я почувствовалъ некоторое облегченіе въ рукѣ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ я перѣѣхалъ въ домъ Мелихова. В. П. Энгельгардтъ часто навѣщалъ меня и познакомилъ меня съ менышимъ братомъ Вл. Стасова, Дмитр. Вас. Стасовымъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ и хорошимъ музыкантамъ. У меня на квартире былъ хороший фортепьяно, Энгельгардтъ прислуживался нотами и скоро мы завели тамъ играціе въ 4 руки.

Въ октябрѣ приѣхала въ Петербургъ сестра Людмила; послѣ совѣщанія съ добрымъ нашимъ родственникомъ А. В. Казадаевымъ, сделанныя въ Варшавѣ бумаги оказались ненужными. Пришлось мнѣ съ несказаннымъ трудомъ (въ началѣ ноября) подписывать другіе документы. Сестра Людмила, приѣхавъ въ Петербургъ, поселилась у В. И. Флѣри. 17-го ноября, въ день рожденія своего она сдѣлала у себя вечеръ; на немъ объявила мнѣ, что она остается всю зиму со мною и что уже квартира ею нанята для насъ. Это дружеское участіе сестры тронуло меня до глубины души.

1-го декабря, мы съ сестрой переехали въ домъ Жукова на углу Невскаго проспекта и Владимірской улицы. Квартира была довольно удобна, залъ большой. Вскорѣ мы наняли 2 рояля у Мельцеля; впослѣдствіи Энгельгардтъ велѣлъ перенести къ намъ фортепьяно. Начали играть сперва въ 8, а потомъ и въ 12 рукъ. Сколько помнится, въ пятницу вечеромъ собирались участвовать въ этомъ дѣлѣ, а именно:

Дмитрій Стасовъ
А. Н. Сѣровъ { 1 forte-piano.

*) «Жаль, что взялъ Жала». Рукою Глинки.

В. П. Энгельгардтъ
К. П. Вильбуа } 2 forte-piano.

Сверхъ того Дубровскій, переведенный еще до моего приѣзда въ Петербургъ въ качествѣ профессора польского языка въ Педагогическомъ институтѣ, познакомилъ насъ съ прекраснымъ пьянистомъ и очень милымъ человѣкомъ, по имени De Santis.

Для игры въ 12 рукъ Энгельгардтъ доставлялъ потребныхъ на то музыкантовъ и самъ прилежно перекладывалъ на 12 рукъ преимущественно изъ моихъ оперъ.

Вообще жилось довольно мило и пріятно; но здоровье шло хуже и хуже. Я совершенно лишился аппетита и почти въ теченіи декабря ничего не ъѣлъ. Причиною этого жестокаго разстройства желудка полагаю, что, начавъ лечиться гомеопатически, мнѣ вздумалось (не знаю по чому) пить воду, ъѣсть холодныя кушанья и пр. Это болѣзненное состояніе продолжалось до 21 января 1852 г. и ночью разразилось жесточайшимъ и мучительнымъ разстройствомъ желудка (*colique*); рвота и жестокій (почти кровавый) поносъ терзали меня день и двѣ ночи.

Гейденрейхъ, призванный на помощь Жалю (котораго я оставилъ; съ тѣхъ поръ французскимъ докторамъ рѣшительно не довѣряю), въ недѣлю меня спасъ отъ опасности, которая мнѣ угрожала.

Когда я нѣсколько поправился, по просьбѣ Львова, я занялся приготовленіемъ пѣвчихъ (большихъ), которые должны были участвовать въ исполненіи его Молитвы у креста (*Stabat mater*). Въ тотъ годъ (1852) былъ 50-ти-лѣтній юбилей филармоническому обществу; нѣмцы хотѣли дать пьесу и моего сочиненія. Гр. Мих. Юр. Віельгорскій и Львовъ вытѣснили меня; негодованія съ моей стороны не было и, какъ сказано выше, я училъ и кормилъ пѣвчихъ.

28 февраля былъ у насъ большой музыкальный вечеръ, производили въ особенности арии Глюка съ гобоями и фаготомъ, оркестръ замѣнало фортепьяно. Глюкъ тогда еще больше произвелъ на меня впечатлѣніе—изъ его музыки слышанное мною въ Варшавѣ не могло еще мнѣ дать о немъ столь ясное понятіе.

Въ мартѣ, когда я началъ оправляться еще болѣе, поѣхалъ я, въ обществѣ Энгельгардта и Гейденрейха, оранжереи императорскія на Аптекарскомъ островѣ. Мое мнѣніе, что они лучше

устроены и богаче большими пальмами и другими тропическими растениями, нежели парижские оранжереи (*serres*) въ *Jardin des plantes* въ Парижѣ.

Въ апрѣль сестра устроила (именно сестра, а не я) 2-ой концертъ для филармонического общества. Участвовала Шиловская и пѣла не сколько моихъ пьесъ. Оркестръ исполнилъ испанскую увертюру № 2 (A-dur) и Камаринскую, которую я тогда слышалъ въ первый разъ. Ф. М. Толстой (Ростиславъ) былъ на репетиціи и именно на этой-то репетиціи была рѣчь о томъ, какъ онъ объяснилъ е. и. в. государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей) значеніе педалей на Fis и на Do въ заключеніи (*Régoraison*). Знаменитый нашъ критикъ по глубокому пластическому воззрѣнію не нашелъ ничего лучше и умнѣе какъ только то, что пьяный-де толчется въ дверь.

Къ пасхѣ по желанію сестры я написалъ первоначальную польку (такъ она названа въ печати *). Эту польку я игралъ въ 4 руки съ 40-го года, написалъ же ее въ апрѣль 1852 года.

На вечерѣ, который устроилъ для меня к. Одосевскій въ томъ же апрѣль мѣсяцѣ и где находились многіе изъ моихъ знакомыхъ, въ присутствіи ихъ графъ М. Ю. Віельгорскій началъ трунить надо мною, но я отъ него преловко отдѣлся.

Въ концѣ апрѣля былъ также (*à mon intention*) вечеръ у Новосельскаго (онъ былъ уже женатъ). На немъ повторили съ фаготомъ и гобоемъ часть пьесъ, исполненныхъ на нашемъ вечерѣ 28 февраля.

Въ маѣ былъ (*à mon intention*) вечеръ у к. Мих. Волконскаго, играли квартеты, были на вечерѣ: Шубертъ, Шерингъ и Белингъ.

У насъ два раза былъ Шубертъ и играли квартеты.

Около половины мая (20 мая) сестра поѣхала со мною, Д. А. Шестаковымъ и А. Н. Сѣровымъ на биржу. Эль (которымъ, по нашему желанію, сестра угощала насъ) произвелъ совершенно различное дѣйствие: я (противу обыкновенія) сохранилъ евилибръ (равновѣсіе), Д. А. сдѣлся чрезвычайно веселъ и разговорчивъ, у словоохотника же А. Н. Сѣрова языкъ прилипъ

къ гортани. 21 мая (день моего ангела) я выпустилъ въ Лѣтній садъ 2 пѣночки и юлку, которыхъ потѣшили меня весною. Позавтракавъ у Допоп, мы съ сестрою провели день въ Царскомъ Селѣ; къ ужину вечеромъ собрались пріятели, т.-е. наша компания.

ПЕРИОДЪ XV.

Третье путешествіе за границу и возвращеніе въ Россію.

23 мая, сестра и пріятели проводили меня за границу съ Don Pedro. Мы отправились въ почтовой каретѣ до Варшавы. На другой день путешествія мы взяли въ свою карету довольно красивую барыню. Ея общество доставило мнѣ нѣсколько развлечений во время путешествія и я сочинилъ ей маленькую мазурку въ родѣ Chopin—эта мазурка понравилась въ Варшавѣ и Парижѣ.

Изъ Варшавы, гдѣ мы не долго оставались, мы отправились на Ченстоховъ и Бреславль въ Берлинъ. Въ день приѣзда въ Römisches Hotel утромъ былъ у меня Мейерберъ—между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «Comment se fait-il, M-r Glinca, que nous vous connaissons tous de r  putation, mais nous ne connaissons pas vos oeuvres?»—«Cela est tr  s naturel, lui ai-je r  pondu, je n'ai pas l'habitude de porter mes productions». Впрочемъ, Мейерберъ чрезвычайно обходителенъ и любезенъ. День показывалъ мнѣ все примѣчательное. Я хорошо осмотрѣлъ музеумъ и звѣринецъ. День угощалъ меня также квартетами и мозельвейномъ.

Изъ Берлина, переночевавъ въ Ганноверѣ, на другой день приѣхали мы въ Кёльнъ. Провели тамъ сутки и видѣли катедраль;—жалъ, что его возобновляютъ и достраиваютъ: тоже, да не тоже. Изъ Кёльнаѣхали мы вверхъ по Рейну до Страсбурга. Милое путешествіе.

Оставшись нѣсколько дней въ Страсбургѣ, мы осмотрѣли катедраль и видѣли знаменитые часы. Желѣзная дорога между Парижемъ и Страсбургомъ не была еще окончена и мы часть пути мучились въ дилижансѣ. Дилижансы во Франціи дѣйствительно мучительны, ихъ грузятъ ужасно, а сидѣть пассажирамъ тѣсно, притомъ же гг. кондукторы большие невѣжи; пробывъ нѣсколько часовъ въ Нансу (весъма опрятненькому городу) по желѣзной дорогѣ рано, на другой день, прибыли въ Парижъ.

Не безъ удовольствія вѣхали я въ Парижъ; много, много

прежняго, былого отозвалось въ душѣ моей. Я поселился въ Hotel de la marine, гдѣ останавливался прежде и гдѣ нашелъ знакомыхъ лица.

Всюдѣ отыскались знакомые: Henry Merim  (котораго статья о Жизни за Царя приведена мною въ концѣ 3-й части этихъ записокъ), съ которымъ, посредствомъ Мельгунова, по поводу этой статьи я познакомился еще въ 1845 г. зимою. Я уже тогда съ нимъ сблизился дружески, въ 1852 году лѣтомъ онъ былъ въ Парижѣ и съ нимъ осматривали Hotel de Cluny, музей и также древнія улицы Парижа.

Приѣхалъ на короткое время въ Парижъ Д. А. Шестаковъ, и мы съ нимъ въ теченіи 2-хъ дней были неразлучны и съ детскимъ веселіемъ беззаботно предавались разнообразнымъ парижскимъ удовольствіямъ.

Такъ какъ цѣль моей поѣздки была Андалузія, а именно: Севилья, то въ юлѣ мы отправились въ Chalon sur Saône по желѣзной дорогѣ. Мы выѣхали вечеромъ; ночью во время переѣзда нѣсколько часовъ я мучился отъ нервнаго ощущенія заміранія со страхомъ, подобнаго тому, которое испыталъ въ 1847 году въ Новоспасскомъ и Смоленскѣ.

Къ утру страданія унялись и мы по Сонѣ (Saône) на пароходѣ отправились въ Ліонъ, гдѣ переночевали. Несмотря на живописное мѣстоположеніе Лиона, послѣ мучительныхъ страданій прошедшей ночи, я былъ въ какомъ-то непріятномъ онѣмѣніи. Изъ Лиона по Ронѣ (Rhône) на пароходѣ же отправились въ Avignon, куда прибыли часовъ въ 5 пополудни. Берега Роны не столь живописны, какъ Рейна, а всѣ способы путешествія во Франціи въ то время были несравненно неудобнѣе, чѣмъ въ Германіи.

Въ Авиньонѣ осмотрѣли мы бывшій папскій дворецъ, обращенный теперь въ казармы; подлѣ дворца сдѣлано между скалъ съ большимъ вкусомъ гулянье; насажены между голыхъ камней вѣчно зеленые деревья. Это гулянье ведеть къ террасѣ, съ которой представляется превосходная панорама: подъ ногами (*à vol d'oiseau*) большая часть города; Рона, раздѣленная на нѣсколько рукавовъ; вдали съ одной стороны чуть виднѣлись Альпы, съ другой Пиренеи.

Мы долго любовались этой панорамой. На другой день ут-

ромъ, въ Авиньонѣ, гдѣ мы переночевали, возобновилось нервное раздраженіе съ ужаснѣйшею силою. Я принялъ гомеопатическое Ignatia и успокоаясь нѣсколько, послѣ завтрака, отпра-вились мы по желѣзной дорогѣ въ Восаїге, гдѣ тогда была ярмарка; но мнѣ тогда было не до ярмарки, ни до Воклюза, я спѣшилъ въ Монтпелье и Тулузу, чтобы скорѣе добраться до Испаніи. Судьба опредѣлила иначе.

Монтпелье, который очень хвалить, мнѣ не понравился во-все, равно какъ и гулянье, называемое Рeугоп. Въ дилижансѣ изъ Montpellier въ 24 часа приѣхали мы въ Тулузу, гдѣ оsta-новились въ извѣстномъ уже намъ Hôtel Cosset tenu par Chaubart.

Мы пробыли тамъ около двухъ недѣль, въ продолженіи ко-ихъ я страдалъ ежедневно. Въ Тулузѣ познакомились мы съ Emile Delille, съ которымъ часто видались въ Парижѣ. Онъ былъ образованъ, услужливъ, но гасконецъ.

Безпрерывное страданіе отвратило меня отъ намѣреніяѣхать въ Испанію и я рѣшился возвратиться въ Парижъ, а чтобы пу-тешествовать покойнѣе, я приказалъ нанять крытую коляску и мы на почтовыхъ безъ малаго въ двое сутокъ доѣхали до Poitier, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Touig, на другой день въ Blois, на третій въ Orléans, на четвертый въ Парижъ. По причинѣ дурной погоды и сквернаго расположенія духа я не видаль замковъ: Chambord и Chепонсеах; берега Лоары показались мнѣ менѣе живописными, нежели берега Сены; за-вѣрность этого мнѣнія не отвѣчаю.

Въ Парижъ мы возвратились 15 августа день св. Наполеона; всѣ Hotêls были полны; въ Hôtel de la marine, гдѣ мы остановились, не было комнаты и мы переночевали въ столо-вой, кто на диванѣ, кто на столѣ. Мы вскорѣ нашли удобную квартиру въ Rue Rossini подъ большой оперы (Académie de musique), эта квартира была на солнцѣ и слѣдственно веселень-ка. Въ томъ же домѣ мы отыскали молодую женщину м-те Jean, которая убирала наши комнаты и готовила намъ кушанье. Въ томъ же домѣ жила старушка м-те Beaucé, она была чрез-вычайно живого и веселаго нрава, учila музикѣ и весьма не дурно. Дочь ея м-те Идолде была первой пѣвицей въ opéra comique. Вскорѣ по переѣздѣ нашемъ въ Rue Rossini мы

познакомились съ т-те Beaucé и она однажды вечеромъ собрала у насъ въ залѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ ученицъ, которыхъ впослѣдствіи осеню и зимою приходили постоянно заниматься со мною пѣніемъ, итальянскимъ въ особенности.

Сентябрь былъ превосходный и я поправился до такой степени, что принялъся за работу. Заказалъ себѣ партитурной бумаги огромнаго размѣра и началъ писать симфонію украинскую (Тарасъ Бульба) на оркестръ. Написалъ первую часть первого Allegro (C-moll) и начало второй части, но не будучи въ силахъ или расположенніи выбиться изъ нѣмецкой колеи въ развитіи, бросилъ начатый трудъ, который впослѣдствіи *Don Pedro* истребилъ *).

Въ концѣ октября погода стала портиться и чтобы избѣгнуть скучи, съ содѣйствіемъ *Don Pedro* отыскалась молодая миловидная няня, по имени *Léonie*, сокращеннѣе *Ninie*.

Ей было лѣтъ 19 отъ роду, родомъ была она изъ департамента Жига (что нѣсколько часовъ отъ Женевы), была болѣе похожа на швейцарку и отличалась особенною свѣжестью лица. Она была смирна, но плоховата. Впрочемъ, зиму съ 1852 на 1853 г. я провелъ хорошо, домосѣдно, тихо и довольно пріятно. По утрамъ топили каминъ въ залѣ, и передъ завтракомъ у насъ было похоже на *Cabinet de lecture*; каждый сидѣлъ за своею книгою; послѣ завтрака почти ежедневно приходила одна изъ ученицъ т-те Beaucé. Въ 5-мъ часу мы обѣдали, иногда обѣдать приходили къ намъ пріятели, а вечеръ также не оставались мы одни.

Въ эту зиму прочелъ я, по указанію *Henry Merimée*: Иліаду и Одиссею Гомера (переводъ прозою т-те Dacier); почти всего Овидія. *Emile Delille* (съ которымъ мы познакомились въ Тулузѣ) поселился въ Парижѣ и снабжалъ меня книгами изъ своей библіотеки. Онъ далъ мнѣ превосходное изданіе Овидія съ прекрасными гравюрами и *Неистоваго Роланда* Ариосто, который мнѣ очень понравился. Въ музыкальномъ отношеніи было не много пріятельнаго. Вскорѣ по прибытии нашемъ въ Парижъ, *Henry Merimée* познакомилъ насъ въ семействѣ т-га *Duport*; тамъ собирались иногда по вечерамъ любите-

*) «Хорошъ былъ баринъ». Прим. М. И. Глинки.

ли и любительницы музыки и пѣли очень ловко разные шог-
сеaux d'ensemble.

Театръ посѣщалъ я рѣдко по причинѣ той, что парижане нещадно душатся и въ театрахъ атмосфера невыносимая. Я слышалъ однажды 2 раза въ орѣга сомикуе Іосифа Мегюля, очень хорошо исполненного, т.-е. безъ всякихъ вычуръ и такъ опрятно, что несмотря на то, что Іосифъ и Симеонъ были плоховаты, исполненіе этой оперы тронуло меня до слезъ. Bussine въ роли Іакова былъ превосходенъ.

Волковъ прислужился Ninie и мнѣ ложею въ орѣга сомикуе на первое представлѣніе оперы Обера Marco Spada. Начало увертюры чрезвычайно мило и обѣщало много хорошаго; но Allegro увертюры и музыка оперы оказались весьма неудовлетворительными.

Волковъ былъ абонированъ на концерты въ парижской консерваторіи, ему было известно невыгодное мое мнѣніе о вычурномъ способѣ исполненія въ этихъ концертахъ, въ особенности Бетховенской музыки. Онъ пожертвовалъ мнѣ однимъ концертомъ единственно для того, чтобы я повѣрилъ прежнее впечатлѣніе. Между прочимъ давали въ тотъ концертъ 5-ю симфонію Бетховена (C-moll); исполненіе нашелъ я совершенно такимъ же, какъ и прежде, т.-е. очень вычурнымъ; рѣдоходили до нѣльпой Рубиневской степени, а гдѣ мало-мальски надлежало выходить духовымъ, они жеманно рисовались; однимъ словомъ, симфоніи Бетховена не было (elle a été complѣtement escamot  e). Другія же пьесы, какъ хоръ дервишей изъ Аѳинскихъ развалинъ Бетховена и симфонія Моцарта, исполнены были отчетливо и весьма удовлетворительно.

Зимою съ 1852 на 1853 г. часто посѣщалъ меня Steiner, женатый на старшей дочери м-те Веансѣ, нерѣдко бывалъ сынъ ея Henry Veans  , весьма молодой мальчикъ, хороший музыкантъ; онъ не дурно пѣлъ, хотя нѣсколько въ носъ, высокимъ теноромъ. Steiner смѣшилъ насъ различными фарсами.

Въ началѣ весны Ninie уѣхала къ роднымъ, я также собирался въ обратный путь, мало-по-малу здоровье мое снова начало портиться и мнѣ начало быть скучно въ Парижѣ. Возникъ восточный вопросъ; это обстоятельство еще болѣе увеличило желаніе возвратиться во-свойси и нѣть сомнѣнія, что я

бы уѣхалъ изъ Парижа, если бы нашелъ содѣйствие въ этомъ намѣреніи со стороны моего товарища Don Pedro, который рѣшительно пристрастился къ Парижу и оказывалъ уже нѣкоторое сопротивленіе. Съ другой стороны, меня пугала желѣзная дорога и я изыскивалъ другой способъ путешествовать; поручилъ мужу нашей кухарки, м-те Jean, опытному въ кучерскомъ дѣлѣ человѣку, развѣдать, нельзя ли дешево приобрѣсть подержанную 2-хъ-мѣстную карету и будутъ ли еще почтовыя лошади къ услугамъ бѣдущимъ въ собственныхъ экипажахъ. Приобрѣтеніе кареты оказалось возможнымъ, но почтовыя лошади по всѣмъ направленіямъ желѣзной дороги уже не существовали. Это меня ввергло въ непрѣятное положеніе; съ разстроеннымъ желудкомъ и раздраженными нервами я не зналъ, на что рѣшиться. Между тѣмъ подвернулась мнѣ бойкая и веселонравная, довольно миловидная, молоденькая гризетка изъ Бордо. Мы перешли изъ rue Rossini въ концѣ апрѣля въ rue Rischeg № 43, въ квартиру чрезвычайно удобно расположенную и вновь очень опрятно меблированную. Нашлась подлѣ нашей квартиры маленькая квартирка и для Амали, такъ звали мою бордолезку. По просьбѣ нашей м-те Сопрѣ (отдававшая намъ въ наемъ квартиру, жена d'un tapisier), женщина пріятныхъ свойствъ, отрекомендовала намъ для услуженія и, какъ кухарку, индіанку (Indienne) Zoé изъ Pondichery. Zoé было подъ 40 лѣтъ, она была маленькая, очень смуглая, почти коричневаго цвѣта женщина, голось ея былъ совершенно дѣтскій. Она была чрезвычайно чистоплотна, готовила кушать хорошо, а жарила на вертелѣ въ совершенствѣ. Хотя восточный вопросъ разгорался все болѣе и болѣе и я тогда же предвидѣлъ, что онъ доведетъ до войны; несмотря также на то, что я часто страдалъ желудкомъ и нервами; не взирая, прибавлю, и на то, что это страданіе и печальные размышленія довели меня до тоски по отчизнѣ (Nostalgie); несмотря на то, я не бралъ доктора, по справедливости опасаясь шарлатановъ французскихъ и другихъ; не мало было и отрадно-разнообразныхъ минутъ.

Раннею весною приѣхалъ кн. Алексѣй Дм. Салтыковъ изъ Египта въ Парижъ. Я съ нимъ былъ давно знакомъ, а въ теченіи 1853 г. мы съ нимъ часто дружески видались. Нерѣдко въ началѣ весны, когда еще почти не было зелени,ѣзжали мы

въ Bois de Boulogne и позже лѣтомъ нерѣдко обѣдали и проводили время вмѣстѣ. Онъ художникъ въ душѣ — дипломатъ (черезъ-чурь вѣжливый по наружности). Садъ des Tuilleries пре-восходенъ весною: яркая зелень дикихъ капитановъ (tagroniers), сирени въ полномъ цвѣту — но въ особенности рой миловидныхъ, уже ловкихъ и мило одѣтыхъ дѣтей, дѣвочекъ въ особенности, привлекаетъ.

Амалія иногда веселила, но чаще докучала мнѣ своею излишнею живостію. Она уѣхала въ Бордо около начала іюня. До ея отѣзда случайно отыскалась одна наша знакомая испанка, по обратному путешествію нашему изъ Севиля въ Мадридъ въ 1847 г. Антонія была очень хорошенка, рѣзвая и веселая андалузка; въ сожалѣнію она скоро уѣхала обратно въ Испанію.

Adeline H., изрѣдка навѣщавшая Амалію модистка, по моему приглашенію посѣщала меня часто, а лѣтомъ переѣхала ко мнѣ въ качествѣ няни. Ей было подъ 30 лѣтъ, она была пріятная, довольно благовоспитанная и очень грамотная барышня.

Однажды въ исходѣ лѣта, возвратясь изъ утренней прогулки, я засталъ Мейербера въ нашей гостиной съ Don Pedro. Съ свойственной ему любезностію, Мейерберъ говорилъ о разныхъ предметахъ; спросилъ объ изданіи моихъ оперъ; я показалъ ему печатные экземпляры, бывшіе со мною «Жизни за Цара» и «Руслана». Рѣчь зашла о Глюкѣ и на вопросъ мой, производить ли музыка его эффектъ на сценѣ? Мейерберъ отвѣчалъ мнѣ, что именно на сценѣ только Глюкъ становится величимъ (grandiose). Онъ обѣщалъ мнѣ при моемъ отѣздѣ дать знать въ Берлинѣ заблаговременно и похлопотать о томъ, чтобы одну изъ Глюковыхъ оперъ дали для меня. Въ Берлинѣ—въ то время были на сценѣ 4 оперы Глюка: двѣ Ифигеніи, Армida и Альцеста. Отъ Глюка перешли мы къ другимъ классическимъ композиторамъ, при чемъ я высказалъ мой взглядъ на искусство. «Mais vous êtes très difficile!» сказалъ мнѣ Мейерберъ; «j'en ai complétement le droit, отвѣчалъ я ему, je commence par mes propres œuvres, dont je suis gagement content».

Послѣ этого раза я не встрѣчался съ Мейерберомъ; зимою или въ веснѣ онъ поставилъ въ Opéra comique оперу: l'É-

toile du Nord; я ее не слыхалъ и негодовалъ за то, что въ ней выведенъ Петръ I-й весьма непочтительно.

Въ концѣ лѣта 1853 г. египетскій паша прислалъ императору французовъ молодого бегемота (Nippopotame); стеченіе въ Jardin des plantes было такое, что мы съ Pedro долго не могли увидѣть этого любопытнаго звѣря. Былъ также привезенъ троглодитъ (Chimpanc ), хотя не большой, но настоящей породы. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ сидѣлъ въ большой клѣткѣ, гдѣ оставили немного обезьянъ, съ которыми онъ выдѣльвалъ удивительнѣйшія проказы.

Кромѣ посѣщенія Jardin des plantes и прогулокъ по окрестностямъ, я любилъ иногда угождать соотечественниковъ обѣдомъ у себя. Каждый новоприѣзжій пріятель непремѣнно, по моему настоятельному требованію, являлся ко мнѣ на обѣдь. Я самъ съ Зоею ходилъ выбирать плоды и умѣлъ очень ловко распоряжаться.

Въ глубокую осень поставили въ моей спальнѣ калориферъ, который былъ такъ хорошъ, что въ зимнее время, когда морозило, несмотря на то, что не было двойныхъ оконъ, мнѣ было тепло; некоторые знакомые снимали даже сюртуки и галстуки въ моей спальне.

Несмотря на это, я хворалъ всю зиму, вѣроятно отчасти оттого, что курилъ папиросы, несмотря на неоднократныя предостереженія Аделины, справедливо замѣчавшей, что куреніе табаку мнѣ вредило. Зиму всю я сидѣлъ дома и хандрилъ. Аделина читала бойко и отчетливо. Она прочла мнѣ почти всего Paul de Kock, Тысяча одну ночь (жалъ, что я не читалъ этихъ сказокъ, до сочиненія моей оперы Русланъ!) и D cameron Боккачіо. Серьезнымъ чтеніемъ и дѣломъ я не былъ расположенъ заниматься.

Вскорѣ по объявлѣніи войны Россіи съ Франціею, я съ Pedro уѣхалъ изъ Парижа, навѣстивъ передъ отѣзdomъ Jardin des plantes, какъ любимое мною мѣсто. Какъ было тепло и пріятно въ этомъ чудесномъ саду—цвѣли плодоносныя деревья и магноліи. Въ ночь передъ самимъ выѣздомъ у меня сдѣжалось сильное разстройство желудка, несмотря на это утромъ на другой день я выѣхалъ по сѣверной желѣзной дорогѣ.

Это было въ началѣ апрѣля 1854 г. по новому стилю.

Аделина провожала меня до желѣзной дороги. Вечеромъ въ 10 часовъ мы прибыли благополучно въ Брюссель и остановились въ Hôtel de Suède.

Намъ подали ужинать, но, послѣ бывшаго со мною разстройства желудка, я не могъ рѣшительноѣть, притомъ же трактирная пицца мнѣ показалась очень нехорошою.

На другой день братъ Ненгу Веаисѣ пригласилъ меня съ Pedro обѣдать; я ничего неѣль, но не отказался отъ пре-восходныхъ винъ, которыми онъ угощалъ насъ. Вечеромъ мы были въ театрѣ и порядкомъ посмѣялись—давали пьесу, которая относилась къ тогдашнему политическому вопросу. На третій день приѣзда въ Брюссель я посѣтилъ семейство Фейгенъ. Одна изъ барышень была невѣстой Дамке, съ которымъ я тогда по-знакомился. Мы были въ мастерской очень талантливаго, но крайне сумасброднаго живописца, имени не упомню. Его картины произвели на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Вечеромъ того дня съ семействомъ Фейгенъ мы отправились къ одному бельгійскому любителю музыки. На вечерѣ были тамъ скрипачъ Leonard съ женою и Серве. По моей просьбѣ исполнили тріо D-dur Бетховена; на фортепіано игралъ очень хорошо, т.-е. просто (не вычурно) и отчетливо самъ хозяинъ, на скрипкѣ Leonard, на віолончель, не знаю кто, только не Серве, который не игралъ вовсе, а важничалъ и между прочимъ пригласилъ меня къ себѣ въ помѣстье поохотиться.

Когда я по окончаніи тріо сталъ благодарить хозяина, онъ, указывая на Серве и на другихъ, находившихся тамъ виртуозовъ, сказалъ мнѣ: «Ce sont tous mes amis, mais je ne les aime pas».

На Кёльнѣ и Ганноверѣ по желѣзной дорогѣ, мы проѣхали въ Берлинъ. Меня до крайности размололо, мыѣхали avec la grande vitesse.

Съ радостію я увидѣлъ Дена, который угощалъ меня квартиртами, Гайдна въ особенности. Не было забыть и мозельвейнъ. Здоровье мое было разстроено; погода сдѣлалась очень сурова; но я перемогался, вспомнилъ что даютъ Глюка на театрѣ и рѣшился, несмотря на недугъ, услышать одну изъ его оперъ. По совѣту Дена я обратился къ издателю Шлезингеру, который съ израильскою услугливостью представилъ меня директору театровъ, который принялъ меня ласково и обѣщалъ мнѣ

свое содѣйствіе. Кромѣ меня былъ въ Берлинѣ приѣзжій композиторъ изъ нѣмцевъ (имени не упомню), который также, какъ и я, желалъ слышать одну изъ оперъ Глюка. По совѣту Шлезингера я былъ у первой пѣвицы г-жи Кѣстеръ. Съ разрѣшенія короля дали наконецъ Армиду. Эффектъ на сценѣ этой музыки превзошелъ мои ожиданія; сцена въ очарованномъ лѣсу D-dur съ сурдинами очаровательна. Сцена 3-го дѣйствія съ ненавистью (большая сцена, какъ ее называютъ нѣмцы) необыкновенно величественна. Г-жа Кѣстеръ помоему была хороша, пѣла вѣрно, играла умно; стройный ея станъ чрезвычайно хорошо шелъ къ роли. Оркестръ помоему лучше несравненно, чѣмъ въ парижской консерваторіи—играли безъ вычуръ, но отчетливо—полнота этого оркестра была болѣе чѣмъ удовлетворительна: двѣнадцать 1-хъ, двѣнадцать 2-хъ скрипокъ, 8 альтовъ, 7 віолончелей и столько же контрабасовъ, духовыхъ по два инструмента. Обстановка очень хорошая (Zwekmässig), сады изъ ландшафтовъ Клодъ Лорена, балетъ и прочее. Это было 74-е представление А рмиды и театръ былъ полонъ.

Я былъ также въ Singverein въ страстную пятницу; давали Tod Jesu Граунѣ, пѣли не дурно—оркестръ былъ слабъ, а музыка еще слабѣе.

Въ Варшаву я приѣхалъ благополучно и остался тамъ лишнюю недѣлю по причинѣ опухоли правой ноги (вѣроятно . отъ тѣсныхъ парижскихъ сапогъ). Корсакъ, поэтъ Вольскій и Н. Волковъ, который былъ сдѣланъ директоромъ Штукъ-пенкныхъ, часто навѣщали меня; послѣдній далъ мнѣ на время свой pianino.

Вольфъ успокоилъ меня на счетъ ноги; благодаря кн. А. М. Голицына (директора почтъ въ Варшавѣ) 11 мая въ почтовой каретѣ мы отправились въ С.-Петербургъ, куда прибыли благополучно 16 мая 1854 г. рано по утру; я вздрогнулъ, а Pedro, узнавши адресъ сестры въ Царскомъ Селѣ, полусонного перевезъ меня въ Царское, гдѣ я нашелъ сестру Людмилу Ивановну и маленькую крестницу племянницу Оленьку въ вождѣнномъ здравіи.

КОНЕЦЪ.